

Георгий Скрипкин

Жизнь без купюр

I

В последнее время Григорий Кузьмич Потемкин все чаще стал задумываться над тем, а правильно ли он прожил свою жизнь, все ли сделал для того, чтобы оставить потомкам хоть какую-то память о себе.

- Совсем не случайно говорят, – думал Григорий Кузьмич, сидя на скамейке парка, - что, только построив дом, посадив дерево и воспитав сына, человек может по-настоящему чувствовать себя счастливым и гордым за свою жизнь.

Что касается дома, - продолжал рассуждать Григорий Кузьмич, - то вместо дома получился какой-то сарай.

Дерево посадил, но продал его не за понюх табаку.

Сына вырастил, но вряд ли он сохранит и приумножит все, что непосильным трудом я создавал. Да и на долгую память я вряд ли могу рассчитывать, – с огорчением заключил он.

От грустных мыслей отвлек его звонкий детский смех.

Мимо него проходила молодая женщина с маленьким мальчиком. Мальчик не слушался ее и все норовил вырвать свою маленькую ручку из женской руки.

Женщина, зная проворный характер мальчика, никак не хотела выпускать его руку. Увидев на скамейке мужчину, она решила использовать последний шанс, для того, чтобы урезонить расшалившегося мальчугана: - Если будешь шалить, то строгий дядя заберет тебя с собой.

На это мальчик весело ответил:

- Во-первых, дядя не стлогий, а, во-вторых, я хочу с ним поиграть.

- Дядя, - обратился он к Григорию Кузьмичу, - вы будете со мной играть?

Григорий Кузьмич, немного смутившись, с усердием закачал головой в знак согласия. Потом опомнился и спросил:

- А как зовут такого кудрявого мальчугана?

Мальчик озорно посмотрел на женщину, как будто хотел сказать:

- Вот видишь, дядя совсем не строгий.

Потом повернулся к Григорию Кузьмичу и важно представился:

- Болис.

- Ну, совсем как Годунов, нет, как Ельцин Борис Николаевич, - с восхищением произнес Григорий Кузьмич, - быть тебе, Борис, великим человеком. Маленький Борис вопросительно посмотрел на женщину, и та вынуждена была вступить в разговор:

- А вы проницательны, ведь мы в честь Бориса Николаевича и назвали нашего мальчика. Правда, Боренька?

- Конечно, плавда, бабушка.

Мальчик потянул бабушку к скамейке, и той ничего не оставалось, как сесть рядом с Григорием Кузьмичем.

Григорий Кузьмич, предательски покраснев, представился:

- Потемкин Григорий Кузьмич, военный пенсионер.

- Очень приятно, - ответила женщина и, в свою очередь, представилась, - Алина Георгиевна, бабушка будущего великого человека.

Будущий великий человек, открыв рот, внимательно посмотрел на взрослых и обратился к бабушке:

- Бабушка, можно я побегаю по тлавке?

- Конечно, побегай, только далеко не убегай, - разрешила бабушка.

Борис с радостью помчался по траве, пытаясь поймать разноцветную бабочку.

В воздухе повисла неловкая пауза.

Первой заговорила Алина Георгиевна:

- А в каких войсках Вы служили, Григорий Кузьмич?

- Я то, в авиации, летал на бомбардировщиках, потом преподавал, готовил военных штурманов. В настоящее время, находясь на заслуженном отдыхе, продолжаю ворчливое общение с сотрудниками одной фирмы, в которой работаю, как говорится «не прикладая рук».

- Как это, не прикладая рук?

- А вот так, теперь ведь чаще общаемся через Интернет.

Живого общения становится все меньше и меньше.

Привет, привет и в экран компьютера. Через него и знакомимся, и дела делаем, и, извините, сексом занимаемся.

- Да, теперь без компьютера не обходится ни одна, уважающая себя организация, – согласилась Алина Георгиевна, - раньше в нашей парикмахерской ни одного компьютера не было, а теперь оргтехники - полный набор. И не парикмахерская уже, а салон красоты.

- А вы, что, в салоне красоты работаете?

- Да, собрала команду знакомых специалистов, да и открыла салон. Борис, - обратилась она к мальчику, - не спеши, неугомонный.

- Алина Георгиевна, так Вы бизнесвумен? – с иронией произнес Григорий Кузьмич.

- Выходит так, - не обратив внимания на ироничный тон, ответила Алина Георгиевна, - жизнь заставила. Да это и к лучшему. Теперь, слава богу, салон имеет серьезную клиентскую базу, специалисты салона –

высокие профессионалы, пользующиеся заслуженным уважением.

- А Вы сами практикуете?

- Конечно, куда же от своей любимой работы. Правда, много времени отнимают всякие административные обязанности, но мои постоянные клиенты не дают мне расслабиться, да я и сама не хочу с ними расставаться - оживилась Алина Георгиевна.

Было видно, что мысли о работе доставляют ей большое удовольствие.

- Счастливый Вы человек, Алина Георгиевна. Любимая работа, семейная радость дома. Что может быть лучше, - с какой-то грустью в голосе произнес Григорий Кузьмич.

- А что так грустно? – спросила Алина Георгиевна. Но Григорий Кузьмич не успел ответить, маленький Борис, набегавшись по траве, подбежал к бабушке и стал тащить ее от скамейки.

- Иду-иду, – улыбнувшись, сказала Алина Георгиевна и попросила, – Борис, попрощайся с Григорием Кузьмичем.

- До свидания, дядя, - прокричал мальчик и вместе с бабушкой пошел в сторону выхода из парка.

Григорий Кузьмич с грустью посмотрел им вслед и надолго задумался.

Уйдя на пенсию, он пару месяцев отдохнул у друзей на Байкале, наловился омуля, наигрался в преферанс, сходил с ружьишком три раза в тайгу. Убить никого не убил, а вот кедровых шишек колотушкой посшибал с друзьями много.

Вернувшись в Петербург, он попытался сначала устроиться на какую-нибудь работу, но с его возрастом найти хорошее место было затруднительно.

Объединившись с одним из своих знакомых, некоторое

время занимался торгашеством. Там они что-нибудь выгодно покупали, тут это что-нибудь удачно продавали.

Вначале перестройки такими мелкими сделками занималась значительная часть российских людей, выброшенных непродуманными реформами на обочину трудовой колеи, но не все из них смогли, в полной мере, проявить себя в роли торгашей. Некоторые из них не выдержали беспардонной конкуренции, некоторых просто замочили, а другим не хватило здоровья, чтобы выстоять.

После очередной выгодной сделки, компаньон Григория Кузьмича захотел получить больше причитающейся ему суммы и с этой целью навел на него бритоголовых молодчиков. Сначала были телефонные звонки с постоянными угрозами, потом его вызвали на стрелку, на которой сделали последнее предупреждение.

Вернувшись со стрелки, Григорий Кузьмич попытался успокоить свою больную жену, но последняя нервотрепка привела ко второму обширному инфаркту, и по дороге в больницу она скончалась.

Григорий Кузьмич навсегда запомнил ее последние слова: «Гриша, береги себя».

Но даже смерть жены не смогла защитить Григория Кузьмича от наезда бритоголовых.

На следующий день после похорон его навестили три мордоворота в спортивных костюмах, но присутствие в квартире еще не уехавших родственников, помешало бритоголовым осуществить свой наезд.

Григорий Кузьмич, в который уже раз, позвонил своему компаньону и попытался по-хорошему с ним поговорить, но тот и слушать его не хотел. Тогда он вспомнил о своем сослуживце, у которого сын работал в уголовном розыске и позвонил ему.

Через час сын сослуживца был уже у Григория Кузьмича. Он обстоятельно расспросил Григория Кузьмича о причине наезда и, узнав адрес компаньона, посетил его.

Прежде всего, он убедил компаньона отказаться от предъявляемых претензий, а когда тот окончательно раскис, узнал координаты бритоголовых. Со своими коллегами он отыскал их и посоветовал им отстать от Григория Кузьмича.

Бритоголовые, конечно, покочевряжились, но на некоторое время все же забыли о Григории Кузьмиче. Смерть жены надолго выбила Григория Кузьмича из обычного жизненного ритма, но через несколько месяцев тот же сослуживец сыграл в жизни Григория Кузьмича существенную роль. Верней не сам он, а его день рождения, на который был приглашен и Григорий Кузьмич.

На дне рождения своего сослуживца Григорий Кузьмич познакомился с одной интересной женщиной, институтской подругой сына сослуживца. Звали ее Дарьей, и было ей двадцать семь лет. Ее черные глаза и неудержимый темперамент неосязаемой нитью привязали Григория Кузьмича к этой женщине. Она так интересно рассказывала о своей профессии, об интересной работе в рекламном агентстве, что Григорий Кузьмич зажегся ее темпераментом. После дня рождения они договорились обязательно встретиться в следующую субботу.

Их новая встреча была не менее эмоциональной и трогательной. Дарья опять много говорила, а Григорий Кузьмич с умилением смотрел на озорную челку и в знак согласия кивал изредка своей сидящей головой. Это кивание, в конце концов, привело к тому, что они решили создать свое рекламное агентство.

Через две недели фирма была зарегистрирована, и Дарья с Григорием Кузьмичем объявили о конкурсе на вакантные должности в новом рекламном агентстве. С той поры прошло уже пять лет, агентство накопило определенный опыт, пополнилось классными специалистами и занимает одно из ведущих мест в рейтинге агентств. А вот в личной жизни у Григория Кузьмича пока так и не сложилось. Дарья, к которой Григорий Кузьмич испытывал некоторые чувства, была равнодушна к мужской половине человечества, а знакомиться абы с кем он никак не хотел.

II

Понедельник выдался по-весеннему солнечным и многоголосым. Именно птичье многоголосье и разбудило Григория Кузьмича. Он встал, побрился, выпил традиционную чашечку чая с двумя бутербродами и вышел из дома. Весенний воздух приятно остудил его и настроил на деловой лад. Сев в машину, Григорий Кузьмич выехал из двора и поехал в сторону набережной. У него была возможность проехать до офиса по более короткому пути, но он любил по утрам здороваться с Невой и от этой привычки не стремился избавиться. Вот и теперь, подъехав к Неве со стороны площади Труда, он въехал на мост Лейтенанта Шмидта, поздоровался с Невой и продолжил путь в сторону Васильевского острова. Приехав на работу, Григорий Кузьмич включил свой компьютер и стал просматривать почтовые сообщения, которых за выходные накопилось достаточно. Как

обычно, в изобилии спама, сообщений, адресно относящихся к Григорию Кузьмичу, было немного. Он внимательно ознакомился с ними и по-деловому кратко ответил на те, которые запрашивали некоторую информацию о деятельности его компании или предлагали взаимовыгодное сотрудничество. Офис начал постепенно заполняться сотрудниками. Они поочередно заглядывали в кабинет Григория Кузьмича и вежливо приветствовали его.

В коллективе, которым руководил Григорий Кузьмич, собралась как продвинутая молодежь, с интересом поглощающая все новое, так и опытные специалисты, набравшиеся опыта в других агентствах. Молодежь отличалась своей раскованностью, свободой общения и категоричностью суждений. Опытным специалистам был присущ взвешенный рациональный подход и продуманная аргументация. К последним относился креативный директор Илья. Как истинный еврей, он очень любил свою маму и беспрекословно ее слушался.

В течение дня мама не единожды звонила Илье на работу с очередным советом или наставлением. Илья с почтением ее выслушивал, успевая вежливо произносить свои: «да, мама», «хорошо, мама», «я постараюсь, мама».

Когда звонков от мамы становилось больше предполагаемой нормы, которую Илья сам себе установил, он рекомендовал маме звонить на сотовый и, смутившись, выходил для разговора в коридор. Может быть, из-за своей любви к маме, Илья в свои тридцать лет так еще и не женился.

Игривые сотрудницы постоянно подшучивали над ним, но Илья старался не реагировать на их каламбуры.

Особое внимание к Илье исходило от дизайнера Виктории – это для клиентов, для сотрудников она звалась, просто, Вика.

Она, может быть не без основания, надеялась на то, что, когда-нибудь своими взглядами из-за очков, полными истомы и романтического шарма, сможет покорить зашторенное маминой любовью сердце Ильи.

Судя по ее высказываниям, типа: «... мы с Ильей очень дополняем друг друга ...» или «...его экспрессия и мой рационализм ...», она самым серьезным образом рассчитывала на взаимность.

А, зная ее дизайнерское упорство и умение сглаживать острые углы, можно было предположить счастливое продолжение их профессионального общения.

Другой представительницей творческого отдела была Агнесса, златовласая копирайтер и редкая модница. О моде она могла говорить часами. Правда, не только говорить, но и строго ей следовать.

Однажды, Григорию Кузьмичу пришлось тактично порекомендовать ей не ходить на работу в юбке, которая только на ширину листа формата А 4 прикрывала ее ноги, растущие, казалось, от ушей.

Мужчины, не скрывая своих чувств, засматривались на Агнессу, и она это ощущала всеми фибрами своего зовущего тела.

Женщины, в свою очередь, завидовали ей и пытались неумело подражать.

И чем больше мужчины засматривались на Агнессу, тем черней становилась женская зависть. А черная зависть приносит в коллектив никому не нужные ссоры и конфликты.

Но об этом в следующий раз.

Итак, Григорий Кузьмич ответил на все электронные письма, ознакомился с деловой прессой, подписал

документы, подготовленные бухгалтером Ольгой, и решил сделать очередной променад до Лопухинского сада Петроградской стороны.

Лопухинский сад находился недалеко от офиса и был главным успокоительным Григория Кузьмича. Он любил прогуливаться в тени старых деревьев, смотреть на рябь пруда и с интересом наблюдать за утками, которые медленно и важно проплывали по водной глади. Казалось, что мимо проплывают не утки, а истинные хозяйки Лопухинского сада.

Атмосфера сада навевала воспоминания бурной молодости, когда Григорий, курсант авиационного училища, вырвавшись в самоволку, жадно пожирал глазами каждую, проходившую мимо девушку. Тогда ему казалось, что на Земле нет девушек несимпатичных и неинтересных, что все девушки, непременно, хотят с ним познакомиться. Да и как можно спокойно пройти мимо будущего покорителя воздушного океана.

Григорий заламывал набекрень фуражку, выпячивал очень могучую грудь с парашютным значком и гордо шагал по улицам Челябинска, забывая о том, что кроме девушек по этим самым улицам, не менее важно, прохаживался еще и военный патруль. А вот он то, больше любой девушки, имел желание познакомиться с недисциплинированным курсантом.

Ехидная радость так и струилась из нахмуренного прищура начальника патруля. Такой прищур ничего, кроме «прелестей» гауптвахты не мог предвещать.

Прощай авиационные тренажеры, летная пайка и взлетная полоса. Прощай, конечно, не навсегда, на время, но от этого легче не становилось.

Возвращение с гауптвахты в казарму было мучительным и тревожным. Мучительным потому, что из-за Григория весь взвод мог остаться без увольнений,

а тревожным из-за того, что неведомы были мысли командования на счет дальнейшей судьбы курсанта. А вдруг исключат из училища, и тогда «прощай» будет уже до конца своих дней.

- Как хорошо, - подумал Григорий Кузьмич, - что с небом меня, все-таки, не разлучили.

Кем бы я тогда стал, как бы я смог прожить без своих друзей, без постоянного риска, который вошел, в дальнейшем, во всю мою плоть?

Посидев еще немного, Григорий Кузьмич вытер со лба выступившую испарину и поторопился уйти из парка. Дарья, встретившая его на пороге офиса, сообщила о том, что сегодня они приглашены на презентацию, которая посвящена юбилею одного из телевизионных каналов.

В семь часов вечера Григорий Кузьмич с Дарьей приехали на презентацию. По поведению организаторов было видно, что главные гости еще не приехали. Встретил их коммерческий директор телевизионного канала, с которым Дарья была знакома вот уже три года. Он рассказал вкратце о всей церемонии презентации и о тех гостях, которые приехали и должны были приехать. Дарья попросила коммерческого директора представить ее руководителю одной производственной фирмы, а Григорий Кузьмич, взяв фужер шампанского, стал внимательно наблюдать за пришедшими на презентацию гостями.

Были здесь, в основном, молодые менеджеры среднего звена, которые, разбившись на небольшие группы, о чем-то оживленно переговаривались. Были и известные в городе ведущие и артисты. Вот скромно стоит в углу ведущая выпуска новостей Ольга Перепелкина. С экрана она смотрится значительно эффектней, ее милое личико нравится телезрителям и многие из них уверены

в искренности ее сообщений. Но какая же она маленькая на самом деле.

А вот и наш телевизионный обозреватель Вадим Кишко, любящий рубить правду матку в глаза телезрителю. Он входит в зал с одухотворенным лицом победителя, а кто же будет в этот раз побежденным, мы узнаем из его очередной передачи «Будни без праздников».

- Бледно бы он выглядел в передаче под названием «Праздник без буден»- подумал Григорий Кузьмич. С получасовой задержкой ведущий все же пригласил всех собравшихся в зал, и презентация началась. Сначала с приветственным словом обратился к собравшимся руководитель канала Ефим Зильберштейн. Он, энергично жестикулируя, рассказал о новых интерактивных проектах, которые специалисты канала запустят уже осенью, поблагодарил представителя администрации и сотрудничающих с каналом деятелей культуры и искусства. В конце своей речи он предложил посмотреть фрагменты из новых проектов, пилотные программы которых уже были подготовлены специалистами канала.

На большом экране появились создатели и персонажи будущих телевизионных программ.

Они с энтузиазмом рассказывали присутствующим о значимости и актуальности новых проектов, о том, что каждая новая передача будет способствовать повышению рейтинга телевизионного канала, что благодарные зрители только и ждут появления данных программ.

Глядя на кричащий и кривляющийся экран, Григорий Кузьмич про себя подумал:

- Как же много средств и творческих ресурсов привлекают современные идеологи к созданию новых,

оболванивающих телезрителя опусов. А ведь куда ни посмотри, одни и те же лица переходят с экрана на экран, будто один всесильный кукловод управляет всеми продюсерами нашей многонациональной страны. А, может быть, их не так уж и много, этих продюсеров? Или, может у нас мало талантов?

Из философских раздумий вывела Григория Кузьмича Дарья, энергично дернув его за рукав:

- Григорий Кузьмич, что с вами. О чем Вы задумались, глядя на экран?

- Извини, Дарья, – произнес Григорий Ефимович, выйдя из задумчивого состояния, - просто грустно смотреть на все эти кривляния. Я, пожалуй, пойду, подышу свежим воздухом.

С этими словами Григорий Кузьмич покинул зал презентации и вновь окунулся в освежающий весенний воздух реальности.

- Вот она жизнь, которую следует перенести на телевизионный экран, - подумал он, - вокруг так много симпатичных и творческих людей, так много реалистичных сюжетов, не тронутых идеологической плесенью и виртуальной молью.

III

В последнее время Григорий Кузьмич все чаще вспоминал Алину Георгиевну и ее кудрявого внука. Ему вновь захотелось встретить их, побродить с ними по аллеям парка, оживить свои воспоминания. Вольно или невольно, но идя по улицам города, он с нескрываемым волнением всматривался в лица петербурженков, надеясь отыскать еще не ставший близким образ женщины, которая своей непосредственностью смогла воодушевить его.

Мысли об Алине Георгиевне постоянно лезли в голову Григория Кузьмича, мешая сосредоточиться на своих житейских проблемах. Он думал о ней днем, мечтал о ней ночью и робко надеялся увидеть ее вновь.

Секретарша Евгения, не скрывая своего удивления и заботы, выводила Григория Кузьмича из задумчивости, обращаясь к нему: «Григорий Кузьмич, у вас все хорошо»? или «Григорий Кузьмич, что с Вами»? Григорий Кузьмич резко выходил из оцепенения, порывался что-то делать, но потом вновь погружался в задумчивость.

Иногда он мысленно ругал Алину Георгиевну за то, что она не дает ему сосредоточиться на своих делах, но чаще все же ласково обращался к ней:

- Если б Вы знали, Алина Георгиевна, как я хочу Вас увидеть. У меня скулы сводит при мысли о Вас. Мне так хочется Вас обнять. Обнять и поцеловать.

После таких мыслей Григорий Кузьмич невольно улыбался, потом хмурился и начинал брюзжать на себя:

- Ишь, раскатал губу. На старости лет совсем с ума сошел. Жил бы себе спокойно, ан, нет, влюбился, как школьник.

После такого брюзжания наступал короткий период активного вхождения в дела фирмы, который вновь прерывался мыслями об Алине Георгиевне.

- Скорей бы уж наступила суббота, - говорил себе Григорий Кузьмич, надеясь в очередную субботу встретить Алину Георгиевну.

Весь четверг Алина Георгиевна крутилась как белка в колесе. Подруги уговорили ее открыть второй салон, и она с понедельника занималась поиском подходящего помещения.

Вариантов было предостаточно, но, как нарочно, в центре города свободных помещений было не так уж много.

Съездив в очередной раз по одному адресу, Алина Георгиевна решила не возвращаться в салон.

- Борис, наверное, уже ждет меня в садике, - подумала Алина Георгиевна и поехала за Борисом. Борис, увидев бабушку, бросился к ней, приговаривая:

- Моя бабуля приехала, моя бабуля приехала.

Его голубые глаза светились такой радостью, что, казалось, она освещала светом мальчишеской благодарности весь детсадовский двор.

Он так любил свою бабушку, что каждый его жест, каждый взгляд кричал об этой любви.

И было видно, что бабушка отвечала Борису такой же искренней, неподдельной любовью.

- Ах, ты мой голубоглазый, ах, ты мой дорогой, - нежно приговаривала Алина Георгиевна, крепко обнимая Бориса.

- Как прошел день? - спросила она его.

Борис, вырвавшись из нежных объятий, обрушил на бабушку целый ворох случившихся за сегодняшний день событий. Он рассказал ей о том, что утром, после завтрака они играли на детской площадке и он, нечаянно, свалился с качелей. Особый упор Борис сделал на слово «нечаянно» и выражение «мне было ни капельки не больно». Сказав это, он поднял вверх голову, заглянул в бабушкины глаза и, убедившись в том, что бабушку не огорчила данная информация, продолжил:

- А потом мы солевновались, блосали теннисный мячик на дальность и я занял второе место.

- А почему не первое? – с интересом спросила Алина Георгиевна.

Борис ненадолго задумался, а потом сказал:
- Потому, что мало тлениловался.
Алина Георгиевна улыбнулась, такая самокритика была ей по душе.
- Ничего, Борис, у тебя все еще впереди, - сказала она и погладила мальчика по голове.
И вдруг Борис спросил:
- А сможет меня потлениловать тот дядя, котолого мы встлетили в палке?
Алина Георгиевна немного смутилась, а потом произнесла:
- Во-первых, для того, чтобы встретить того самого дядю, нам придется в субботу снова пойти в парк. Во-вторых, увидим ли мы там этого дядю. А, в-третьих, захочет ли дядя тебя тренировать.
На что Борис категорично ответил:
- Лаз надо пойти в палк, значит пойдем. А если мы там встлетимся, то я обязательно его уговорю.
Алине Георгиевне и самой хотелось вновь увидеть Григория Кузьмича. Последнее время она часто вспоминала ту неожиданную встречу в парке, добрые глаза Григория Кузьмича, его, по-мужски, уверенные жесты.
- Ах, мой маленький спортсмен, если бы ты знал, как я сама хочу видеть этого дядю, - подумала Алина Георгиевна.
С этими мыслями она усадила Бориса в машину, и они поехали в свою уютную квартиру.

IV

Обычно, по выходным дням Борис заявлял о своем пробуждении часов в одиннадцать, после чего еще

долго лежал в своей кроватке вместе с любимым Пекемоном.

В это же субботнее утро он, рано проснувшись, быстро спрыгнул с кроватки и направился в бабушкину спальню.

- Бабуля, пола вставать. Солнышко давно плоснулось, - громко заявил он словами бабушки.

- Нельзя так долго спать, - по-взрослому добавил он и для убедительности дернул за край одеяла.

От неожиданности бабушка вздрогнула, с изумлением протерла глаза и нарочито строго сказала:

- Борис, неужели даже в свой выходной я не могу поспать подольше?

На что Борис серьезно произнес:

- Бабушка, сегодня мы обязательно должны пойти в парк. Неужели ты забыла об этом?

Алина Георгиевна, наигранно охая и ахая, вскочила с постели, стала суетливо искать тапки и приговаривать:

- Как же я могла забыть. Как же я могла забыть.

Потом она весело подхватила Бориса на руки, поцеловала его и вместе с ним направилась в ванную комнату.

За завтраком состоялся еще один разговор бабушки и внука.

- Борис, неужели тебе так хочется увидеть Григория Кузьмича? - спросила Алина Георгиевна.

- Конечно, хочется, - с волнением воскликнул Борис, - я же тебе говорил, что он меня обязательно потленилует.

- А может быть, мне самой тебя потренировать? - на всякий случай спросила бабушка.

- Нет, бабуля, ты не сможешь меня так потлениловать, - уверенно произнес Борис.

- И что ты в нем такого хорошего нашел? - задала еще один вопрос Алина Георгиевна.

- Он сильный и добрый. Мне будет с ним весело, - с еще большей уверенностью ответил Борис.

- Да, – подумала Алина Георгиевна, - детское сердце не обманешь.

С этими мыслями она убрала со стола, помыла посуду и пошла переодеваться.

Борис самостоятельно одел подготовленную Алиной Георгиевной одежду и еще раз напомнил о себе.

На улице под ярким солнцем копошились в дорожной пыли воробьи. Голуби важно прохаживались вдоль автобусной остановки в поисках корма.

Борис, не обращая на них никакого внимания, торопился вместе с бабушкой в парк, на встречу с добрым дядей.

Трамвай, поравнявшись с ними, приветствовал их веселым дребезжанием сигнала.

Идущие навстречу люди искренне улыбались кудрявому малышу, который, опережая бабушку, куда-то спешил.

Войдя в парк, Борис, оглянувшись на бабушку, побежал к знакомой скамейке, а Алина Георгиевна уже издали заметила, что скамейка пуста. Она, не скрывая своего огорчения, замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась.

Борис, добежав до скамейки, увидел, что она пуста. Он еще немножко постоял около скамьи, затем с надеждой посмотрел по сторонам, а потом взволнованный бросился к бабушке.

- Бабушка, - на бегу выдохнул он, - дядя не плешел в палк. Неужели мы его не увидим?

Поборов свое разочарование, Алина Георгиевна успокоила Бориса:

- Не переживай, малыш. Просто дядя сегодня очень занят, а вот в следующий раз он обязательно придет.

И тут, в конце аллеи она заметила знакомый силуэт. С другой стороны парка к ним приближался Григорий Кузьмич. Он торопливо вышагивал по дорожке парка и, не скрывая своей радости, махал им приветственно рукой.

- Значит, он тоже ждал этой встречи, - подумала Алина Георгиевна и доброжелательно улыбнулась Григорию Кузьмичу.

Завидев расстроенного малыша, Григорий Кузьмич произнес:

- А что это грустит наш будущий великий человек? Услышав знакомый голос, Борис обернулся, увидел Григория Кузьмича и бросился к нему с распростертыми объятиями:

- Дядя плишел, дядя плишел.

- Бабушка, дядя сегодня не занят, - воскликнул он, обернувшись к Алине Георгиевне.

- Здравствуйте, Григорий Кузьмич, - произнесла она, - Борис так хотел Вас увидеть. Он всю неделю напоминал мне о том, что мы обязательно должны пойти в парк.

- Добрый день Алина Георгиевна. Я тоже хотел увидеть вас. То есть, Бориса, – с некоторой неуверенностью произнес Григорий Кузьмич, - то есть вас и Бориса, - сконфуженно закончил он.

Алина Георгиевна весело рассмеялась. Борис радостно посмотрел сначала на нее, потом на Григория Кузьмича и торопливо стал рассказывать о том, что в садике занял второе место по броскам теннисного мячика на дальность.

- Я сказал бабушке, что вы потленилите меня и я займу пелвое место, - обратился он к Григорию Кузьмичу.

- Вы же сможете меня потлениловать? – спросил он, заглядывая в его глаза.

Григорий Кузьмич с воодушевлением рассказал о том, что, будучи курсантом, занимал первое место в метании гранаты, так что свой юогатый опыт он безвозмездно готов передать Борису.

- Я уверен, что после нескольких тренировок ты займешь первое место и будешь постоянно ставить рекорды по бросанию мяча, - сказал он и ободряюще похлопал Бориса по плечу.

Борис радостно запрыгал вокруг Алины Георгиевны и Григория Кузьмича:

- Я буду пелвым, я буду пелвым, - выкрикивал он.

- Только давай договоримся, – серьезно сказал Григорий Кузьмич, - с сегодняшнего дня ты будешь называть меня тренером.

- Да, - воскликнул Борис, - вы, мой тленел.

- Бабушка, - посмотрел он на Алину Георгиевну, - это мой тленел.

- Хорошо, хорошо, чемпион ты мой, - с улыбкой согласилась Алина Георгиевна.

Довольный Борис побежал к разлапистому дубу, возле которого копошились две важных вороны, но вороны не были готовы к близкому общению с мальчиком, поэтому быстро ретировались, взлетев на ветку дуба. Борис задрал вверх голову и стал о чем-то спрашивать важных ворон.

А Алина Георгиевна и Григорий Кузьмич продолжили свое общение, не забывая при этом посматривать за бегающим Борисом. Улыбки не сходили с их лиц, и разговор получился довольно приятным.

В полдень, Алина Георгиевна заторопилась домой, чтобы вовремя покормить обедом Бориса.

Григорий Кузьмич сделал робкую попытку отговорить Алину Георгиевну от столь скорого расставания, но она извинилась и, попрощавшись, повела Бориса домой.

В воскресенье они вновь встретились в парке, и Алина Георгиевна пригласила Григория Кузьмича к себе домой на фирменный борщ.

Григорий Кузьмич уже давно не пробовал домашней пищи, поэтому без сопротивления согласился.

На машине они лихо домчались до дома Алины Георгиевны. Борис взял Григория Кузьмича за руку и упрямо потянул его к подъезду старинного особняка. Григорий Кузьмич наигранно упирался, но Борис, преодолевая сопротивление, все же довел его до подъезда.

Квартира Алины Георгиевны сияла чистотой и порядком. Казалось, что каждая вещь занимает именно то место, которое ей в данной квартире отведено. Но Борис, не дав Григорию Кузьмичу в полной мере насладиться порядком в прихожей и рациональной мебелировкой гостиной, потащил его в свою комнату. Пока Алина Георгиевна накрывала на стол, Борис в своей комнате развлекал Григория Кузьмича. Он показывал ему бесконечное количество игрушек, рассказывал о них какие-то причудливые истории, в общем, делал все возможное для того, чтобы «тленелу» не было скучно.

Григорий Кузьмич с нахлынувшей на него спокойной теплотой смотрел на суетившегося Бориса и внимательно слушал его сбивчивую речь. Для большей убедительности он, якобы от удивления, открыл рот и, в знак согласия, энергично кивал головой. И чем больше кивал головой Григорий Кузьмич, тем зажигательней становилась речь Бориса. Он так увлекся своим рассказом, что не заметил, как в комнату вошла Алина

Георгиевна. Прислонившись к косяку, она с улыбкой прислушалась к рассказу внука.

Немного послушав, она громко кашлянула. Борис с удивлением замолчал, посмотрел на Алину Георгиевну и хотел продолжить свой рассказ, но Алина Георгиевна опередила его:

- Борис, гостя баснями не кормят. У меня уже стол накрыт. Ты же не хочешь, чтобы наше угощение остыло и испортилось?

Борис, конечно же, не хотел, чтобы испортилось вкусное угощение, которое бабушка приготовила к обеду, и первым побежал в гостиную.

За столом Алина Георгиевна потчевала мужичков всякими вкусностями, выпила за встречу с Григорием Кузьмичем немного коньячку, покраснелась и стала еще краше и привлекательней.

Григорий Кузьмич по-мужски смачно уплетал за обе щеки понравившийся ему борщ и все нахваливал гостеприимную хозяйку. Впервые за многие годы одиночества он испытывал неодолимое желание подойти к этой женщине, обнять ее своими крепкими руками и уже не выпускать из объятий всю оставшуюся жизнь.

Покончив с борщом, Григорий Кузьмич игриво произнес:

- Алина Георгиевна, если у Вас и все остальное такое же вкусное, то я из-за стола выйду не скоро.

- И не выходите, у нас много вкусностей заготовлено.

Правда, Борис? - обратилась она к внуку.

- Плавда, бабушка, ты у меня самый лучший повал, - повзрослому поддержал бабушку Борис.

- Да я и сам вижу, какая замечательная хозяйка, твоя бабушка, - поддержал Бориса Григорий Кузьмич, - а я постараюсь быть для тебя таким же хорошим тренером.

- Холошо - согласился Борис.

После обеда Борису полагался «тихий час» часа на полтора, но он никак не хотел уходить в спальню. Ему хотелось еще некоторое время побыть в обществе Григория Кузьмича. Он думал, что если уснет, то больше не увидит своего «тленела».

Бабушка старалась не нарушать режим, к которому Борис привык в садике, но в этот раз, поймав на себе умоляющий взгляд Бориса, разрешила ему остаться возле взрослых.

Борис был счастлив. Он, без умолку рассказывал о своих садиковских друзьях, одни из которых были хорошими, другие – необычайно вредными.

В этот день Григорию Кузьмичу и Алине Георгиевне так и не удалось поговорить о чем-то своем. Прощаясь, они договорились встретиться в среду, но уже у Григория Кузьмича.

VI

Понедельник и вторник пролетели незаметно, или потому, что было много работы, или потому, что и Григорий Кузьмич, и Алина Георгиевна, как могли, подгоняли время.

Они с нетерпением ждали этой среды, как будто предчувствовали приближение чего-то волнительного и приятного.

С утра Григорий Кузьмич попытался навести в квартире хоть какой-то марафет, потом съездил на работу, спешно просмотрел документацию, дал ЦУ подчиненным и устремился по магазинам за напитками и съестным.

Войдя в квартиру с покупками, он водрузил в вазу большущий букет цветов, предназначенный для Алины

Георгиевны, посадил на диван здорового льва для Бориса и направился в кухню.

Там он приготовил отменный плов, делать который научился во время своей службы в Казахстане, настругал овощной салат и принялся за сервировку большого стола в гостиной.

Закончив сервировку, он еще раз внимательно осмотрел стол, поправил скатерть и с чувством некоторого удовлетворения уселся в кресло.

- А что, - с гордостью подумал он, - еще не растерял я свои поварские навыки. Есть еще порох в....

Он браво выпятил свою грудь и стал с волнением прислушиваться к коридорным звукам.

Дверной звонок заставил Григория Кузьмича вздрогнуть. Он собрался с мыслями и поспешил в прихожую.

На пороге стояли раскрасневшаяся Алина Георгиевна и радостный Борис.

Не успел Григорий Кузьмич открыть рот для приглашения, как шустрый Борис прошмыгнул у него под рукой и очутился в прихожей.

- Проходите, пожалуйста, — промямлил Григорий Кузьмич, - будьте как дома, - уже уверенней произнес он.

Он помог Алине Георгиевне и Борису раздеться и пригласил их в гостиную.

Борис сразу заметил развалившегося на диване льва. Он в нерешительности посмотрел сначала на Алину Георгиевну, потом на Григория Кузьмича.

- Борис, это твой лев, — сказал Григорий Кузьмич, - он уже давно ждет тебя.

Услышав ободряющие слова, Борис подбежал ко льву, попробовал его поднять, но только чуть-чуть оторвал от дивана и пошатнулся.

- Борис, - шутливо произнес Григорий Кузьмич, - сначала нужно как следует покушать, набраться силенок, и тогда лев не будет казаться таким тяжелым. Они уселись за сервированный Григорием Кузьмичем стол, и тот с удовольствием наполнил тарелки вкусно пахнущим пловом.

Судя по тому, как Борис молча и быстро уплетал плов, можно было сделать вывод, что плод действительно удался.

Алина Георгиевна тоже подтвердила эту мысль:

- Григорий Кузьмич, где Вы научились так мастерски готовить плов? - спросила она

- Служба в Казахстане помогла мне научиться у казахских друзей этому кулинарному мастерству, я и специи никогда не покупаю в магазине. Все специи мне присылают из Казахстана. Хоть и разбросала нас судьба по разным странам, но армейская дружба крепка и надежна.

- А давайте-ка мы за эту дружбу и выпьем, - предложил Григорий Кузьмич.

Они выпили за друзей, и Алина Георгиевна попросила Григория Кузьмича поподробнее рассказать о своей службе.

- После школы поступил в авиационное училище штурманов, а, закончив его, получил звание лейтенанта дальней бомбардировочной авиации и направление в Закавказский военный округ. Более трех лет летал там, в районе Каспия и Черного моря. Там же мне было присвоено звание старшего лейтенанта и классификация – штурман первого класса.

- Значит, у военных тоже присваиваются классы? - спросила Алина Георгиевна.

- В военной авиации классификация обязательна. Она говорит о мастерстве и степени подготовки летного

состава. Сначала присваивается третий класс, потом второй, а потом и первый, – ответил Григорий Кузьмич и продолжил, - на четвертом году службы получил повышение и в должности штурмана звена был направлен через Каспий в Казахстан для дальнейшего прохождения службы. В Казахстане пролетал еще три года, получил звание «капитан» и вместе с эскадрильей был перебазирован под Иркутск. На новом месте дослужился до штурмана эскадрильи, и мне было присвоено звание «майор». Как видите, я все время перебазировался навстречу солнцу, на восток. В конце концов, через два года меня опять повысили в должности и направили под Хабаровск, на самые восточные рубежи нашей Родины. Там в возрасте сорока лет, в звании подполковника, с должности штурмана бомбардировочного полка я и был уволен в запас. Видите, как меня побросало по белому свету. От Ленинграда и, как в песне поется, до самых, до окраин. Все то время, пока Григорий Кузьмич рассказывал о своей службе, Борис сидел тихо и внимательно его слушал.

И только когда Григорий Кузьмич закончил свое повествование, Борис тихонечко спросил:

- Тленел, а у Вас фолма есть?

- Конечно, есть, - сообщил Григорий Кузьмич.

И тут, Алина Георгиевна и Борис, не сговариваясь, стали громко уговаривать Григория Кузьмича показаться перед ними в военной форме.

Григорий Кузьмич стушевался, но потом все же спросил:

- А какую форму вам показать - повседневную или парадную, летный комбинезон или кожаную куртку?

- Борис, – обратилась к внуку Алина Георгиевна, - какую форму ты сейчас хочешь увидеть?

Конечно же, Борису хотелось увидеть все виды формы, о которых говорил Григорий Кузьмич, но слово «парадная» для него было самым главным и значимым, поэтому он попросил:

- Оденьте, пожалуйста, паладную фолму.

Григорий Кузьмич вышел из гостиной и вскоре появился перед Алиной Георгиевной и Борисом в парадной форме. На его парадном мундире красовалось множество орденов, медалей и значков.

Борис от изумления открыл рот, с восторгом повернулся к Алине Георгиевне и прокричал:

- Бабушка, наш тленел гелой.

- Нет Борис, я не герой, но некоторые правительственные награды имею, - ответил Григорий Кузьмич.

Алина Георгиевна с нескрываемым изумлением смотрела на Григория Кузьмича. В военной форме он казался ей еще более мужественным и симпатичным.

- Ну, что ж, разрешите переодеться, - спросил Григорий Кузьмич.

Алина Георгиевна вышла из оцепенения и попросила:

- Григорий Кузьмич, побудьте в этот вечер в форме. Вам она очень идет.

Они снова сели за стол и продолжили непринужденное общение.

Только теперь в глазах Бориса, да и Алины Георгиевны Григорий Кузьмич вырос значительно. Им хотелось узнать о нем как можно больше, поэтому вопросы сыпались как из рога изобилия.

Григорий Кузьмич с удовольствием отвечал на все вопросы, какими бы странными они ни казались.

Борис был в восторге. Теперь у него есть «тленел» в парадной форме и с орденами. Он уже представил себе тот день, когда тренер, одетый в военную форму,

придет за ним в садик, и все дети будут завидовать Борису.

Время пробежало незаметно, наступил вечер и, как ни упрашивал Григорий Кузьмич, Алина Георгиевна засобиралась домой. Проводив Алину Георгиевну и Бориса, Григорий Кузьмич сел за стол, налил себе водочки и выпил за то, чтобы поскорей закончилось его одиночество.

- Как хорошо, когда рядом с тобой находятся приятные во всех отношениях люди, люди с которыми хочется общаться и общаться. Может это любовь? - подумал Григорий Кузьмич.

VII

Придя в понедельник на работу, Григорий Кузьмич просмотрел почту, уточнил график встреч на сегодня и попросил Евгению приготовить ему кофе.

Кофе он любил пить маленькими глотками, запивая их холодной минеральной водой.

Вот и теперь он отпил маленький глоток ароматного кофе и запил его глотком минеральной воды.

Под кофе он любил помечтать, пролистать событийный календарь, выделить что-то, показавшееся ему очень важным и интересным.

В этот раз ему чаще всего вспоминался взгляд Алины Георгиевны, который с каждым глотком шампанского становился теплей и сексуальней.

- Да и я, старый хрыч, распетушился, - подумал он, - вырядился в парадную форму, заглядывал ей в глаза, при обращении обязательно дотрагивался своей рукой до руки Алины Георгиевны. Кстати, насчет руки. А ведь ей нравились мои прикосновения. Она вначале очень смущалась, а под конец даже сама положила свою

симпатичную ручку на мою волосатую лапу. А, как при этом посмотрела, аж, мурашки по коже.

- Григорий Кузьмич, – вывел его из приятных воспоминаний Сергей, руководитель отдела продаж, - Вы не забыли, что на одиннадцать часов назначена встреча с директором производственной фирмы?

Григорий Кузьмич медленно повернул голову, потом, выйдя из оцепенения, сказал:

- Конечно, помню. Только напомни мне, пожалуйста, предмет переговоров.

- Григорий Кузьмич, они, наконец-то, решились на разработку названия торговой марки и фирменного стиля организации, - сообщил Сергей.

- Ну, слава богу, – обрадовался Григорий Кузьмич, - неужели они, наконец-то, поняли, что без профессионально разработанного фирменного стиля им не выдержать конкурентного противостояния. Долго же они доходили до этой простой мысли.

Сергей, удовлетворенный ответом Григория Кузьмича, вышел из кабинета.

- Да, – вновь подумал Григорий Кузьмич, - красивая она женщина, Алина Георгиевна. Что ж, будем за нее бороться.

С этой мыслью Григорий Кузьмич стал готовиться к предстоящей встрече с клиентами.

Встреча прошла, как говорят, в дружеской и непринужденной обстановке, вот только директор фирмы все время куда-то торопился.

После встречи Григорий Кузьмич, по традиции, проследовал в Лопухинский сад, где пообщался с утками, потом прошел к Малой Невке и долго стоял, завороченный всплесками волн. Он любил смотреть на аккуратную рябь воды и подолгу слушать ее незлобивое

бормотание. Вода, лучше любого лекарства, могла успокоить и настроить человека на деловой лад.

- Сегодня нужно обязательно заехать в садик к Борису, – подумал Григорий Кузьмич, - уж там-то я обязательно встречу Алину Георгиевну.

Придя на работу, он узнал, что Вика серьезно поругалась с Агнессой, которая беспардонно домогалась до растерянного Ильи.

Креативность Ильи при этом значительно снизилась. Он сидел и безразличным взглядом рассматривал потолок. При поиске новых идей Илья тоже смотрел в потолок, но взгляд его тогда возвещал о бурном творческом процессе, который всецело захватывал Илью и уводил его в креативный астрал. Вдохновение в тот момент так и распирало Илью. Он периодически отрывал взгляд от потолка и начинал что-то быстро набрасывать на лежащий перед ним лист. Потом снова смотрел на потолок и вновь погружался в творческую писанину. Сейчас же, только громкое «Илья» вывело его из оцепенения и он, оторвав взгляд от потолка, посмотрел на Григория Кузьмича.

- У тебя все хорошо? – спросил Григорий Кузьмич, - ты не очень устал?

Илья посмотрел на Григория Кузьмича грустными глазами и произнес:

- Нет, Григорий Кузьмич, я не устал. Сейчас я соберусь и что-нибудь выдам.

- Ну-ну, – подбодрил Григорий Кузьмич, - выдай нам что-нибудь эдакое.

Григорий Кузьмич прошел в свой кабинет и через Евгению вызвал на ковер Агнессу.

- Разрешите? – спросила Агнесса а, получив добро, вошла и села напротив Григория Кузьмича, положив ногу на ногу.

Ее стройные ножки, обтянутые ажурными колготками, распускали неведомые флюиды, которые действовали на Григория Кузьмича, отчего он еще больше завелся.

- Агнесса, – повысив тон, начал Григорий Кузьмич, - что опять у вас произошло?

- Ничего, Григорий Кузьмич, – ответила Агнесса, посмотрев на Григория Кузьмича невинными глазками,

- мы обсуждали некоторые идеи, которые не понравились Вике.

Она манерно поправила свою прическу и, заметив осуждающий взгляд Григория Кузьмича, сняла правую ногу с левой.

- Мне кажется, что это рабочие моменты, на которые не стоит обращать внимания, - захлопав ресницами, продолжила Агнесса.

- Агнесса, – произнес Григорий Кузьмич, - я бы не обращал на это никакого внимания, но ваши рабочие моменты вызывают нерабочее состояние у некоторых членов нашего коллектива. А это заставляет меня задуматься и огорчиться. У нас накопилось много заказов, которые не сегодня – завтра должны быть выполнены, и времени на вольные рассуждения, а, еще хуже, на бесконечные споры нет. Ты подготовила текстовый материал в буклет для страховой организации?

- Почти подготовила, Григорий Кузьмич, - проворковала Агнесса.

- Вот-вот, почти – пробурчал Григорий Кузьмич, нехотя отрывая взгляд от Агнессиных ног, - если к концу недели тексты не будут готовы, накажу материально.

- Ну, что Вы, – еще чаще захлопала ресницами Агнесса, - к концу недели я обязательно закончу. Григорий Кузьмич, разве я Вас когда-нибудь подводила?

- Слава богу, не подводила, – подтвердил Григорий Кузьмич, - но вносить в коллектив нервотрепку я тебе не позволю, ясно?

- Ясно, Григорий Кузьмич, – мило улыбнувшись, ответила Агнесса, - разрешите идти?

И, получив разрешение, она медленно встала и грациозной походкой пошла к выходу.

Всеми фибрами своего сексуального тела она ощущала взгляд Григория Кузьмича:

- Ну, что же ты, – думала она, - мне не трудно вернуться. Ну же, ну....

Но нет, Григорий Кузьмич строго придерживался простого житейского правила:

- Не грешь, где живешь, не живи, где гресишь.

И никакая Агнесса с ее прелестными данными не могла выбить из его памяти этот простой житейский постулат. Но все же крамольная мысль пронзила его воспаленный мозг.

- Какая все же она сексуальная, – подумал Григорий Кузьмич, - нет уж, нет уж, я буду верен Алине Георгиевне и никаких Агнесс.

Уйдя пораньше с работы, Григорий Кузьмич заехал в садик к Борису.

Борис не сразу узнал Григория Кузьмича, а когда до него, наконец-то, дошло, что перед ним стоит не кто-нибудь, а сам «тленел», он пришел в неопиcуемый восторг, закончившийся вопросом:

- А, где бабушка?

Григорий Кузьмич присел и произнес:

- Борис, я, честное слово, не знаю, где бабушка. Ты не будешь против, если мы вместе ее подождем?

- Конечно, подождем, – согласился Борис, - а давайте, пока бабушки нет, поблосаем теннисный мячик, - предложил он.

- С удовольствием, – воскликнул Григорий Кузьмич, - давненько не бросал я теннисный мячик.

Обрадованный Борис забежал в помещение садика и вышел оттуда с теннисным мячиком:

- Вот, – обрадовано сказал он, - можете меня потлениловать.

Григорий Кузьмич попросил Бориса, чтобы тот бросил мячик на дальность и тот, неуклюже замахнувшись, бросил его метров на десять.

- Ну, что ж, – сказал Григорий Кузьмич, - совсем неплохо.

А заметив расстроенный взгляд Бориса, поправился:

- Совсем, даже хорошо.

Борис обрадовался и побежал за мячиком. Подойдя к Григорию Кузьмичу, он протянул ему мячик и попросил:

- А тепель вы блосьте.

Григорий Кузьмич взял мячик и спросил:

- Борис, а можно я брошу мячик вверх, а то улетит наш мячик куда-нибудь далеко, и мы не сможем его найти?

Борис внимательно посмотрел на Григория Кузьмича, потом наверх и, только после этого, разрешил:

- Холошо, блосайте ввелх.

Григорий Кузьмич швырнул мячик вверх и тот, взлетев выше верхушек деревьев, с ускорением упал на землю.

- Вот это здолово, – воскликнул Борис, - какой Вы сильный. А вот я так не умею - уныло закончил Борис.

- Не переживай, – успокоил его Григорий Кузьмич, - сейчас мы с тобой потренируемся, и рекорд нам обеспечен.

- Здравствуйте, я вижу, что тренировка в полном разгаре, – услышали они голос Алины Георгиевны.

Услышав бабушку, Борис уже не бросился к ней, как обычно, а только повернул голову и сказал:

- Бабушка, мы тут тренируемся.

Григорий Кузьмич кивком головы подтвердил его слова и поздоровался с Алиной Георгиевной.

- А нельзя ли вашу тренировку перенести на другой день? - спросила она у мужичков.

- Бабушка, ну еще хоть чуть-чуть, - попросил Борис.

- Григорий Кузьмич, – обратилась Алина Георгиевна к Григорию Кузьмичу, - Вы готовы продолжить тренировку?

Борис умоляюще посмотрел на Григория Кузьмича, и тому ничего не оставалось делать, как согласиться:

- Конечно, необходимо продолжить тренировку.

Он взял мяч, размахнулся и в полсилы бросил его в сторону забора:

- Борис, вот так нужно размахиваться и бросать мяч всем корпусом.

- А что такое колпус? - спросил Борис.

- Корпус, – ответил Григорий Кузьмич, - это часть тела от пояса и до шеи.

Говоря это, он показал корпус прямо на Борисе.

Борис взял мяч и, что есть мочи, кинул его в сторону забора. Мяч полетел с небольшим отклонением и приземлился дальше первого Борисова броска.

- Молодец, – похвалил его Григорий Кузьмич, - видишь, уже результат лучше, еще немного потренируешься, и первое место будет твоим.

Борис взглядом победителя посмотрел на свою любимую бабушку:

- Бабушка, ты видела, куда улетел мячик?

- Ах, ты, мой чемпион, – обняла его Алина Георгиевна, - разве могла я пропустить такой великолепный бросок. Ты обязательно займешь первое место.

Польщенный Борис милостиво согласился закончить тренировку, и они пошли к своим машинам.

Очередной вечер решено было провести вместе в каком-нибудь уютном кафе, куда они и приехали. Для Бориса заказали большое пирожное, крем-брюле и бутылку лимонада, сами же ограничились салатами, десертом и кофе.

Борис с удовольствием уписывал вкусное пирожное и не мешал общению взрослых.

- Алина Георгиевна, – начал Григорий Кузьмич, - давно хотел у Вас спросить, а где у Бориса папа и мама?

- Отец уже давно живет в Америке – ответила Алина Георгиевна, - в 1995 году он улетел за океан, да так там и остался.

- А, что явилось причиной его отъезда? - спросил Григорий Кузьмич.

- Меня дочь не посвящала в такие тонкости, – ответила Алина Георгиевна, - но, думаю, что отъезд был вызван наездами его партнеров или конкурентов, которые всячески старались его запугать. Он занимался продажей недвижимости, а этот рынок, как, впрочем, и любой доходный бизнес у нас, криминален. На него пару раз покушались или делали вид, что покушаются. После второго раза он не выдержал и улетел.

- А что же дочь? - вновь спросил Григорий Кузьмич.

- А дочь сейчас уехала на гастроли по городам и весям зарубежья, – ответила Алина Георгиевна, - и будет только через месяц. Она у меня актриса и не последняя, поэтому гастрольная кочевая жизнь ей привычна.

- Алина Георгиевна, – спросил Григорий Кузьмич, - а Вы возьмете меня как-нибудь на премьеру, а то я, грешным делом, был в театре только лет пять тому назад?

- Конечно, возьму, – обещала Алина Георгиевна, - я очень люблю театр и не пропускаю ни одной премьеры.

- Вот и хорошо, - обрадовался Григорий Кузьмич.

Борис доедал уже крем-брюле и запивал его лимонадом.

- А они, что же, не встречаются друг с другом? - опять спросил Григорий Кузьмич.

- Вроде бы перезваниваются, – ответила Алина Георгиевна, - а в позапрошлом году даже мимолетно встретились в Нью-Йорке, когда Мария была там на гастролях.

- Так, значит, Вашу дочь зовут Мария? – спросил Григорий Ефимович, - не в честь Марии Медичи она была названа?

- Ну, что Вы, – возразила Алина Георгиевна, - все значительно прозаичней. Мы назвали ее в честь ее бабушки, Марии Константиновны.

Борис в это время доел свое крем-брюле и возвестил об этом стуком десертной ложки о бок лимонадной бутылки.

- Ты уже все скушал? – спросила Алина Георгиевна. Довольный Борис утвердительно кивнул.

- Ну, что ж, – сказала Алина Георгиевна, - давайте собираться.

- Алина Георгиевна, – попросил Григорий Кузьмич, - может, мы обменяемся номерами мобильных телефонов?

- Конечно, обменяемся, – согласилась Алина Георгиевна и продиктовала свой номер телефона.

Григорий Кузьмич поблагодарил Алину Георгиевну и дал ей свой номер.

Очередной вечер пролетел незаметно, так и не перейдя в очаровательную ночь с ее страстными откровениями и нежными ласками.

Но в данном случае будет уместным сказать: «Еще не вечер, господи, еще не вечер».

VIII

А за океаном вновь встретились Мария и Владислав, ее муж и отец ее Бориса.

Сегодня у Марии не было спектакля, поэтому, после очередной репетиции, она согласилась на встречу с Владиславом.

Они сидели в кафе на 7-ой авеню и Владислав, в который уже раз, уговаривал Марию остаться в Америке:

- Мария! Ну, что тебя держит в этой долбанной Совдепии. Что не информация, то взрывы, убийства, криминал, коррупция. Остайся, я тебя очень прошу.

- Владислав, ты же знаешь, что я никогда не соглашусь приехать сюда, – ответила Мария, - а то, что ты оставил меня одну со всеми твоими разборками, это, по-твоему, благородно?

- Во-первых, я не думал, что со всеми претензиями мои говенные компаньоны придут к тебе, – смутившись, сказал Владислав, - а, во-вторых, если бы я не уехал, то мне канты. Ты этого хотела?

- Ты же знаешь, что этого я не хотела, – сдерживая эмоции, сказала Мария, - но оставлять меня с ребенком один на один с этими гамадрилами, по меньшей мере, не по-мужски. Ты знаешь, сколько раз они встречали меня после спектаклей? Ты знаешь, что они обещали похитить моего Бориса? Ты, наконец, знаешь, что только вмешательство маминых друзей позволило избежать самых непредсказуемых последствий?

- Мария, я, конечно же, виноват, – признался Владислав, - но стоит ли об этом мне каждый раз напоминать?

Владислав, а ты что хотел, – возмутилась Мария, - я и сегодня не уверена в том, что бандиты полностью отказались от планов похищения моего сына. Я чувствую, что они только на время затаились и выжидают чего-то. Вот я сейчас здесь, а душа моя там, в России. Как там мой малыш, не наезжают ли на маму твои отморозки. Ты думаешь, мне легко?

- Но мне-то не легче, – воскликнул Владислав, - я тоже постоянно думаю о Борисе. Поэтому и прошу тебя, забирай Бориса и приезжай сюда.

- Нет, Владислав, и еще раз, нет, – категорично заявила Мария, - там самые дорогие мне люди, там мои друзья, моя работа. А что здесь?

- Как что, – возмутился Владислав, - здесь я, любящий тебя человек.

- Да, никого-то ты не любишь, Владислав, кроме самого себя, – с горечью произнесла Мария, - в последнее время я часто возвращаюсь к прожитым нами годам и все больше убеждаюсь в том, что ты и раньше меня предавал, то с любовницами, то с друзьями. Я у тебя всегда оставалась на вторых ролях. Даже, когда я носила под сердцем нашего малыша, ты умудрялся пропадать где-то в веселых компаниях. Через день-другой ты возвращался, как ни в чем не бывало, целовал меня только что не в лоб, и ни один мускул не дергался на твоем лице.

- Мария, ты не права, – возразил Владислав, - я всегда очень переживал за тебя. А то, что мы с друзьями иногда расслаблялись, так это ерунда, ошибки молодости.

- Для тебя может быть и ерунда, – тихо произнесла Мария, - а для меня – бесчисленное количество бессонных ночей и мокрые от слез подушки. Ты, конечно, этого не замечал. Твое самолюбование мешало

тебе видеть слезы, чувствовать боль, слышать просьбы и, в конце концов, сопереживать.

- Твои слова, словно иглы, прокалывают мое истосковавшееся сердце, – сказал Владислав, - мне так здесь одиноко.

- Ты сам этого хотел, – твердо сказала Мария, - а я не могла тебя удержать. Скорее всего, не хотела, да, что теперь об этом.

- Как что, – спросил Владислав, - я ее умоляю остаться, а она не хочет со мной даже разговаривать.

- Владислав, хватит ерничать, – попросила Мария, - у меня завтра тяжелый день, так что прощай.

Мария поднялась, чтобы уйти, но Владислав схватил ее за руку, встал перед ней на колени и простонал:

- Мария, прошу тебя, не уезжай. Я умоляю тебя.

Мария с трудом вырвала свою руку из руки Владислава, усталым взглядом скользнула по его лицу и быстро пошла прочь.

Владислав бросился, было, за ней, потом резко остановился и, гневно посмотрев вслед, что-то прошептал.

Приехав в гостиницу, Мария зашла в свой номер и, не раздеваясь, медленно опустилась в кресло.

- Может быть, не стоило ему так резко отвечать, – подумала она, - ему здесь, действительно, тяжело.

Потом, вспомнив о том, как на нее не единожды наезжали твердолобые, как они стращали ее, пытаясь запугать, она окончательно решила:

- Нет, жить с ним я больше не смогу. Человек, единожды тебя предавший, не задумываясь, сделает это еще не один раз.

Она, не спеша, разделась и прошла в ванную комнату.

- Как хорошо, что у меня есть любознательный и симпатичный Бориска, - думала она, стоя под тугой

струей душа, - а как помогает мне мама. У нее самой куча проблем, а она, без колебаний, бросается на помощь. Чтобы я сейчас без нее делала?

Выйдя из душа, она прошла в спальню и легла на широкую гостиничную кровать, но сон не хотел заглядывать под ее одеяло.

- Ну, что я себя так терзаю, – думала она, - нет никакой моей вины в том, что Владислав улетел в Америку. Более того, он не оставил нам ни копейки и потом, даже на день рождения Бориса никак не отреагировал. А теперь, видите ли, вспомнил и обо мне, и о Борисе. По всей видимости, его действительно припекло. Что это я опять, припекло – не припекло. Все, хватит, завтра, точнее, уже сегодня у меня серьезный спектакль. Нужно быть в самой лучшей форме. Ну ж но быть в фор.....

IX

В кабинете агентства «Улетная недвижимость» сидели бывшие компаньоны Владислава Кирилл Петрович Пастухов и Александр Николаевич Варнавский. Это их в 1995 году кинул Владислав после очередной удачной сделки. Тогда, одному барыге были проданы два, как теперь говорят, элитных здания, и Владислав, нахватавший кучу долгов, решил львиную долю прибыли забрать себе, а партнеров оставить с носом. Кирилл с Александром не согласились с таким раскладом и стали наезжать на Владислава, который, переведя деньги в один из Швейцарских банков, смылся в Америку.

Речь шла о нескольких миллионах долларов, поэтому Кирилл с Александром не собирались от таких денег отказываться. Они знали, что Владислав проживает где-то в Америке, но достать его там пока не могли.

Кроме того, они были уверены, что большую часть полученных средств, Владислав отвалил дорогой супруге, но та в самой категоричной форме отрицает данный факт.

Да это и естественно, кто в наше время признается в том, что является миллионщиком.

- Александр, – сказал Кирилл, - мы должны сделать все для того, чтобы получить наши бабки. Я уверен, что этот гондон не увез с собой все зеленые, а его лахудра просто водит нас за нос».

- Кирилл, – ответил Александр, - но мы сделали все возможное, чтобы выяснить, где зеленые. Мне показалось, что она искренне говорила нам о том, что у нее нет никаких денег.

- Александр, – возмутился Кирилл, - разве бабам можно верить. Ты на своем веку много встречал искренних баб?

- Немного, но встречал, – ответил Александр, - и здесь мы имеем именно такой случай. Мы же вместе с Владиславом бегали по шлюхам, кутили без оглядки. Часто ли мы видели Марию рядом с Владом? Да почти никогда. Один раз мы вместе отмечали в ресторане премьеру спектакля, в котором она играла, и второй раз видели их вместе на похоронах нашего партнера, которого пристрелил кто-то из конкурентов.

- Это еще ни о чем не говорит, – возразил Вадим, - я чувствую, что деньги здесь, и мы должны их получить.

- Каким образом? – спросил Александр, - мы и так уже наделали много шума. И потом, у Марии очень энергичная мать и у нее достаточно влиятельные знакомые. Вспомни, как к нам в офис приезжали крутые ребята от Алины Георгиевны, кажется.

- Ну и что, что приезжали, – спросил Кирилл, - как приехали, так и уехали.

- Ну, допустим, уехали они после того, как мы пообещали им не наезжать больше на Марию, - уточнил Александр.

- А мы на Марию наезжать и не будем, – воскликнул Кирилл, - мы сделаем все тоньше и умней.

- Это как? - насторожился Александр.

- А вот так, – сказал Кирилл, - найдем человека, который похитит ее любимого сынка, и выдадим его только после того, как она принесет нам на блюдечку нашу законную долю.

- Послушай, Кирилл, – сказал Александр, - вот в такие игрушки я играть не хочу. Все, что угодно, но только не похищение ребенка.

- Александр, не будь таким малохольным, - произнес Кирилл, - нас обули, а мы должны рассуждать о благородстве. Тебе, что, деньги не нужны?

- Почему не нужны, – ответил Александр, - очень даже нужны, но похищать ребенка я не собираюсь.

- Да, никто тебя и не заставляет ребенка похищать, – нервно произнес Кирилл, - я же тебе сказал, что найдем человека и дело с концом.

- Не все ли равно, – ответил Александр, - мы похитим, или по нашей наводке его похитят. Один хрен, это ляжет на нас, и мы будем отвечать за похищение ребенка.

- Ты что, боишься ответственности или просто трусишь? - съязвил Кирилл.

- Кирилл, – сказал Александр, - я считаю, что это бесчеловечно.

- Ну, что ж, – устал упрашивать Александра Кирилл, - я подумаю, как лучше это сделать. А то он хочет и на елку сесть, и жопу не уколоть.

С этими словами Кирилл покинул кабинет.

Х

Гастроли театра закончились, и Мария вместе с труппой возвращалась в Петербург.

Она летела в самолете, а мыслями была уже в аэропорту Петербурга:

- Еще несколько минут, и я увижу моих дорогих маму и Бориса. Интересно, как сейчас выглядит Борис?

Наверное, еще больше вырос, поумнел. А как он меня встретит? Отвык, быть может, за то время, пока я была на гастролях?

В это время самолет коснулся шасси посадочной полосы и стал подруливать к зданию аэропорта.

Пассажиры захлопали в ладоши, засуетились, стали шумно переговариваться. Мария внимательно посмотрела в иллюминатор.

Вот оно, красивое здание петербургского аэропорта, родной и любимый Петербург.

А вон и мама с Борисом. Ах, вы, мои родные. Борис уже совсем большой. Как он смотрит по сторонам, пытаюсь найти в толпе свою маму. Милый мой Борис, прости, что мне приходится надолго уезжать от тебя. Но без театра я жить не смогу. Когда ты вырастешь, то, обязательно, поймешь свою маму.

Наконец, Борис увидел в толпе свою маму. Он бросился к ней, крича:

- Мамочка, мы с бабушкой тебя очень долго ждали.

Мария обняла своего малыша, крепко его поцеловала и прошептала на ушко:

- А у меня для тебя есть сюрприз.

- А какой? - поинтересовался Борис.

- Приедем домой, и я сразу же тебе его покажу - пообещала Мария.

Алина Георгиевна обняла свою дочь, и они пошли за багажом.

По дороге Борис, не умолкая, рассказывал о своих успехах, о том, что они с бабушкой подолгу гуляют в соседнем парке. Рассказал он и о том, что у него появился свой «тленел», который научил его далеко бросать теннисный мяч. Он так нахваливал этого тренера, что Мария решила поподробнее узнать о нем у своей мамы.

- Мама, – спросила она, - а что это за тренер появился у нашего Бориса?

Услышав вопрос, Алина Георгиевна по-девичьи зарделась, потом взяла себя в руки и рассказала Марии о Григории Кузьмиче.

По тону рассказа, Мария поняла, что мама не равнодушна к какому-то Григорию Кузьмичу.

Войдя в квартиру, Борис, первым делом, напомнил маме о сюрпризе.

Мама вынула из дорожной сумки маленького металлического человечка, который вдруг протянул свою механическую руку и сказал:

- Good day. My name is George.

Борис вопросительно посмотрел на маму:

- А что он сказал? - спросил он.

- Борис, – пояснила мама, - это маленький робот. Он с тобой поздоровался и сказал, что имя его - Джорж.

Борис еще внимательней посмотрел на Джоржа и в свою очередь представился:

- А меня зовут Болисом.

Робот покачал головой и опять повторил:

- Good day. My name is George.

Погладив Бориса по голове, Мария пошла в ванную, чтобы привести себя в порядок, а Алина Георгиевна стала накрывать праздничный стол.

Через полчаса женщины расселись за праздничным столом, и Мария рассказала маме о том, как встретилась с Владиславом, как тот упрашивал ее остаться в Америке.

Алина Георгиевна внимательно выслушала Марию, посоветовав ей не спешить с окончательным решением и, в свою очередь, подробнее рассказала Марии о Григории Кузьмиче, акцентируя внимание на том, что он очень понравился Борису.

- Мне кажется, что он и тебе, может быть, и не очень, но понравился, – взглянув в глаза матери, сказала Мария, – ты так вдохновенно о нем рассказываешь.

- А ты знаешь, – произнесла Алина Георгиевна, – он, действительно, мне понравился. Во-первых, он чудесно выглядит, во-вторых, искренен со мной и, в-третьих, хорошо относится к маленьким детям. А это, сама понимаешь, очень важное человеческое качество.

- Ты знаешь, – сказала Мария, – а мне почему-то захотелось встретиться с Григорием Кузьмичем.

- Хорошо, – согласилась Алина Георгиевна, – я, обязательно, тебя с ним познакомлю.

Через три дня в театре у Марии должен был состояться спектакль, и Алина Георгиевна пообещала быть на спектакле вместе с Григорием Кузьмичем.

В пятницу Григорий Кузьмич и Алина Георгиевна с Борисом приехали на спектакль.

Ставили «Трех мушкетеров», где Мария играла роль Констанции.

Они сидели во втором ряду, и Борис во все глаза смотрел на свою маму. Он все время порывался ей что-то крикнуть, но Алина Георгиевна всякий раз вовремя сдерживала его порыв, говоря, что мешать сейчас маме никак нельзя.

Наконец, спектакль закончился, и Алина с Борисом прошли к Марии за кулисы.

Григорий Кузьмич спустился в вестибюль и там стал ждать появления женщин и Бориса.

Когда они вышли, Алина Георгиевна представила Григория Кузьмича своей дочери.

Марии понравилась выправка Григория Кузьмича, его ироничное «Друг Вашей мамы и, с сегодняшнего дня, Ваш самый преданный поклонник».

Они заехали домой, уложили уставшего Бориса спать, а сами прошли в ближайший ночной ресторан, чтобы отметить приезд Марии, да и поближе познакомиться.

Григорий Кузьмич, как истинный джентльмен, поднял бокал за приезд Марии.

Они выпили, и беседа продолжилась под аккомпанемент гавайской гитары, на которой играл длинноволосый мужчина.

- Григорий Кузьмич, – произнесла Мария, - мама многое о Вас рассказала, но мне бы хотелось узнать, где Вы работаете?

- Я уже говорил Вашей маме о том, что, уйдя на пенсию, я организовал с компаньоном свою фирму, – сообщил Григорий Кузьмич, - и теперь работаю в ней генеральным директором. К слову сказать, фирма - это громко сказано, у нас небольшое рекламное агентство, специалисты которого занимаются разработкой идей и стратегий продвижения товаров и услуг.

- Мне думается, – произнесла Мария,- что работа эта интересная и творческая.

- Да, – согласился Григорий Кузьмич, - мои сотрудники очень талантливые люди. С ними легко решать самые трудные задачи.

- А что Ваша семья? - опять спросила Мария.

- Жена моя умерла пять лет тому назад после второго инфаркта, – сказал Григорий Кузьмич, - а сын с дочерью уже давно имеют свои семьи и живут далеко от Питера, сын в Североморске летает на противолодочных самолетах, а дочь в Геленджике работает врачом в одном из санаториев.

- Извините, что я заставила Вас вновь пережить потерю близкого Вам человека, - извинилась Мария.

- Ничего, давайте-ка лучше выпьем за Констанцию, которую Вы с таким блеском сыграли.

Они вновь пригубили шампанского, и Григорий Кузьмич вдруг произнес:

- Мария, Вы не будете против, если я обращусь к Алине Георгиевне с не совсем обычной просьбой?

Получив разрешение, Григорий Кузьмич встал и с волнением произнес:

- Дорогая Алина Георгиевна, я давно хотел Вам сказать, что Вы мне очень нравитесь, и я хочу предложить Вам руку и сердце.

Алина Георгиевна покраснела, потом влюбленными глазами посмотрела на Григория Кузьмича и произнесла:

- Григорий Кузьмич, Вы мне тоже симпатичны, но у нас же взрослые дети.

- Мама, – перебила ее Мария, - твоя взрослая дочь дает тебе добро и от своего имени просит, чтобы ты сделала то, что считаешь нужным.

- Алина Георгиевна, – воскликнул Григорий Кузьмич, - а мои дети никогда не будут против.

- Ну, что ж, – согласилась Алина Георгиевна, - тогда выпьем за нашу будущую жизнь.

Они выпили, и Григорий Кузьмич предложил не откладывать дело в долгий ящик и определиться с датой свадебных торжеств.

Было решено, что свадьбу они будут играть через две недели, так как с ЗАГСом сумеют договориться, и им вполне хватит времени на общую подготовку.

XI

Две недели были заняты приготовлениями к свадьбе. Григорий Кузьмич сообщил детям о своем решении и пригласил их на торжественное событие.

С Алиной Георгиевной они проехали по магазинам, и там купили себе кольца, платье для невесты и костюм для жениха.

Свадьбу решено было сыграть в ресторане, в котором любила ужинать Алина Георгиевна. На второй день решено было проехать к ней на дачу, и на свежем воздухе продолжить свадебное гулянье.

За два дня до свадьбы приехали дети Григория Кузьмича. Они сразу же заметили, что их отец изменился в лучшую сторону. Он стал еще энергичней, еще моложавей и жизнерадостней.

Их, конечно, обрадовали такие изменения, и они с нетерпением стали ждать свадебного дня, чтобы познакомиться с отцовой избранницей.

Наконец, наступил день свадьбы, и Григорий Кузьмич на свадебном лимузине подъехал к дому Алины Георгиевны.

Через десять минут Алина Георгиевна, в сопровождении подруги, вышла из дома и направилась к лимузину.

Любопытные соседи, кто с восхищением, а кто с нескрываемой завистью, наблюдали за ней.

Григорий Кузьмич вышел из машины и важной походкой пошел ей навстречу.

Как она была хороша, вся в белом, Алина Георгиевна казалась волшебной феей, которую Григорий Кузьмич видел в какой-то детской книжке. В ее глазах светилось счастье, она вся излучала какой-то притягательный свет. - Милая, Алина, – не сдержал своих чувств Григорий Кузьмич, - ты так прекрасна.

От этих слов Алина Григорьевна еще больше покраснела, и у нее закружилась голова.

Посмотрев на Григория Кузьмича, она произнесла: - Григорий, большое спасибо тебе за слова и за этот день, который объединит наши сердца и сделает счастье общим.

Григорий Кузьмич помог ей сесть в машину, и они поехали в ЗАГС.

У ЗАГСа их уже поджидали приглашенные гости.

Кроме родственников, были здесь знакомые Алины Георгиевны и сотрудники из фирмы Григория Кузьмича.

В ЗАГСе отчего-то уставшая сотрудница, кисло улыбнувшись, монотонным голосом провела церемонию брачевания, предложив им обменяться обручальными кольцами.

Несмотря на скучную церемонию, настроение двух счастливых людей не испортилось. Они смотрели друг на друга и, словно, не замечали вокруг ничего.

Длинная вереница машин тронулась в свадебный путь. Ей предстояло проделать путь от ЗАГСа до Марсова поля и, далее, до ресторана.

На Марсовом поле Григорий Кузьмич с Алиной Георгиевной возложили цветы у вечного огня, а в ресторане их ждали тамада и возбужденные гости, которым не терпелось поздравить жениха и невесту, а, судя по записи в ЗАГСе, уже мужа и жену.

Гости устроили цветочный коридор и осыпали их лепестками цветов и какими-то зернами.

Счастливые Григорий Кузьмич и Алина Георгиевна прошли через цветочный коридор и заняли свои места за праздничным столом. Гости последовали их примеру, и свадьба началась.

Тамада, как мог, развлекал гостей и объявлял очередные тосты. Объявлялись и перерывы, во время которых гости знакомились и общались.

Марию многие узнавали и старались познакомиться с ней. Особое рвение проявила Агнесса.

В один из перерывов Агнесса подошла к Григорию Кузьмичу и попросила познакомить ее с Марией.

Григорий Кузьмич подвел ее к Марии и представил:

- Мария, это Агнесса, копирайтер нашего агентства.

- Очень приятно, – сказала Мария и хотела уже отойти, но Агнесса, придержав ее руку, стала нахваливать ее талант.

Григорий Кузьмич, чтобы не мешать разговору, пошел искать свою Алину Георгиевну.

- Мария, – воскликнула Агнесса, - я стараюсь не пропускать премьерные спектакли и всегда восторгаюсь Вашей игрой.

- Вы мне, просто, льстите, Агнесса, в труппе нашего театра есть много талантливых актеров и актрис.

- Да, конечно, – согласилась Агнесса, - мне вообще нравится Ваш театр, но на спектакли, в которых играете Вы, я хожу постоянно.

В это время тамада вновь пригласил всех гостей к столу, прервав их душевную беседу.

Гости кричали «горько», Григорий Кузьмич с Алиной Георгиевной с удовольствием целовались, а тамада продолжал теребить гостей.

Во время перерыва Агнесса познакомилась также с сыном Григория Кузьмича Андреем и теперь сидела рядом с ним, строя ему глазки.

По поведению Андрея можно было понять, что Агнесса ему тоже понравилась и он, офицер морской авиации, кажется, попал в ее сети.

В два часа ночи гости стали нехотя расходиться, но последний «на посошок» прозвучал только в половине третьего.

Родственники с обеих сторон договорились встретиться вечером на даче у Алины Георгиевны и разъехались по домам.

Григорий Кузьмич привез Алину Георгиевну в свою квартиру и первая брачная ночь, перешедшая в брачный день, была волнующей и прекрасной.

XII

После свадьбы Агнесса пригласила Андрея к себе и тот, не раздумывая, согласился.

У Агнессы была двухкомнатная квартира в одной из новостроек севера Петербурга, которую ей купили родители.

Войдя в квартиру, Агнесса провела Андрея в гостиную, вынула из бара бутылку коньяка и коробку конфет.

Зазвучало медленное танго.

- Андрей, Вам так идет морская форма, – воскликнула Агнесса, - давайте выпьем за Вашу героическую службу, за Вас.

Они выпили по глотку коньяка, и Андрей попытался возразить Агнессе:

- Не такая уж она героическая, моя служба. Я просто выполняю свой долг.

- Андрей, я понимаю Вашу скромность, – произнесла Агнесса, - но оберегать границы нашего государства, дано не каждому.

- Агнесса, давайте не будем сегодня говорить о моей службе. Я хочу выпить за Вас, за Вашу красоту.

Они опять выпили по глотку коньяка, и Андрей пригласил Агнессу на медленное танго.

Он осторожно обнял Агнессу, но почувствовав ответное желание, прижал ее к своей мощной груди.

Да, у Агнессы были привлекательный бюст, тонкая талия и соблазнительная попка. Рука Андрея сумела на ощупь определить отменное качество всех ее прелестей. Он еще крепче прижал разомлевшую Агнессу и крепко ее поцеловал.

- Ах, Андрей, – вырвалось из груди Агнессы, - как мне сейчас хорошо.

Андрей взял ее на руки и осторожно уложил на тахту. Быстро скинув мундир и брюки, он лег рядом и дрожащими руками стал раздевать пылающую жаром Агнессу. На пол полетели платье, колготки и все остальное.

Агнесса прижалась к Андрею и, бессвязно бормоча, стала ласкать его разгоряченное тело. Она покрывала поцелуями лицо, грудь, живот и остальные части тренированного тела Андрея, а когда Андрей дошел до кондиции, села на него и стала елозить своим задом сначала медленно, потом быстрее, еще быстрее и, наконец, стон истинного наслаждения вырвался из ее груди и она, обессиленная, легла на грудь Андрея. Немного отдышавшись, Андрей обнял ее и, покрывая лицо жаркими поцелуями, осторожно перевернул на спину.

Он ласкал тело Агнессы, а та лежала неподвижно, полностью отдаваясь ласкам Андрея. Потом оживилась

и принялась ласкать его, возбуждаясь сама. Их движения ускорились, дыхания участились, и одновременный оргазм накрыл их воздушным покрывалом страсти и нежности.

Покрывало страсти и нежности не покидало их ни в душе, где они продолжили свою любовную игру, ни в спальне, куда они переместились из душа.

Спокойной ночи, вам. Точнее, с добрым утром.

Проснулись они только в три часа дня. Агнесса вновь довела Андрея до оргазма, получив при этом заряд нового возбуждения.

Полежав несколько минут в расслабленном состоянии, она встала и прошла в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Андрей еще немного полежал, потом встал, оделся и вышел в гостиную.

Выпив полбокала коньяка, он включил приемник и сел в кресло.

- Какая женщина, – подумал он, - сколько в ней шарма и страсти. Она способна до последней капли опустошить мужскую плоть. Я еще никогда не чувствовал такого кайфа.

- С добрым утром, Андрей, – проворковала Агнесса, выйдя из ванной, - ты уже встал, а я хотела тебя поцеловать еще в постели.

Андрей встал с кресла, обнял Агнессу и нежно поцеловал:

- Агнесса, спасибо тебе за такую щедрую на эмоции ночь.

- И тебе, большое спасибо, – произнесла Агнесса, - мне было очень-очень хорошо с тобой.

Сказав это, Агнесса прошла в кухню и приготовила по чашечке кофе.

Через полчаса они вышли из дома и поехали на дачу к Алине Георгиевне.

XIII

Алина Георгиевна проснулась только в одиннадцать часов дня. Григорий Кузьмич еще мирно посапывал, лежа на правом боку.

- Как это я решилась, – подумала Алина Георгиевна, - после смерти мужа я зареклась не выходить больше замуж. Может быть, я и не рискнула бы заговорить с каким-нибудь мужчиной, но мой малыш все решил за меня. Как он помог мне познакомиться с Григорием. И, слава богу, Григорий оказался нежным и внимательным мужчиной. А какой он темпераментный. В его-то годы, и так страстно ласкать.

Она поцеловала Григория в плечо, потом в губы.

Григорий недовольно замотал головой, потом отвернулся, но, через несколько мгновений, повернулся к Алины.

- Милая, – сказал он, - а ты догадываешься, что я тебя очень люблю?

Сказав это, он обнял Алину и, притянув к себе, страстно поцеловал.

- А не тряхнуть ли нам стариной по утрянке? – улыбаясь, предложил он.

- Ах, ты, мой старичок, – нежно произнесла Алина, - сегодня ночью мне не показалось, что ты слишком стар. Я уверена, что ты снова в хорошей форме, но нам нужно спешить. К семи часам вечера мы должны быть готовы к встрече гостей.

- Да, от любви у меня все выскочило из головы, – сознался Григорий, - дай я тебя поцелую, и встаем.

Они еще раз поцеловались и стали собираться на дачу.

А в это время на даче подруги Алины Георгиевны готовили праздничный стол. Несколько столов было решено выставить прямо во двор и там продолжить свадебные мероприятия.

Большая часть закусок была уже готова, оставалось только сдобрить майонезом салаты, да достать из маринада мясо и курицу.

Приехав на дачу, Григорий и Алина пообщались с Алиниными подругами, узнали у них о полной готовности солений и варений. Оставалось только купить где-то спиртное и заправку.

Немного посидев с женщинами, Григорий поехал выполнять их поручение.

Закупив в сельском магазине все, что просили женщины, он тронулся в обратный путь и по дороге встретил свою дочь с мужем, которые на электричке приехали в дачный поселок.

Подождав, пока Светлана и Михаил сядут в машину, Григорий Кузьмич нажал на педаль и уже через несколько минут сигналил возле дачных ворот.

В шесть часов вечера на дачу приехала Мария с Борисом.

Борис тут же подошел к Григорию Кузьмичу и спросил:

- А сегодня мы будем тлениловаться?

Услышав эти слова, Алина Георгиевна предложила:

- Может не стоит в выходной день тренироваться. Вы лучше нарвите для стола яблок, которым уже надоело висеть на ветках.

Григорий Кузьмич с Борисом пошли выполнять поручение Алины Георгиевны, а Мария присоединилась к маминим подругам.

К половине седьмого приехали Андрей с Агнессой. Они загадочно улыбались, и по этим улыбкам окружающим

можно было понять, что ночь у молодой пары была бурной и приятной.

Увидев Марию, Агнесса подошла к ней, и доброжелательно спросила:

- Мария, как Вам сегодня спалось?

- Хорошо, – ответила Мария, - вот только Борис проснулся, как обычно, в десять часов, а мне так не хотелось вставать.

- Какой хороший у Вас сын, – похвалила Агнесса, - смотрите, как он помогает Григорию Кузьмичу.

- Да, Борису нравится общаться с мужчинами, – подтвердила Мария, - Агнесса, а что Вы можете сказать про Григория Кузьмича?

- Вообще-то о шефах плохо не говорят, – сказала Агнесса, - но я не потому буду говорить только хорошее. Просто Григорий Кузьмич, действительно, хороший человек. Он в меру требователен и очень компетентен. С ним сотрудники могут говорить на любые темы и не боятся спорить, при отстаивании своих идей. Он никогда не давит своим авторитетом, и поддерживает в коллективе творческую непринужденную атмосферу.

- А Вы давно знаете Григория Кузьмича? - опять спросила Мария.

- Нет, не очень давно, – ответила Агнесса, - полтора года тому назад я пришла в это рекламное агентство.

- А чем вы там занимаетесь? - спросила Мария.

- Я – копирайтер, – ответила Агнесса, - пишу разные тексты к рекламным буклетам, модулям, готовлю для клиентов статьи. Занимаюсь и креативом.

- А что такое креатив? - вновь спросила Мария.

- Креатив – это разработка различных идей, – сказала Агнесса, - идей, которые, в дальнейшем, используются при подготовке стратегии продвижения товаров или

услуг. Большинство из того, что Вы видите на рекламных носителях можно только с большой натяжкой отнести к креативу. Хотя, некоторые рекламные решения вызывают чувство удовлетворенности за оригинальные слоганы и послания, обращенные к потребителю.

- Я не специалист в области рекламы, – сказала Мария, - но и мне бывает неудобно читать некоторые плакаты, особенно те, которые пестрят своими стихотворными ляпами. Например: «Стиральный порошок стирает хорошо или засунь в машину плед, иди, готовь обед».

- Да, таких опусов встречается немало, – согласилась Агнесса.

- Прошу к столу, – пригласила Алина Георгиевна. Все сели за праздничный стол и снова «горько», но уже без тамады.

- Дорогие мама и Григорий Кузьмич, – обратилась к молодоженам Мария, - я поднимаю свой бокал за ваше счастье, потому, что мы не будем счастливы, если счастье пройдет мимо вас. Любви вам и чуткого отношения друг к другу. А теперь, горько.

Григорий Кузьмич обнял Алину Георгиевну и крепко ее поцеловал. А гости все кричали «горько, горько», и поцелуй продлился, казалось, целую вечность.

Закусив салатами, гости пообщались друг с другом, после чего слово взял Андрей:

- Папа и уважаемая Алина Георгиевна! Хочу пожелать вам долгой и счастливой совместной жизни, которая радовала бы ваших родных и близких. Горько, горько. И опять долгий, горячий поцелуй и нежный взгляд.

После этого тоста были объявлены танцы.

Гости образовали большой круг, а Григорий Кузьмич и Алина Георгиевна станцевали под аплодисменты свадебный вальс.

Андрей с Михаилом занялись мангалом, а подружки Алины Георгиевны принялись насаживать на шампуры сочные куски.

По двору разнеслись приятные запахи томимого мяса. А когда шашлыки спсели, тост произнесла Светлана: - Дорогой папочка и дорогая Алина Георгиевна! Я поздравляю вас с таким важным и приятным событием. Желаю вам счастья и любви. Горько. Горько. Третий поцелуй был не таким долгим, как первый и второй, так как гости спешили отведаъ горячего шашлычка, и поэтому слово «горько» захлебнулось в обильном слюноотделении.

А шашлычки удалсь на славу. Сочные и нежные куски так и таяли во ртах у собравшихся.

Борис тоже съел три больших куска, запив их любимым лимонадом.

Он переводил свой восторженный взгляд то на маму, то на бабушку, то на Григория Кузьмича. Ему было весело и интересно, так как это была первая свадьба, на которой он присутствовал.

После шашлычка был вновь объявлен перерыв, отведенный для танцев и песен.

Григорий Кузьмич затянул свою любимую «По Дону гуляет, по Дону гуляет», и все присутствующие с удовольствием его поддержали.

Потом из магнитофона раздалась «Ламбада», и гости пустились в пляс, вихля бедрами разного калибра. Борис прыгал вместе с ними и его вихляния умиляли взрослых.

Вволю натанцевавшись, гости вновь вернулись за праздничный стол, где их, кроме шашлыков, ждали еще и приготовленные барбекю.

Были новые тосты с уже не громким «горько», но с не менее вкусной закуской.

Гости пили, ели, радовались и общались.

Агнесса смогла очаровать Марию своими пламенными речами, и та не отказалась от предложения дружбы.

Андрей, после пятой стопки, стал приглашать всех в Североморск, почему-то останавливая при этом свой взгляд на разрумянившейся Агнесе.

Светлана и Михаил рассказывали о прелестях

Геленджика и уже в этом году хотели видеть у себя

Григория Кузьмича и Алину Георгиевну.

Борис уже изрядно устал, поэтому его отвели в дом и уложили в спальне на втором этаже.

Андрей с Агнессой уехали в город, а Мария, Светлана и Михаил остались ночевать на даче у Алины

Георгиевны.

Третий день решено было провести здесь же, но только с двенадцати часов.

На следующий день с первыми петухами проснулся

Борис. Марии тоже пришлось встать и покормить

Бориса йогуртом и фруктами.

Чтобы не мешать спящим, Мария, вместе с Борисом, пошла к озеру, где неугомонные рыбаки уже таскали на удочку еще сонных окуней.

Над озером клубился осенний туман, и восходящее солнце, нехотя, поедало его своими лучами.

Грибная пора была в самом разгаре, поэтому многие дачники спешили с корзинками по грибы.

- Боренька, – спросила Мария, - тебе нравится озеро?

- Конечно, мама, – произнес Борис, - только я хочу тоже лыбку ловить.

- Хорошо, только в следующий раз, – сказала Мария, - деда Григорий обязательно возьмет тебя на рыбалку.

Помнишь, как он вчера говорил, что любит рыбалку с самого детства?

- Помню, – ответил Борис, - я тоже лыбалку люблю.

Прогулявшись вдоль берега, Мария с Борисом вернулись на дачу.

Алина Георгиевна и Светлана были уже на ногах. Они мыли оставшуюся с вечера посуду и накрывали на стол. Мария присоединилась к ним, а Борис взял большое красное яблоко и присел с ним возле бани.

Первым из мужчин вышел Григорий Кузьмич. Он облился холодной водой и выпил кружечку холодного кваса. Увидев притихшего Бориса, подошел к нему и спросил:

- Что наш мальчик заскучал?

- Деда, – сказал Борис, - мы были с мамой на озеле, а там лыбаки ловят лыбку.

- Ты тоже хочешь половить? - снова спросил Григорий Кузьмич.

- Да, я тоже хочу посидеть с удочкой, - признался Борис.

- Не унывай, – подбодрил Бориса Григорий Кузьмич, - вот деда подготовит удочки и лодку, тогда вся рыба будет наша.

- А ты возьмешь меня с собой? - посмотрел Борис на деда.

- А как же я без тебя, – подтвердил Григорий Кузьмич, - кто мне будет помогать рыбу с крючка снимать?

- Я буду, – воскликнул Борис, - ты увидишь, как я тебе буду помогать.

- Хорошо, Борис, – сказал Григорий Кузьмич, - в следующий выходной мы с тобой обязательно пойдем на рыбалку.

- Мама, – побежал Борис к Марии, - меня деда в следующий лаз возьмет с собой на лыбалку.

- Ну, вот и здорово, – сказала Мария, - я же тебе говорила, что дедушка обязательно возьмет тебя.

- Дедушка, – с удовлетворением подумал Григорий Кузьмич, - вот и еще одним внуком обзавелся.

В двенадцать часов гости сели за обеденный стол, не дожидаясь приезда Андрея и Агнессы.

За обедом Мария спросила Григория Кузьмича:

- Григорий Кузьмич! Я вчера общалась с Агнессой, и она много интересного рассказала мне о Вашем агентстве и тех услугах, которые вы предлагаете.

Оказывается, Вы занимаетесь креативом.

- Да, и не только им, – ответил Григорий Кузьмич, - весь комплекс услуг называется брендингом.

- Что-то очень похоже на бренди, – сказал Михаил.

- Нет, к бренди наша деятельность не имеет никакого отношения, – ответил Григорий Кузьмич, - брендинг от слова бренд – торговая марка, а, точнее, раскрученная торговая марка.

- Несколько лет тому назад, – призналась Мария, - мы о рекламе вообще никакого представления не имели, а теперь брендинг, креатив.

- Что поделаешь, рынок диктует свои правила игры, – сказал Григорий Кузьмич, - реклама – двигатель прогресса. Правда, пока, наша реклама не блещет креативом. Скорее, она сера, как вся наша сегодняшняя жизнь.

- Вот и Агнесса говорит о том, что реклама сейчас не отличается хорошим творчеством, – согласилась Мария, - все эти «я румяна, как тюльпан» или «колбаса – наш лучший продукт».

- Мария, поверьте мне, – воскликнул Григорий Кузьмич, - в этом повинны не только рекламисты, вернее, чаще всего не они. У нас сегодня, что ни болельщик, то самый главный футбольный специалист, что ни бизнесмен, то главный креативщик. Неделию тому назад мы для одной строительной фирмы разработали рекламную стратегию, которая включала в себя концептуальный слоган: «под ключ, без права на

ошибку», так ее руководитель решил использовать обращение с перечнем услуг: «Быстро, фундаментально, качественно». И когда реклама не дала того эффекта, который он предполагал, во всем обвинили разработчиков рекламной стратегии.

Или разрабатывали мы для одной фирмы название чулочно-носочной линии. Было представлено более десяти очень привлекательных названий, и ни одно из них заказчика не удовлетворило. Аргументов против, практически, не было, а, если и были, то не отличались ни объективностью, ни оригинальностью. Заказчик слово shining сравнил с названием футбольного клуба «Шинник», а для него с этим названием связаны не самые хорошие ассоциации. Но как же нужно было прочесть слово «шайнинг», чтобы сравнивать его с «Шинником».

- Да – поддержала своего отца Светлана, - у нас в Геленджике тоже недавно висел щит с морским пейзажем и надписью: «Иди на пляж, купайся в море, не будет зла, не будет горя».

- Вот-вот, – поддержал ее Михаил, - от такой рекламы не к морю, а подальше от моря хочется бежать.

В это время подошли Андрей с Агнессой, и Михаил поднял бокал за Григория Кузьмича и Алину Георгиевну.

Присутствующие выпили за молодоженов, и Андрей рассказал о том, что ему пришлось разбираться с двумя молокососами, которые на платформе пытались пристать к Агнесе. Из-за этого они и опоздали на обед.

- Он так врезал этим паршивцам, – восторженно произнесла Агнесса, - что, я думаю, у них надолго отпала охота приставать к девушкам.

- Ну, что ж, – предложил Григорий Кузьмич, - давайте выпьем за героя.

Борис подошел к Андрею и пожал его мужественную руку:

- Я тоже буду сильным.

- Конечно, – согласился Андрей, ты будешь сильным и справедливым. Потому, что сила без справедливости может наделать очень много бед.

- Тогда я буду сплаведливым и сильным, - пообещал Борис.

Алина Георгиевна, поцеловав Бориса в носик, подняла свой бокал и предложила выпить за мужчин, которые окружают их любовью и заботой.

Они выпили, и Алина Георгиевна запела:

- Ромашки спрятались

Мария и Светлана подхватили эту песню, а мужчины внимательно слушали женское пение.

Когда женщины закончили петь, Григорий Кузьмич вдруг вспомнил свою любимую песню о летчиках.

Сначала поддержал его Андрей, а, потом, все присутствующие подхватили припев:

«....Пускай судьба забросит нас далеко, пускай.....».

После такой песни не грешно и выпить за присутствующих здесь авиаторов, что было без промедления выполнено.

Тем временем, солнце уже закатилось за крыши домов, осенняя свежесть стала забираться под одежду присутствующих, поэтому было принято решение об окончании хоть и радостного, но затянувшегося мероприятия. Тем более, что завтра начиналась новая трудовая неделя с ее хлопотами и неожиданностями. От дачи до железнодорожной платформы с песнями, да с анекдотами дошли быстро, а вот электричку пришлось некоторое время подождать. Как всегда, расписание движения электричек не выдерживалось без объявления причин.

Но долгое ожидание скрасили новыми песнями, да анекдотами, которых у Андрея был большой запас. Провинившаяся электричка, будто извиняясь перед пассажирами, летела в город на всех парусах, будоража темноту своим пронзительным сигналом. Город встретил пассажиров вечерней прохладой и попытался развести их в разные стороны, но не все с ним согласились. А ночь, тем временем, с каждой минутой становилась короче и короче. Спешите, люди, теплые постели ждут вас. А где тепло, там чувства, а где чувства, там любовь.

XIV

Понедельник хоть и называют тяжелым днем, но для Григория Кузьмича и Алины Георгиевны этот понедельник оказался радостным и легким. Первое, что увидел Григорий Кузьмич, придя на работу, был большой и красивый плакат, на котором, кроме свадебных фотографий, разместились дружеские шаржи на молодоженов с различными пожеланиями и приколами, типа: «Хомут для шеи, а шея для жены. Интересный расклад» или «Твой выбор: 1. Мнение друзей: «Женатым быть – не пиво пить», 2. Мнение жены: «Женатым быть – пиво не пить», 3. Мнение разочаровавшегося: «Женатым быть – пить не пиво». Все сотрудники и сотрудницы искренне поздравляли Григория Кузьмича, намекая на то, что в этот радостный, но, в какой-то степени тяжелый день, они с удовольствием поработают без него. То есть, без удовольствия, но поработают. Видя их хитрющие взгляды, Григорий Кузьмич решил пойти им навстречу и, посмотрев свой деловой календарь, объявил о том, что он, с чувством

выполненного долга, покидает на сегодня свой руководящий пост, оставив за себя Дарью.

Позвонив Алине, он подъехал к ее салону, и они вместе решили прогуляться по осеннему лесу. По дороге в лес Григорий рассказал Алине о том, как его встретил трудовой коллектив, и как они проводили его из офиса. Алина тоже рассказала Григорию о бурных поздравлениях, которые прозвучали из уст сотрудников и клиентов:

- Меня просто завалили цветами.

Говоря это, она улыбалась своей открытой и притягательной улыбкой.

Григорий, не сдержавшись, остановил машину, обнял Алину и нежно поцеловал.

- Вот видишь, Алина, как тебя любят все, – сказал Григорий, переведа дух, - только знай, что я тебя люблю больше кого-либо.

- Я знаю и постоянно чувствую это, – произнесла Алина, - мне очень хорошо с тобой.

Они поехали дальше, думая об одном и том же, потому что им в последнее время было очень и очень хорошо. Хорошо оттого, что закончилось душное одиночество, что каждой частичкой истосковавшегося тела они теперь ощущают приятное биополе любимого человека. И это ощущение, как надежный панцирь, защищает их от негативных воздействий внешней среды.

А внешняя среда предстала перед ними в облике позитивного осеннего леса с его зеленовато-желтым елово-березовым отливом и ярко-красными осиновыми всполохами.

Не зря осень является основным возбудителем поэтов. О ней написано самое большое количество поэтических од. Во все времена поэты воспевали осень, связывая ее с их любовными переживаниями.

Григорий с Алиной вышли из машины и медленно вошли в очаровательный осенний пейзаж. Опавшие листья о чем-то шуршали под ногами молодоженов. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны деревьев, пытались вдоволь напиться росы с пожухлой травы и причудливых паутин.

- Как хорошо, – вдохнув полной грудью, воскликнула Алина, - мне кажется, что осень – не увядание природы. Она, как женщина, медленно снимает свой макияж, готовясь к долгому зимнему сну.

Григорий влюбленными глазами посмотрел на Алину:

- Как здорово ты сказал. Какое образное сравнение.

- Я же хозяйка салона красоты, – произнесла Алина, - и, к сожалению, все мои сравнения замыкаются на профессиональной деятельности.

- А почему «к сожалению»? - спросил Григорий, и сам же на него ответил, - твоя профессия делать человека красивым предопределяет творческий подход, а, с ним, и образное видение.

Они вышли на поляну, окруженную молодыми осинками, и Алина заметила красную шапочку, торчащую из травы:

- Григорий, посмотри. Я, кажется, нашла подосиновик.

Они подошли к красной шапочке, и тут Григорий заметил еще несколько грибов:

- Алина! Да тут целая семейка подосиновиков, значит, не все грибы собрали за выходные.

- Эдак, мы с тобой и на жареху насобираем, – сказала Алина, - ехали просто в лес, а попали на грибное место.

- Везучий ты человек, – произнес Григорий, - грибы так и тянутся к тебе.

- И к тебе тоже, - сказала Алина и всем телом прижалась к любимому Григорию.

Григорий обнял прижавшуюся к нему Алину и прошептал:

- А не расстелить ли нам ковер из листвы. Говорят, что на таком ковре особый оргазм получается.

Алина влюбленными глазами посмотрела на Григория и произнесла:

- В нашем с тобой возрасте, кроме оргазма, на ковре из листьев можно получить еще и радикулит. Подождем до лета, а летом я с тобой обязательно поваляюсь на сене.

- Ловлю тебя на слове, – сказал Григорий, - в первый же сенокос едем в деревню.

- Согласна, - загадочно улыбнувшись, произнесла Алина.

Они вернулись назад к машине и поехали в сторону города.

XV

А в это же время Андрей с Агнессой встретились, чтобы проститься. Сегодня вечером Андрей уезжал в Североморск, и по этому поводу решил организовать прощальный ужин в ресторане, недалеко от Московского вокзала.

В семь часов вечера Андрей встретил Агнессу у метро «Площадь Восстания», и они, не спеша, прошли в ближайший ресторан.

В ресторане Агнесса скинула плащ и обнажила все свои прелести, которые не скрывали короткая юбочка и глубокое декольте. Именно поэтому, взоры всех мужчин, скользнув по Андрею, тут же переключились на Агнессу.

Андрею было неприятно такое повышенное внимание, а Агнесса, наоборот, еще выше подняла свой подбородок и еще энергичнее закачала бедрами.

Сев за свободный столик, они заказали шампанское, салаты и десерт.

А когда заиграл оркестр, Андрей пригласил Агнессу на танец. Как сексуально она танцевала, казалось, будто вся ее плоть стремится вырваться наружу, а ее страстные глаза пытаются съесть присутствующих в зале мужчин.

И действительно, ее движения вызвали обильное слюноотделение у мужской половины ресторана, и некоторые из мужчин решили пригласить ее на следующий танец.

После танца Андрей с Агнессой выпили по бокалу шампанского и только собирались закусить, как оркестр заиграл медленное танго. Несколько мужчин устремились к их столику, но первым успел усатый кавказец:

- Дэвушка, разрешитэ пригласит? - спросил он.

Агнесса посмотрела на кавказца и произнесла:

- Дорогой, сначала нужно спросить разрешения у моего мужчины.

Кавказец сменил улыбку на гнев и произнес:

- Зачѐм мне твой мужчина, я хочу танцеват с тобой.

Сказав это, он взял Агнессу за локоть и попытался силой вытащить ее на танцевальную площадку.

Андрей вскочил со своего места и взял кавказца за грудки:

- Тебе же сказали, что нужно делать.

Из-за соседнего стола вскочили земляки усаца. Крича и размахивая руками, они бросились на Андрея.

Андрей швырнул кавказца на его земляков, скинул мундир и приготовился к разборке.

Администратор ресторана встал между ним и кавказцами:

- Господа! Я буду вынужден вызвать милицию, если вы не прекратите эту разборку.

Эти слова администратора сбили пыл у кавказцев. Они вернулись за свой стол и, гневно глядя в сторону Андрея и Агнессы, стали о чем-то громко переговариваться.

- Андрей, – предложила Агнесса, - давай лучше уйдем отсюда, а то эти козлы что-нибудь с нами сделают.

- Агнесса, дорогая, – возразил Андрей, - а почему мы должны уйти? Во-первых, мы у себя дома, а, во-вторых, не мы спровоцировали этот бардак.

- Я тебя понимаю, – произнесла Агнесса, - но ты же видишь, как они разозлились. Мне здесь совсем некомфортно.

Они выпили по фужеру шампанского и, расплатившись с официантом, пошли в гардероб.

Вслед за ними проследовали кавказцы. Видя это, администратор глубоко вздохнул и радостно усмехнулся. Ему стало хорошо оттого, что разборка переносится из ресторана на улицу.

Выйдя из ресторана, Андрей и Агнесса увидели поджидавших их кавказцев.

- Андрей, – прошептала Агнесса, - я их очень боюсь.

- Агнесса, – попытался успокоить ее Андрей, - я же с тобой, но будет лучше, если ты вновь зайдешь в ресторан.

- Я от тебя никуда не уйду, – сказала Агнесса.

- Тогда прижмись к дверям и никуда от них не отходи, - посоветовал Андрей.

- Ну, ты, моряк, чего встал или струхнул? – спросил один из кавказцев.

- Та он вес дражит, как заяц, - подхватил другой.

Услышав оскорбительные высказывания, Андрей стал медленно спускаться по ступенькам лестницы, мысленно прорабатывая свои действия вниз.

- Нужно обязательно без вступительных слов начать первым, – подумал он, – только внезапность сможет меня спасти.

Но тут, из-за угла здания появился военный патруль. Майор, начальник патруля заметил воинственно настроенных кавказцев и понял, что капитану грозит неминуемая расправа.

- Товарищ капитан, – громко сказал он, – предъявите Ваши документы.

С этими словами он подошел к Андрею и тихо спросил:

- Ну, что, капитан, достают чернявые?

- Достают, товарищ майор, – так же тихо ответил Андрей.

Посмотрев документы Андрея, майор громко сказал:

- Придется Вам пройти со мной, документы у Вас не в порядке.

- Товарищ майор, – тихо сказал Андрей, – со мной еще девушка.

- И жену свою забирайте, – громко произнес майор, – а то слишком много охотников за чужими женами в Петербурге.

- Агнесса, – крикнул Андрей, – меня забирает патруль. Придется проехать в комендатуру.

Агнесса быстро сбежала по ступенькам лестницы и прижалась к Андрею.

- Ну, что ж, пройдемте, товарищ капитан, – строго произнес начальник патруля.

Андрей и Агнесса в сопровождении майора и двух курсантов чинно проследовали мимо возмущавшихся кавказцев.

Отойдя на почтительное расстояние, майор попрощался с Андреем, пожелав ему счастливого пути. Андрей проводил Агнессу до дома, крепко ее поцеловал на прощание и расстроенный поехал на вокзал. Ночной поезд Петербург-Мурманск увез его от родных, Агнессы и кавказцев.

XVI

В пятницу вечером Григорий Кузьмич, Алина Георгиевна, Мария и Борис после работы приехали на дачу. Григорий Кузьмич затопил в гостиной камин и пошел готовить снасти к утренней рыбалке. Борис проследовал вслед за ним. Женщины решили не мешать мужской половине и прошли на кухню, чтобы приготовить ужин.

Григорий Кузьмич вынул из чехла резиновую лодку, разложил ее и решил сделать контрольную прокачку. Борис первый раз видел процедуру накачивания резиновой лодки. С каждым качком лодка становилась все больше и больше.

- Дедушка, – спросил Борис, - а мы, что, сейчас пойдем на лыбалку?

- Нет, Борис, – ответил Григорий Кузьмич, - на рыбалку мы пойдем завтра, а сегодня я хочу проверить лодку и все рыболовецкие снасти. А вдруг лодка неисправна.

- Как это, неисплавна? - опять спросил Борис.

- Может быть, пока она лежала в чехле, – произнес Григорий Кузьмич, - перестала быть герметичной. Может быть, в ней появилась маленькая дырочка, и когда мы с тобой поплывем, она начнет пропускать воздух, и нам придется барахтаться в воде. А вода сегодня очень холодная.

- А я умею балахтаться в воде, – похвастался Борис, - только я ланьше балахтался у белега.

- Когда будет теплее, – обещал Григорий Кузьмич, - мы с тобой, обязательно, побарахтаемся и на глубине. А пока, сядь на борт лодки и попрыгай.

Борис тут же выполнил дедушкину просьбу и запрыгал на борту. Прыгать на накачанной лодке ему очень понравилось.

Григорий Кузьмич немного подождал, глядя на прыгающего Бориса, потом остановил его:

- Ну, вот и хорошо. А теперь нам нужно подготовить все рыболовные снасти, а то завтра будет некогда этим заниматься.

Борис послушно спрыгнул с лодки и направился вслед за дедом к рыболовным снастям.

Они проверили удочки, подсачник, садок для рыбы и набор с леской, крючками и поплавками. Убедившись в исправности лодки, удочек и подсачника, Григорий Кузьмич и Борис вернулись к накрытому в гостинной столу.

- Как дела, рыбаки? – встретила их Алина Георгиевна, - все ли готово к завтрашней рыбалке?

- Бабушка, – воскликнул Борис, - мы с дедушкой все пловелили: и лодку, и удочки, и ключки.

- Ну и молодцы, - похвалила Алина Георгиевна.

- А теперь, мыть руки и за стол, - попросила Мария.

На столе дымилась отварная картошка, золотилась корочкой жареная курочка, хвасталась зеленью тарелка салата и бодрились малосольные огурцы. Возвышались, конечно, и емкости с напитками: водочка для Григория Кузьмича, красное сухое вино для женщин, лимонад для Бориса и общественный напиток – домашний квас. Григорий Кузьмич разлил указанные напитки по стопкам и фужерам и предложил выпить за

наступающие выходные, в которые мужички, непременно, накормят любимых женщин ухой. Аппетит на свежем воздухе, да со свежей закуской разыгрывается не на шутку, поэтому картошечку с курочкой уминали за обе щеки.

- Как дела на работе? - спросила Григория Кузьмича Алина Георгиевна.

- Да, вроде бы все нормально, – ответил Григорий Кузьмич, - есть хорошие заказы на разработку названий и дизайнерские работы. Креативный отдел работает с полной отдачей.

- А как поживает Агнесса? - спросила Григория Кузьмича Мария.

- Она у нас на хорошем счету, – ответил Григорий Ефимович, - вот только некоторые женщины ей завидуют. На этой почве возникают ненужные конфликты.

- Да, эффектная она женщина, – произнесла Мария, - мы с ней встретились в среду после моего спектакля.

- Она, наверное, восхищалась твоей игрой? - спросила Алина Георгиевна.

- Да, она высказала мне много лестных слов, – ответила Мария, - и мне показалось, что слова ее были искренними.

- Вообще-то, она человек увлекающийся, – сказал Григорий Кузьмич, - но, если ей твоя игра понравилась, то это действительно так.

Сказав это, он будто опомнился и произнес:

- Дорогие мои, я хочу поднять свой бокал за вас. Мы с Борисом сделаем все возможное, чтобы жизнь ваша была радостной и счастливой. Правда, Борис.

- Плавда, дедушка, - согласился Борис.

- Ну, вот и хорошо, – подытожил Григорий Кузьмич, - за вас, дорогие женщины.

Они выпили за женщин, и разговор переключился на обсуждение завтрашнего дня.

- Григорий, – попросила Алина Георгиевна, - вы только оденьтесь завтра потеплее, а то по утрам еще прохладно.

- Алина, мы уже приготовили теплые курточки и спортивные штаны, – доложил Григорий Кузьмич, - завтра вы можете подольше поспать, а мы сами встанем с первыми петухами, и часиков в одиннадцать ждите нас с уловом.

Закончив ужинать, женщины занялись уборкой посуды, а мужчины, побыв несколько минут на свежем воздухе, пошли спать.

В четыре часа утра они были уже на ногах. Выйдя со двора, они направились в сторону озера. Борис нес садок с набором лесок, крючков и поплавков, а Григорий Кузьмич – все остальное.

Безветренное утро, еще не облащенное солнечными лучами, указывало на удачную рыбалку и не предвещало никаких неожиданностей. Лесная тропа вывела рыбаков на озеро, укрытое плотной седой дымкой. Несмотря на ранний час, на озере уже были слышны голоса других рыбаков.

Григорий Кузьмич накачал резиновую лодку, установил сиденья, сложил рыболовные снасти и они поплыли подальше от берега.

Метров через двадцать Григорий Кузьмич бросил якорь, приманку и подготовил две удочки. Насадив на крючки опарышей, Григорий Кузьмич забросил удочки и стал внимательно следить за поплавками.

- Борис, – тихо произнес Григорий Кузьмич, - теперь смотри на поплавки и, как увидишь, что поплавок начинает скрываться под водой, говори мне, но только тихо, а то рыбу распугаешь.

- Холошо, - пообещал Борис.

Первую поклевку они увидели минут через пять после того, как забросили удочки. Правда, вытащить после этой поклевки ничего не удалось.

Вторая поклевка была более результативной, Григорий Кузьмич вытащил среднюю плотвичку. Не снимая с крючка, он показал ее Борису. Тот впервые увидел живую рыбу так близко. Обрадовавшись, он попытался снять плотвичку с крючка, но та всякий раз вырывалась из его маленькой ладони. Тогда Григорий Кузьмич помог Борису снять рыбку с крючка, еще раз ему ее показал и положил в садок.

- Ну, что ж, Борис, – сказал он, - вот мы и обрыбились. Солнышко робко выглянуло из-за горизонта, потом медленно стало подниматься выше и выше. И чем выше поднималось солнце, тем тоньше становилась дымка. Григорий Кузьмич, к радости Бориса, вытащил уже трех плотвичек и двух больших окуней. Плотвички попробовал снять с крючка Борис, а вот колючих окуней Григорий Кузьмич снимал сам, объяснив Борису, что окунь, в отличие от плотвы, очень больно колется своими колючками.

Постепенно дымка растаяла и открыла перед рыбаками прекрасную картину лесного озера с его песчаной отмелью с одной стороны и склонившимися над озером деревьями, с другой.

В садке уже плескались больше десятка окуней и плотвичек.

- Борис, – весело сказал Григорий Кузьмич, - уха нам уже обеспечена, еще столько же нам нужно поймать для жарехи.

- Дедушка, а что такое жалеха? – спросил Борис.

- Жарехой я называю рыбу, которую нам пожарят бабушка и мама, когда мы придем с рыбалки, - ответил Григорий Кузьмич.

- Как дела, рыбаки? - спросил проплывающий мимо них угрюмый мужик, лет тридцати пяти.

- Да, вроде неплохо, – ответил Григорий Кузьмич, - для первого раза даже хорошо.

- Что, неужели поймали? - снова спросил мужик.

- Есть немножко, – похвастался Григорий Кузьмич, - плотва, да окунь дергают потихоньку.

- А я сегодня на щуку вышел, – сказал мужик, - и ни одной не поймал. Ну, ни пуха, ни пера. Может быть, еще и свидимся.

С этими словами мужик налег на весла и поплыл к берегу.

Еще полчасика половив, Григорий Кузьмич тоже стал сматывать удочки.

На берегу, они просушили лодку, аккуратно сложили ее в чехол, собрали рыболовные снасти и пошли в обратную дорогу. Садок попытался нести Борис, но через несколько метров он устал и передал его дедушке.

Как- никак, а килограмма три они сегодня наловили.

Алина Георгиевна и Мария ждали их у накрытого стола.

- Ай, да рыбаки, – воскликнула Алина Георгиевна, - посмотри-ка, Мария, сколько рыбы они наловили.

Мария погладила Бориса по голове и восторженно произнесла:

- Ах, ты, мой рыбак. Кормилец ты мой любимый.

Борису была очень приятна мамина похвала. Он прижался к ней и радостно произнес:

- Мама, а плотвички пытались выскользнуть у меня из лук, но я их клепко делжал.

За завтраком Григорий Кузьмич, перебиваемый иногда Борисом, во всех красках рассказал о первой поклевке и

удачной рыбалке вообще. Особенно красочно он рассказывал о подсечке большого окуня, который в дугу изогнул его удочку и очень сильно упирался. Глаза Григория Кузьмича при этом светились молодецким азартом.

Алина Георгиевна, глядя радостными глазами на Григория Кузьмича, обещала сварить из пойманной рыбы отменную уху и сделать вкусную жареху.

На что Григорий Кузьмич ответил, что жареху он может доверить женщинам, а уху будет делать сам, так как у женщин получается не уха, а рыбный суп.

Женщины охотно с ним согласились. Они отобрали из садка всю плотву, которую решено было поджарить, а всех окуней оставили Григорию Кузьмичу.

Часов в двенадцать Марии позвонила Агнесса, и та пригласила ее на вечернюю уху.

Отдохнув после затянувшегося завтрака, Григорий Кузьмич, в сопровождении Бориса, сходил в лес за дровами, затем почистил рыбу, картошку, морковку, лук, приготовил специи и запалил костер. Женщины готовили салаты и жарили пойманную Григорием Кузьмичем плотву.

Приехавшая Агнесса помогла Алине Георгиевне накрыть на стол, после чего женщины уселись возле дома и стали ждать момента созревания ухи.

А Григорий Кузьмич варил уху в выдавшем виды ведре, которое сопровождало его в последних рыболовных выездах. По отработанному сценарию, сначала он положил в кипящую воду маленьких окушков, сложенных в марлю, потом через некоторое время овощи, а затем, вынув марлю с мелкой рыбешкой, бросил в воду куски крупных окуней. В последнюю очередь были добавлены соль и другие специи.

По двору расползались раздражающие запахи

настоящей ухи. Женщины подходили к костру, смотрели, как Григорий Кузьмич колдует над ведром и, молча, вновь отходили к дому. Даже Борис тихо сидел на стуле и, ни слова не говоря, смотрел на кипящую в ведре воду.

Наконец, Григорий Кузьмич возвестил о том, что уха готова и женщины стали подносить к костру свои тарелки. Григорий Кузьмич мастерски накладывал в тарелки сначала гущу с кусками рыбы, потом наливал ароматный рыбный отвар.

Под такую профессиональную уху не грех и пропустить по чарке-другой для аппетита. Хотя аппетит у присутствующих разгорелся еще до того, как они сели за обеденный стол.

Женщины нахваливали Григорьеву уху, не забывая похвалить и маленького Бориса.

Жареная плотва оказалась не менее вкусной, поэтому на разговор времени не оставалось.

После ужина Григорий Кузьмич затопил баньку, и женщины с удовольствием пошли париться.

Проводив женщин, Григорий Кузьмич с Борисом сели на скамейку и стали молча смотреть на солнечный закат. Правда, Бориса надолго не хватило, и он спросил:

- Дедушка, а мы когда снова пойдем на лыбалку?

Григорий Кузьмич внимательно посмотрел на Бориса и спросил:

- А ты разве не устал сегодня в лодке?

- Нет, не устал, — ответил Борис, - мне только удочку хотелось поделжать.

- Ну, если не устал, — сказал Григорий Кузьмич, - тогда завтра утром снова пойдем на рыбалку.

Борис вскочил со скамейки и закричал:

- Завтла снова на лыбалку. Завтла снова на лыбалку.

Первой из бани вышла распаренная Алина Георгиевна. Услышав обрадованный голос внука, она произнесла:

- Может быть, завтра отдохнете?

На что Григорий Кузьмич сказал, что рыбалка для мужчины самый настоящий отдых.

- Бабушка, – поддержал дедушку Борис, - мы же на озеле отдыхаем.

- Ну, раз отдыхаете, значит, так тому и быть, - согласилась Алина Георгиевна, - тогда тебе, Борис, нужно идти спать.

Она, как следует, помыла Бориса, прошла в дом и уложила его спать. А Григорий Кузьмич в это время смачно парился в прогретой женщинами бане. Любил он это дело, ведь кто в бане парится, тот век не старится.

На следующее утро Григорий Кузьмич с Борисом вновь отправились на озеро.

На берегу, вчерашний хмурый мужик готовил свою резиновую лодку и рыболовные снасти.

- Вы сегодня опять решили порыбачить? - спросил Григорий Кузьмич.

- Да, решил, – пробурчал мужик, - сегодня я буду ловить на удочки.

- Меня зовут Григорий Кузьмич, – представился Григорий Кузьмич, - а это – Борис, мой внук.

- А я Алексей, – в свою очередь представился мужик, - Алексей Степанович, а лучше, просто Степаныч.

- Ну, что ж, Степаныч, будем знакомы, - произнес Григорий Кузьмич.

Степаныч побросал снасти в подготовленную лодку и молча отчалил от берега.

Григорий Кузьмич быстро подготовил свою лодку, усадил в нее Бориса и оттолкнулся веслом от берега.

От проснувшейся рыбешки по водной глади расходились круги, предвещая хороший улов. Заняв вчерашнее место, Григорий Кузьмич опустил на дно приманку, забросил удочки и стал внимательно наблюдать за поплавками.

Борис с интересом смотрел на водную гладь и плескавшихся мальков, на поплавки и дедушку.

Вдруг Григорий Кузьмич весь напрягся, так как поплавок резко пошел вниз.

- Значит, клюет окунь, - подумал он и резко подсек.

Удилище выгнулось, и Григорий Кузьмич стал с трудом подтаскивать к поверхности что-то тяжелое. Наконец, из воды показалась большая пасть окуня, а потом появился и весь окунь. Своим мощным хвостом он стал бить по поверхности воды. Григорий Кузьмич с большим трудом подтаскивал его к лодке, пытаясь освободившейся рукой приготовить подсачник.

Борис, открыв рот, следил за тем, с каким трудом дедушка вытаскивает сопротивляющуюся большую рыбину.

Он весь сжался и как-то притих, потому что рыбина показалась ему страшным чудовищем, безжалостным и колючим.

Наконец, Григорий Кузьмич завел окуня в подсачник и втащил в лодку.

- Дедушка, – закричал Борис, - не тлогай лыбину, она может откусить твою луку.

- Не бойся, Борис, – воскликнул Григорий Кузьмич, - она не кусается. Она может только уколоть, но я ей не дамся.

Он аккуратно вынул крючок из пасти окуня и, взяв за жабры, положил в садок.

- Видишь, окунь совсем не страшный, - успокоил он Бориса.

Закинув удочку, Григорий Кузьмич вновь обратился к Борису:

- А ты не устал со мной рыбачить?

- Нет, дедушка, не устал, – ответил Борис, - только я хочу удочку поделжать.

Григорий Кузьмич дал Борису одну из удочек, но удержать ее тот не смог и очень расстроился.

- Не переживай, – подбодрил Бориса Григорий Кузьмич,

- через год наберешься сил и будешь сам ловить крупную рыбу.

Но даже такие дедушкины слова Бориса никак не воодушевили. Он грустно посмотрел на Григория Кузьмича, потом на неподвижный поплавок, потом в сторону берега.

- Пора заканчивать, – подумал Григорий Кузьмич, - да и клевать что-то совсем перестало.

Увидев, что дедушка начал сматывать удочки, Борис оживился и спросил:

- Мы больше не будем лыбачить?

- Хватит на сегодня, – ответил Григорий Кузьмич, - видать большой окунь отогнал от нашей лодки всю рыбу.

Они причалили к берегу, просушили лодку и, собрав снасти, отправились на дачу.

Алина Георгиевна была уже на ногах, а Мария с Агнессой еще не жились в своих постелях.

- Вы что-то сегодня рано, мужички, - сказала она.

Борис промолчал, а Григорий Кузьмич показал Алине Григорьевне окуня и признался, что после первой рыбыны, клев совсем прекратился. Он не стал говорить о том, что вернулись они из-за расстроенных чувств Бориса.

Алина Георгиевна напоила Бориса парным молоком, взятым в соседнем доме, и предложила ему еще немного поспать. Борис, не сопротивляясь, проследовал в дом.

Через несколько минут Алина вернулась и произнесла:

- Устал наш рыбак. Так рано вставать он еще не привык.

- Ничего, – сказал Григорий, - главное, чтобы он не потерял интерес к рыбалке, а усталость со временем пройдет.

Они сели на скамейку и стали ждать, когда проснутся Мария и Агнесса.

- Как ты думаешь, – спросила Алина, - получится что-нибудь у Андрея с Агнессой?

- Ты знаешь, сомнения меня одолевают, – ответил Григорий, - Агнесса еще не отгуляла свое. Она, девка видная, мужчины на нее западают.

- Ну и что, что видная, – возразила Алина, - Андрей тоже парень, хоть куда. Да еще и летчик.

- То-то и оно, что летчик, – произнес Григорий, - ему еще служить и служить, а Агнесса вряд ли поедет за ним в гарнизон. Ей другую жизнь подавай. Знаешь, сколько молодых семей распалось из-за этого.

- Какую-то грустную картину ты нарисовал, – сказала Алина, - может быть, у них и получится.

Григорий Кузьмич не успел возразить, так как из дома вышли Мария с Агнессой.

- Григорий Кузьмич, – спросила Мария, - а где наш маленький рыбак?

- А наш рыбак устал и сопит себе в две дырочки, - ответила Алина Георгиевна.

Они накрыли обеденный стол и приступили к завтраку.

А Борису в это время снился сон, в котором он одну за другой вытаскивал маленьких рыбешек и складывал их аккуратно в садок. Довольный дедушка пытался ему помочь, но Борис сам старался справиться с вертявыми

рыбками. Бабушка в это время стояла на берегу и радостно махала ему рукой.

XVII

Неделя для Григория Кузьмича началась с неприятностей. Представитель фирмы по производству деревянных домов, которой специалисты агентства разрабатывали логотип и фирменный стиль, приехал в офис и заявил, что его шефу не нравятся представленные варианты логотипа и тот требует или продолжать работу по логотипу, или вернуть предоплату.

По договору, выполняя требования технического задания, дизайнеры агентства сделали пять вариантов логотипа, один из которых и должен был выбрать заказчик. После доработки выбранного логотипа, он отдавался заказчику в профессиональном редакторе и тот должен был оплатить оставшуюся часть суммы. Но были нередки случаи, когда фирма-заказчик, после знакомства с концептуальной идеей, не хотела оплачивать оставшуюся часть и начинала выдвигать необоснованные требования. Тем самым представители фирмы вынуждали специалистов агентства или работать до бесконечности, или отказаться от дальнейшей работы. И в том, и в другом случае окончательной оплаты за проделанную агентством работу заказчик не производил, но идею использовал по полной программе.

Но в данном случае, это был не тот вариант. В этот раз, как это частенько бывает в практике взаимоотношений рекламодателя и рекламиста, техническое задание на выполнение работ писал один представитель фирмы –

специалист по маркетингу и рекламе, а окончательное решение по выбору одного из вариантов принимал другой - руководитель фирмы. А руководителю фирмы, как истинному любителю природы, кроме графического написания названия фирмы, захотелось иметь в логотипе и домик, и дерево, и речку, и солнце. Вроде бы, он даже поговаривал по поводу изображения медведя.

Случай был явно тяжелым, и для его решения необходимо было провести переговоры на самом высоком уровне.

Встреча была назначена на вторник в офисе у заказчика. Григорий Кузьмич, взяв с собой патентного поверенного и менеджера проекта, прибыл в назначенное время к заказчику.

Встретил их специалист по рекламе и маркетингу и, извинившись, сообщил, что руководитель фирмы будет с минуты на минуту. Прошли пятнадцать минут, потом еще пятнадцать минут. Григорий Кузьмич хотел уже встать и уехать, но специалист по рекламе и маркетингу попросил подождать шефа еще чуть-чуть.

Наконец с сорокаминутным опозданием прибыл шеф, в котором Григорий Кузьмич узнал хмурого рыбака Степаныча.

Тот, как будто не узнав Григория Кузьмича, прошел в свой кабинет. Специалист по рекламе и маркетингу прошмыгнул вслед за ним. Еще минут десять в кабинете у шефа решались какие-то важные вопросы, после чего секретарша пригласила Григория Кузьмича и его коллег в кабинет.

Кабинет был большим, но не просторным, так как большую часть его пространства занимала массивная деревянная мебель, сделанная умельцами фирмы, громоздкие кожаные диван и несколько кресел. Стол

самого шефа по размерам не уступал размерам теннисного стола.

Специалист по рекламе и маркетингу представил представителей рекламного агентства.

Степаныч еще больше нахмурился и пробурчал:

- Что это вы нам предлагаете?

С этими словами он подбросил вверх листы ватмана, на которых были изображены варианты логотипов.

- Это разве работа, – продолжил он, - с названием все понятно, а все остальное черт знает што.

Именно смачное «што» прозвучало из его распахнутых уст.

- А чем Вам не нравятся стилизованные образы логотипа? - спросил Григорий Кузьмич.

- А тем и не нравятся, что мне не нужны стерилизованные образы, – прошипел Степаныч, - мне нужна красивая картинка. Где здесь дом, где дерево?

- Во-первых, мы разрабатывали варианты логотипа, учитывая требования вашего технического задания, - начал объяснять Григорий Кузьмич.

- Ну, с этим я еще разберусь, – перебил его Степаныч, строго посмотрев на своего специалиста.

- Извините, но подпись под этим техническим заданием, как и под договором, стоит Ваша, - напомнил Григорий Кузьмич, - и мы старались учесть все Ваши пожелания.

- Я вижу, как вы учли, - Степаныч снова подбросил вверх листы ватмана.

- Во-вторых, - продолжил Григорий Кузьмич, - в случае дальнейшей работы, мы должны подписать Дополнительное соглашение с указанием стоимости работ, так как мы полностью выполнили условия договора.

- Что, за свою бездарность вы хотите с нас содрать еще что-то? - заорал Степаныч.

- Не нужно все бросаться такими словами, – посоветовал Григорий Кузьмич, - я же не учу Вас работе с деревом, так как знаю, что Вы – специалист в этой области.

Степаныч первый раз поднял голову и посмотрел на Григория Кузьмича, ему понравилось последнее высказывание по поводу специалиста.

Улучив момент, Григорий Кузьмич продолжил:

- И, в-третьих, логотип – это не картина Шишкина или Левитана, а знак, который не должен включать в себя множество элементов. Картину, которую Вы предлагаете, не удастся зарегистрировать в качестве логотипа в Федеральном институте промышленной собственности. Об этом Вам профессиональнее может рассказать наш патентный поверенный, Татьяна Федоровна.

Татьяна Федоровна хотела поддержать Григория Кузьмича, но Степаныч перебил ее:

- А что, этот знак нужно еще где-то регистрировать?

- А как же, – подтвердил Григорий Кузьмич, - он для того и создается, чтобы выделить Вашу продукцию. А защита знака необходима для того, чтобы никто другой не мог выпускать продукцию под этим знаком.

Степаныч еще раз строго посмотрел на своего специалиста и тот, в который уже раз, сморщился под тяжелым взглядом шефа.

- Я еще раз говорю о том, что мне не нравятся представленные варианты, – пробурчал он, - поэтому, или вы продолжаете работать, или возвращаете предоплату.

При этих словах он встал, делая вид, что разговор закончен.

- Я Вам уже высказал свое видение решения проблемы, возникшей из ничего, – произнес Григорий Кузьмич, - других вариантов нет и быть не может.

- Разговор окончен, – прошипел Степаныч, - у меня еще много серьезных дел. Но советую вам хорошенько подумать.

- Нам не о чем думать, - сказал Григорий Кузьмич и направился к двери.

Выйдя за дверь, они услышали громкий истошный крик шефа:

- Ты, козел штопанный. Да я тебя,

Дальше цитировать слова шефа считаю неэтичным.

Можно охарактеризовать его матерщину, как язык самодура и биндюжника, сделавшего на пальцах свой первоначальный капитал.

В России-матушке таких «бизнесменов» в начале перестройки развелось видимо-невидимо. Но тем и страшны они, что своей бредовой самоуверенностью, с попустительством власть предержащих, способны крушить и разрушать, грабить и убивать.

Но не будем о грустном, хотя последние слова шефа должны нас насторожить.

XVIII

Андрей, приехав в Североморск, с головой окунулся в гарнизонный быт. Жил он в коммунальной квартире старого четырехэтажного дома. Вместе с ним в этой квартире проживали второй штурман экипажа, старший лейтенант Олег Шеремет с супругой Татьяной и маленькой дочкой Ларисой и радист, прапорщик Сергей Опанасюк с женой Анной.

Особых разногласий между ними не было, даже некоторые праздники они отмечали вместе. Но, как

всегда, между женщинами иногда пробегала черная кошка. То Татьяна слишком много времени занимает ванную, стирая большую кучу белья, то Анна оставляет в раковине невымытую посуду, то маленькая Лариса слишком громко плачет, мешая мужичкам готовиться к ночным полетам. Мужикам было не до квартирных свар, так как от всех неприятностей они старались укрываться в кругу друзей и сослуживцев. И, если Олег Шеремет возвращался от друзей хоть и под мухой, но сравнительно тихо, то Сергей, изрядно выпив, начинал качать свои уязвленные права.

Смазливую и грудастую Анну он дико ревновал и, напившись, гонял ее для профилактики по комнате, а то и по квартире. Андрей, вместе с Олегом, был иногда вынужден вступаться за плачущую Анну.

Правда, гонять Анну было за что. Обладая игривым характером, она не пропускала мимо ни одного мужичка. Ее глаза, при виде подходящего самца, так и стреляли в его интимные места, а грудь призывно напрягалась и начинала взволнованно колыхаться. И ничего с собой Анна поделать не могла, так как плоть ее была значительно сильнее ее разума. Может быть, остудить ее темперамент мог бы ребенок, но господь до сих пор не дал им детей. Сергей во всем винил Анну, а Анна была уверена, что виноват в этом Сергей.

Вот и сегодня, когда Шереметы уехали к кому-то в гости, а Сергей ушел на полеты, Анна осторожно постучалась в комнату Андрея. Получив разрешение, она робко вошла и, сев в кресло, начала душевную беседу:

- Андрюша, скажи мне, пожалуйста, почему ты не обращаешь на меня никакого внимания?

Говоря это, она закинула ногу на ногу и, будто нечаянно, показала полуоткрытые груди.

- Да, – подумал Андрей, - грудь у нее, действительно, хороша,- а вслух произнес:

- Анна, ты же за мужем, а я не хочу обижать Сергея.

- Значит, Сергея ты обижать не хочешь, – возмутилась Анна, - а на меня тебе наплевать. Я по нему истосковалась вся, а он даже смотреть на меня не хочет.

- Анна, ну зачем так категорично, - сказал Андрей.

- А, как же иначе, – еще больше возмутилась Анна, - я все глаза на него высмотрела, а он хоть бы что.

Видя замешательство Андрея, она встала, вихляющей походкой подошла к нему и нежно обняла. От ее свежеемытого тела шло приятное благоухание ароматных запахов и страсти.

Андрей попробовал вырваться из объятий, но, прикоснувшись к ее трепещущему телу, получил сильнейший заряд желания, от которого моментально возбуждился.

- Ах, Анна, – простонал он, - что ты со мной делаешь. Его руки стали беспорядочно гладить плечи, груди, талию и все, что ее ниже.

Анна закатила глаза и, тихо постанывая, стала срывать с Андрея рубашку и брюки. Ее поцелуи покрыли сначала лицо, потом грудь и живот Андрея.

- Милый, милый Андрей, если бы ты знал, как я тебя хочу, – шептала она, продолжая ласкать своим язычком его мускулистый живот, – какой же ты сильный и ласковый.

Она поднесла свою красивую грудь к его лицу, и Андрей впился в нее своими губами.

Анна вскрикнула не то от боли, не то от наслаждения и стала еще энергичней ласкать Андрея.

Через несколько мгновений она помогла Андрею ввести его напрягшийся торчок в истекающее спермой влагалище. С каждым движением она возбуждалась все

больше и больше и, наконец, первый непродолжительный оргазм ее захватил. Вскрикнув от удовольствия, она притихла, уронив свою голову на Андрееву грудь.

Полежав немного без движения, Андрей погладил Анну по голове, потом осторожно перевернул ее и, продолжая ласкать шею и груди, стал медленно двигать своим тазом. Прилив новой волны наслаждения вновь возбудил Анну, и она стала медленно помогать Андрею. Ее движения становились все энергичней и энергичней, стоны громче и продолжительней. Наконец, она вцепилась в спину Андрея, захватила его своими ногами, стараясь вобрать все его сокровище в свое лоно, и громко застонала.

Андрей не смог сдержать свое возбуждение и его горячий фонтан разлился по ее разомлевшему влагалищу, продлив приятные секунды оргазма. Теперь уже они оба в изнеможении затихли, стараясь перевести дыхание от великолепного возбуждения, которое только что всецело владело ими.

Отдышавшись, Андрей попытался встать с Анны, но та удержала его:

- Не вынимай, полежи еще немножко, я тебя очень прошу.

Он опять обнял Анну, поцеловал ее в губы, шею и за ушко. Анна мгновенно напряглась и снова закрутила своим задом. Андрей впервые увидел женщину, получающую удовольствие от его увядающего достоинства.

- Да, – подумал Андрей, - сколько в ней страсти. Они еще немного полежали, обнявшись и глядя в потолок. Потом Андрей попытался встать, но Анна постаралась сделать все, чтобы его не отпустить. Сев на Андрея верхом, она заерзала своим задом, не

забывая ласкать его волосатую грудь. Но Андрей, преодолев усилия Анны, произнес:

- Анна, я, действительно, должен уйти сейчас из дому по неотложным делам.

- Не понимаю, - капризно сказала Анна, - какие это такие неотложные дела могут оторвать мужчину от ласкающей его женщины?

Но заметив посуровевший взгляд Андрея, она нехотя слезла с него и, захватив халат, вышла в коридор.

А Андрей должен был, действительно, встретиться со своими полковыми друзьями. Хотя, это был не столь важный повод, чтобы уйти от хотящей его женщины.

Просто женщина, в этот раз, была не его женщиной, а женой его соседа. И не Андрей был виноват в том, что сосед не мог сделать женщину по-настоящему счастливой и полностью удовлетворенной.

Мужики, подумайте об этом и не вините во всем только женщин.

В общежитии, куда пришел Андрей, проживали его молодые бессемейные сослуживцы. С некоторыми из них Андрей давно дружил и проводил свободное от службы время.

Одним из таких друзей был его правый летчик, балагур и юбочник Димон, как он себя величал. Юбочником

Дмитрия - Димона называли потому, что он не мог пропустить ни одной юбки. А, обладая самолюбивым

нравом и внешним обаянием, он этих самых юбок не пропустил достаточное количество. Не одна девчонка

сохла в Североморске по Димону, да и не только в

Североморске. Кроме того, Димон хорошо играл на

гитаре и так же хорошо пел. В его разнообразном

репертуаре были песни о службе и дружбе, о любви и страсти, о Мурке и ворах.

Вот и сейчас он сидел на кровати в компании третьего
штурмана Александра Третьякова и борттехника Паши
Лунгула и под гитару пел:

Уводит в осень листопад,
 уводит в осень.
А я весеннюю люблю
 с глазами в просинь.
А я весеннюю тебя
 возьму с собою
И отогреюсь на ветру
 твоей любовью.

И будет желтый листопад
 любовным ложем.
Захочет дождь нам помешать,
 но он не сможет.
Нас будут птицы приглашать
 из-за тумана.
И мы уйдем с тобой на крик
 к далеким странам.

Туда, где неба синева
 резвится в море,
Где виноградная лоза
 спешит на взгорье,
Где нас не сможет разлучить
 златая осень.
Там будем только я и ты
 с глазами в просинь.

Закончив песню, Димон встал и громко
поприветствовал:

- Здравия желаю, товарищ капитан. Каким ветром Вас занесло в наши убогие Палестины?

Андрей принял ироничный тон Димона и произнес:

- Ветер тут не причем, братец Димон. Проходил я возле какого-то обшарпанного здания, хотел уж было пройти мимо, да услышал голос, чем-то смахивающий на голос не то Митяева, не то Трофима. Нет, думаю, так дело не пойдет, я обязательно должен встретиться с такой знаменитостью.

Он демонстративно заглянул за шкаф, потом посмотрел под кровать и спросил:

- Неужели он уже ушел?

- А зачем нам Трофим, – ответил Сашка Третьяков, он же Третьяк, - у нас Димон есть, а он поет так, что, аж, душу выворачивает.

- Так это, что же получается, – с иронией воскликнул Андрей, - я великого Димона принял за какого-то Митяева?

Димон громко брякнул по струнам гитары, хитро улыбнулся и сказал:

- Командир, ну уж если я такой великий, прошу послать меня на курсы повышения зарплаты.

- На курсы повышения зарплаты я пошлю тебя в следующий раз, – с иронией парировал Андрей, - а вот за пивком тебе необходимо будет слетать уже сейчас.

Димон состроил недовольную гримасу и произнес:

- Андрей, пиво – напиток завтрашнего дня, так как завтра наш законный выходной. А сегодня я предлагаю по соточке, ибо миром правит любовь, а я люблю выпить.

С этими словами он достал из холодильника бутылку водки, банки с огурчиками и помидорами, кусок вареной колбасы и хлеб:

- Чем богаты, господа офицера.

Говоря слово «офицеры», Димон постоянно делал ударение на последний слог.

Паша быстро нарезал колбасы и хлеба, открыл банки с овощами и, откупорив бутылку, наполнил по стопарю. Андрей поднял свой стопарь и произнес:

- Да, бросить пить легко – трудно убедить в этом друзей. За вас, скромных покорителей пятого океана и его окрестностей.

Они дружно выпили и захрустели солеными огурцами.

- Димон, спой нам что-нибудь веселенькое - попросил Третьяк.

Димон взял гитару и запел:

Ты снова села на диету,
В который раз измерив вес.
Украдкой смотришь на конфеты,
Но терпишь, сладкого не ешь.

Не ешь ни фрукты, ни мучное,
Не пьешь ни кофе, ни Шампань.
Лишь только семечек немного,
Да горстку пресных марципан.

Настырно давишься слюною,
Отводишь жадные глаза.
А жизнь проходит стороною
И не воротится назад.

Ты пьешь до дна мучений чашу,
Сама собой увлечена.
Люби меня, хотя почаще,
Диета будет не нужна.

- Отлично, Димон, – похвалил Паша, - самая лучшая диета для женщины – это настоящий мужчина, ек-малек. А не выпить ли нам за настоящих мужиков.

Он опять разлил по стопарям водку и произнес:

- За настоящих мужиков.

Все опять выпили, закусили колбасой с помидорами и продолжили разговор.

- Что-то настоящие мужики не торопятся нынче жениться, - сказал Третьяк, - или силенок еще не набрали?

- Причем здесь силенки, – возразил Димон, - ты же по своему опыту знаешь, что не каждая чувиха поедет за полярный круг. Как только звучит слово «гарнизон», так любовь, какой бы крутой она до этого ни была, исчезает с языка и глаз девицы. Скажи-ка лучше, Саня, где сейчас твоя жена?

- Моя жена, у родителей, – ответил Третьяк, - побудет там зиму и приедет обратно.

- А ты уверен, что она приедет? – спросил Саню Андрей.

- Конечно, приедет, – ответил Третьяк, - мы с ней в следующем году задумали пацаном обзавестись. Она, правда, девочку хочет.

- Ну-ну, что-то я не припомню, чтобы жены возвращались, ек-малек, - возразил Паша.

- А ты, что, счет ведешь или отметки «прибыл – убыл» ставишь? - ехидно спросил Димон.

- Да ничего я не ставлю, – возразил Паша, - просто, по мужикам видно, ек-малек. Раз в разнос пошел, значит, баба хвост показала.

- Что-то мы все о грустном, – решил сменить тему разговора Андрей, - давайте-ка выпьем, и я вам расскажу про женщину, которая снится мне все последние дни.

- Пол-литра плохого настроения выпита, ек-малек, нужно идти за хорошим настроением. Сколько взять-то? Мужики скинулись по сто рублей и попросили Пашу взять в магазине «как обычно». Дальнейшие объяснения Паше были не нужны. Он знал, что под словосочетанием «как обычно, подразумевается три бутылки водки и, на остальное, закуску. Пока Паша ходил за провиантом, Димон спел одну из своих любимых грустных песен «Мне не быть стариком»:

Мне под сенью берез
Не сидеть на дворовой скамейке,
Обсуждая с тоской
Поведенье молоденьких пар.
Будет вместо меня
Кто-то сплетничать в будущем веке.
Я душой докажу,
Что не стар, что я вовсе не стар.

Я в душе реалист
И не верю в стандартную жалость,
И не буду рыдать
Под хрустальным ее колпаком.

Только б сердце унять
Да стряхнуть временную усталость.
В дефиците добро,
Мне не хочется быть стариком.

Эту песню Димона почти все однополчане знали.
Андрей и Саня подпевали ее, стараясь через слова
выплеснуть наружу всю свою затаившуюся грусть. А
грусть эта нет-нет, да и пробегала по мускулистым
мужским телам, отдаваясь нестерпимой болью в левой
стороне грудной клетки.

- Пошлешь малопьющего за водкой, так он дружков
приведет, - ехидно заметил Саня.

- Во-первых, – возразил ему Димон, - человек
малопьющий дружков не приведет по той простой
причине, что сам он пьет, пьет и все мало, а, во-вторых,
Паша у нас - парень исполнительный, но неторопливый.
Вот сейчас он медленно заходит в общагу, подходит к
лестнице и

- А вот и не угадал, ек-малек, – произнес Паша, вбегая в
комнату, - я сегодня на реактивной струе.

Сказав это, он быстро передал пакет Димону и бросился
в туалет.

- Как нам сегодня повезло, – весело произнес Саня, -
жажда нас голыми руками не возьмет.

Он театрально открыл одну из принесенных бутылок и,
так же театрально, разлил ее по пустым стопкам.

- Пока Паши нет, расскажу вам короткий анекдот, –
предложил Димон, - приходит мужик к врачу, жалуется
на болячки. Тот его и спрашивает:

- Водку пьете?

Мужик почесал репу, а потом и отвечает:

- Пью, доктор, не помогает.

Пришел Паша, и Андрей предложил выпить за прекрасных женщин, без которых мужикам было бы трудно на этой земле. Такой тост они, как настоящие рыцари, привыкли пить стоя.

Усевшись за стол, они дружно захрумлили солеными огурцами.

Немного закусив, Димон напомнил Андрею об обещании рассказать им о прекрасной женщине.

- Да, – начал Андрей, - познакомился я в Питере с женщиной, которую вряд ли заманишь сюда северными красотами и величием океана. Она создана для другой жизни. При виде ее, мужчина уходит в глухой штопор и выйти из него может не сразу. Ноги от ушей, глаза голубые, волосы с золотым отливом, взгляд обволакивающий.

- Ну, а грудь, – с нетерпением спросил Паша, - а, грудь-то у нее какая?

- Грудь, хочу я вам доложить, очень даже хорошая, – продолжил Андрей.

- Ну, если у нее хорошая грудь, – предложил Саня, - давайте за грудь и выпьем.

- Да, подожди ты, – возразил ему Димон, - пусть он сначала опишет всю женщину. Потом мы за нее и выпьем.

- Ну, ладно, - согласился с ним Саня.

- Так вот, – продолжил Андрей, - ходит она без лифчика, и ее упругая грудь пытается своими сосками проткнуть облегающую тело кофточку. Так и хочется прикоснуться к соблазнительному соску губами, а лучше рукой ко всей груди.

- Нет, я все-таки предлагаю выпить за ее грудь, - воскликнул Саня.

- Хорошо, давайте выпьем за грудь, – сказал Андрей, - а то Саня не даст мне закончить рассказ об удивительной женщине.

Они выпили за грудь незнакомой им женщины, мысленно представляя всю прелесть напряженных ее сосков.

- С грудью все ясно, – произнес Паша, - а что с попкой. Неужели у нее и попка в стиле люкс?

- Эх, братцы, – продолжил Андрей, - попка у нее как у Дженифер.

- А ты что, лапал Дженифер? - спросил Димон.

- Причем здесь лапал, – обиделся Андрей, - разве без рук ты не сможешь определить форму женского зада?

- Конечно, смогу, - согласился Димон – только у Дженифер она, мне кажется, через-чур.

- Ничего не через-чур, – вступился за Дженифер Паша, - она у нее, ек-малек, как орех.

- Вот и у той женщины она округла и крепка, - сообщил Андрей.

- Тогда выпьем за попку, - предложил Саня.

Зная настырный характер Сани, мужики без сопротивления согласились.

Закусив купленными соленьями, мужики приготовились и дальше внимательно слушать Андрея.

- Познакомился я с этой женщиной на отцовской свадьбе и сразу был приглашен в ее шикарные апартаменты, – продолжил Андрей, - квартирка у нее, конечно, по высшему разряду: бар, тахта, музыка в стиле блюз и ее красивые ласковые руки. А как она ласкает. В ее объятьях я несколько раз улетал на седьмое небо блаженства и страсти, после чего вновь возвращался на поскрипывающую тахту. Впервые в жизни я в полной мере ощутил себя настоящим мачо.

Нам было так здорово, что мы повторили ощущения кайфовой ночи на следующий день.

Конечно, рассказывал Андрей о кайфовой ночи более красочно и по-военному смачно, но мне захотелось именно так передать описание той ночи, которая, пусть и на время, помогла сблизиться двум человекам, и они сумели сделать друг другу незабываемую приятность. А, чтобы не мешать мужской компании, я покидаю ее на очередном тосте о женщине, потому что иначе, впав в беспамятство, я не смогу достоверно осветить дальнейшие события.

XIX

Начинался обычный рабочий день. Осеннее солнце заглянуло в спальню к Агнессе, скользнуло своими лучами по ее золотистым волосам, нежно коснулось красивого лица и бесцеремонно задержалось на полуобнаженной груди. Агнесса сначала лениво шевельнула длинными ресницами, затем приоткрыла один глаз, потом другой, после чего смачно потянулась и перевернулась на другой бок. Немного полежав, она показала язык обнаглевшему солнцу и скинула с себя легкое одеяло. От ее стройного тела и открытой улыбки в спальне стало еще светлей. Встав с кровати, Агнесса смачно потянулась, выставив вперед свои упругие груди, и прошла в ванную. Солнце попыталось запустить вслед за ней несколько лучей, но лучи натолкнулись на закрывшуюся за Агнессой дверь. Вот и я, как ни старался, не смог проникнуть за закрытую дверь, поэтому свой рассказ продолжу на кухне, куда Агнесса пришла за порцией йогурта и чашечкой кофе.

Допив кофе, Агнесса перешла в спальню и занялась колдовством над своими волосами и лицом.

Все-таки, хорошо, что я родился женщиной. Это ж надо так издеваться над собой. Сколько всяких баночек, пузыречков и прочей ерунды извлекает Агнесса каждое утро из своей тумбочки. И содержимое многих баночек оказывается на ее лице и волосах.

Но, как говорится, искусство требует жертв и накладных расходов.

Зато, после длительного колдовства, из спальни выходит чудное создание, способное свести с ума не один десяток разборчивых мужчин.

Теперь представьте себе, как это чудное создание с независимым видом выплывает из подъезда и шагает по утреннему Петербургу к остановке автобуса. Она всеми фибрами своего благоухающего тела ощущает приторные и жадные взгляды мужчин, и от этого ей становится весело и приятно.

Вдруг всей спиной Агнесса почувствовала какой-то дискомфорт и оглянулась. Из остановившейся у тротуара машины на нее смотрели три пары черных глаз. Но эти черные глаза не ласкали, а прожигали ее насквозь. Она ускорила шаг, машина медленно тронулась следом.

- Как хорошо, что на автобусной остановке толпятся люди, - подумала она. Еще вчера Агнесса с нескрываемой неприязнью смотрела на конкурентов по автобусу, а сегодня была очень рада их присутствию. Войдя в автобус, она показала кондуктору проездной билет и невольно посмотрела в заднее окно. Машина с черноглазыми двигалась вслед за автобусом.

- Неужели они едут за автобусом из-за меня, - подумала Агнесса.

Потом, отвернувшись от окна, она попыталась себя успокоить:

- Не может быть, это мое большое воображение пытается навязать мне идею преследования. Трусиха, перестань, сейчас же, паниковать.

Но волнение не только не проходило, оно усиливалось по мере приближения Агнессы к нужной ей остановке. Вот и остановка, от которой можно быстро пройти всего триста метров. Всего триста метров и будет офис. А там друзья и коллеги, там нет покоя, но нет и волнения, которое буровит сейчас все ее тело.

Она вышла из автобуса и, увидев Илью, бросилась к нему с криком:

- Илюша, как хорошо, что я тебя встретила.

Илья остановился, рассеянно посмотрел на Агнессу и спросил:

- Агнесса, что это с тобой. Ты, сегодня, какая-то шумная.

- Никакая я не шумная, – воскликнула Агнесса, подбежав к Илье, - я, просто, очень рада тебя видеть.

Илья еще раз внимательно посмотрел на Агнессу и пробурчал:

- Ну-ну. Я тоже рад, что ты рада.

Они вместе дошли до бизнес-центра и скрылись от наглых черных глаз.

Весь день Агнесса находилась под впечатлением утреннего инцидента, и даже традиционные подкалывания Сергея не могли отвлечь ее от мрачных мыслей.

Перед ее глазами, нет-нет, да и всплывали пожирающие взгляды мужланов из автомобиля, а сердце начинало настойчиво щемить.

В конце рабочего дня она попросила Сергея проводить ее до дому. Сергей, удивленно посмотрев на Агнессу, с удовольствием согласился.

Выйдя из бизнес-центра, Агнесса внимательно осмотрелась по сторонам. Отсутствие машины с мужланами ее несколько успокоило и она, взяв Сергея под руку, потащила его к остановке автобуса.

Сергей, как мог, пытался развеселить приунывшую Агнессу, но та только криво усмехалась ему в ответ.

Наконец, они доехали до ее дома, и Сергей помог Агнессе выйти из автобуса. Агнесса опять внимательно осмотрелась и, попрощавшись с Сергеем, пошла к своему дому.

Сергей проводил расстроенную Агнессу сожаляющим взглядом и, перейдя через дорогу, стал ждать обратного автобуса.

Вдруг он увидел, как дорогу к подъезду Агнессе перегородила иномарка, из нее выскочили два мужика.

Они схватили Агнессу и затащили ее в машину.

Машина резко развернулась и поехала в другую сторону от центра. Сергей постоял в нерешительности несколько секунд, потом, остановив проезжающую мимо машину, попросил водителя ехать за иномаркой.

Немного отдышавшись, он позвонил Григорию Кузьмичу и сообщил ему о случившемся. Григорий Кузьмич попросил Сергея следовать за машиной, обещав сделать все возможное, чтобы помочь Агнессе. Закончив разговор с Сергеем, Григорий Кузьмич тут же набрал номер телефона своего знакомого, который работал в уголовном розыске и тот подключил своих людей к поиску похитителей Агнессы.

Машина похитителей в это время выехала за город и помчалась по Выборгскому шоссе. Водитель машины, в которой сидел Сергей, гнал свою машину, стараясь не

отставать от машины похитителей, но расстояние между машинами становилось все больше и больше.

Сергей, получив номер телефона сотрудника милиции, постоянно докладывал ему свое местонахождение и направление движения. На тридцать седьмом километре машина с похитителями резко свернула влево, о чем было тут же сообщено оперативнику.

Водитель машины, в которой сидел Сергей, тоже повернул налево, но за поворотом машины похитителей они уже не увидели. Свернув на обочину, водитель остановил машину, и Сергей сообщил оперативнику о потере похитителей.

Через двадцать минут подъехали две машины с сотрудниками уголовного розыска, и Сергей с водителем рассказали милиционерам о машине и приметах Агнессы и похитителей.

Срочно было вызвано подкрепление, которое приступило к прочесыванию садоводства.

Сергей упросил оперативников и присоединился к одной из розыскных групп.

Осенний вечер уже навалился своей сыростью и темнотой на притихшие дома дачников. Это был будний день, и многие дачники ночевали в своих городских квартирах.

Садоводство было ухоженным, но большим.

Оперативникам предстояло обследовать не одну сотню дачных участков.

Прежде всего, они решили искать машину, на которой приехали посетители.

Дома, в которых не было света, оперативники исключили из списка подозреваемых объектов, так как похитители приехали сюда, чтобы поразвлечься, а развлекаться в темноте и без шума вряд ли бы им удалось.

Несколько домов, в которых побывали оперативники, не имели к похитителям никакого отношения.

Наконец, часа через три от начала поисков, одна из групп обнаружила во дворе двухэтажной дачи похожую по описанию иномарку. Подойдя к дому, они заметили в освещенных окнах какие-то силуэты. Немного посоветовавшись и вызвав подкрепление, оперативники попытались тихо проникнуть в дом. Входная дверь оказалась не запертой, и два оперативника осторожно прошли в коридор. Один из оперативников остался на улице для наблюдения за дверью и окнами.

Пройдя через коридор, оперативники тихо приоткрыли дверь на кухню и осмотрелись. Из соседней комнаты доносились звуки восточной музыки и мужские голоса с кавказским акцентом. Оперативники переглянулись и, тихо войдя в кухню, приблизились к комнатной двери.

- Паслушай, дарагой, - раздался чей-то голос, - тепер мая очередь, хватит тэбэ.

Говоривший перешел на свой родной язык, и только по интонации можно было понять его недовольство.

Оперативники переглянулись и, резко открыв дверь, вбежали в комнату.

- Стоять, руки за голову - крикнул один из них.

Не ожидавшие нападения кавказцы растерялись, потом один из них вытащил из кармана пистолет, но выстрелить не успел. Его опередил один из оперативников, который ранил кавказца в плечо. Другой кавказец бросился к окну, но его скрутил другой оперативник.

Агнессы в комнате не было. Значит, третий был с Агнессой наверху.

И, действительно, из окна второго этажа выпрыгнул третий похититель и побежал в сторону машины.

Оперативник, оставшийся во дворе, бросился на

перехват, но кавказец выхватил пистолет и выстрелил три раза в оперативника.

Сев в машину, он дал по газам, но далеко отъехать ему не удалось. Подоспевшее подкрепление сумело остановить машину и, после небольшой перестрелки, связать похитителя.

Раненого оперативника срочно повезли в госпиталь, но по дороге туда он скончался, так как одна из пуль задела его сердце. Еще одна многодетная семья осталась без своего кормильца.

В комнате наверху оперативники увидели страшную картину недавнего зверства трех безжалостных подонков над молодой и красивой женщиной. Агнесса, вся избитая и изнасилованная, лежала на полу и беззвучно рыдала, сотрясаясь всем своим измученным телом.

- Вот скоты, - выкрикнул кто-то из оперативников, - не жить им, сволочам.

Он хотел спуститься вниз, чтобы тут же наказать насильников, но коллеги его остановили.

Осторожно подняв потерявшую сознание Агнессу, оперативники донесли ее до машины, и водитель помчал машину в сторону клиники.

Один их похитителей вновь попытался бежать, но был завален ударом оперативника, которому не терпелось покончить с ними раз и навсегда.

В клинике Агнессу помыли, переодели и положили в палату для двух человек. Тут же ее осмотрели специалисты.

Узнав от оперативников о местонахождении Агнессы, Григорий Кузьмич, Алина Георгиевна и Мария тут же приехали в клинику. Зайдя в палату, они увидели заснувшую после уколов Агнессу, тихо вышли из палаты и прошли к лечащему врачу.

Лечащий врач, мужчина лет шестидесяти рассказал им о том, что у Агнессы небольшое сотрясение мозга, значительные синяки и ушибы и огромное нервное потрясение, которое потребует усиленного лечения. Лечение будет эффективным только в случае избавления Агнессы от каких-либо эмоциональных срывов.

- Кроме того, я выписываю рецепт на ненавязчивое дружеское участие, которое позволит нам сократить сроки реабилитации, - в заключение сказал доктор. Такое участие Григорий Кузьмич доктору обещал. Известие о похищении Агнессы взбудоражило весь коллектив рекламного агентства. Коллеги окружили Сергея, и тот со всеми подробностями рассказал о похищении Агнессы и тех подонках, которые надругались над ней. Сергей не знал, что это были те самые кавказцы, которым отказала Агнесса в ресторане, во время прощального ужина с Андреем.

Так как всем коллективом к Агнессе было не пройти, решили по очереди посещать ее и говорить с ней только о чем-нибудь хорошем. Григорий Кузьмич выделил коллегам денежные средства на цветы, фрукты и прочие вкусности.

Сам он вместе с Алиной Георгиевной на следующий вечер приехал в клинику и навестил Агнессу.

Агнесса неподвижно лежала на больничной койке и неотрывно смотрела в потолок. Появление Григория Кузьмича и Алины Георгиевны не произвели на Агнессу никакого впечатления. Она даже не посмотрела в их сторону. Соседка по палате сообщила им о том, что Агнесса ничего не ест и только смотрит куда-то вверх.

Иногда по ее щекам текут слезы, но плача совсем не слышно, и только редкие вздохи нарушают больничную тишину.

Алина Георгиевна достала где-то стеклянную банку для букета, налила в нее воды и установила цветы на тумбочке у изголовья Агнессы.

Еще раз посмотрев на бледное лицо Агнессы, Григорий Кузьмич и Алина Георгиевна вышли из палаты.

- Господи, – произнесла Алина, - и носит же земля таких подонков. Зверье проклятое, видно горьким было материнское молоко, вскормившее их.

- Не в молоке дело, – возразил Григорий, - они вряд ли бы стали насиловать своих соплеменниц. Жестокость, выплеснутая ими на Агнессу, в не меньшей степени относится ко всем нам. Они ненавидят всех нас, и эту ненависть не зальешь никаким, даже переслащенным молоком.

- Григорий, милый, – воскликнула Алина, - но в чем мы провинились перед ними, что они нас так ненавидят?

- Алина! Здесь уместно вспомнить басню Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», -

продекламировал Григорий, - работать по-настоящему не хотят, не привыкли, а жить предпочитают на широкую ногу. И, если раньше славяне батрачили на них по всему Советскому Союзу, а они только горным воздухом дышали, да женщин щупали, то теперь, выжив славян, сами за станки вставать не хотят, а на рынке места на всех не хватает. Некоторые блюстители прав списывают их необузданную вспыльчивость и наглость на южный темперамент, но разве кодекс человеческих отношений не одинаков для всех?

Этак, мы дойдем до того, что презумпцию невинности будем трактовать с учетом степени образованности провинившегося. Этот закончил всего восемь классов, поэтому по своей глупости совершил преступление. А раз так, то и наказывать его можно поменьше.

А вот того, что с высшим образованием наказать нужно по полной программе.

- Григорий, не нервничай ты так, тебе совсем нельзя волноваться, - попыталась успокоить его Алина.

Но Григорий разошелся не на шутку. Разошелся потому, что вспомнил случай из своего детства, когда однажды пришел на базар и там его избили торговавшие фруктами южане. В тот раз они погнались за двумя пацанами, которые украли у них по яблоку и, не догнав, всю свою злость, в виде увесистых кулаков, обрушили на Григория. И никакая милиция не удосужилась разобраться в этом деле, во-первых, потому, что получила соответствующие откупные, а, во-вторых, потому, что списала все на южный темперамент, который, оказывается, нужно уважать.

Григорий тогда первый раз сделал поступок, который впоследствии нудно теребил его повзрослевшую душу. Он рассказал о конфликте с южанами взрослым обитателям двора, среди которых были люди, совсем недавно вышедшие из тюрьмы. А у побывавших в тюрьме соседей темпераменту было, не меньше, чем у базарных южан, поэтому торгашам тогда мало не показалось.

XX

Сегодня Мария приехала в театр на первую репетицию нового спектакля, который ставил известный питерский режиссер Аркадий Заневский. В пьесе рассказывалось о людях, которые с нескрываемой радостью приняли перестройку, а многие из них активно участвовали в защите молодой демократии на баррикадах Москвы. Марии была предложена роль молодой активистки, которая по сценарию постоянно находилась в гуще

событий, участвовала в митингах и демонстрациях, вела за собой своих политических единомышленников.

Мария с удовольствием приняла приглашение, и сегодня ей предстояло продемонстрировать все свое сценическое мастерство. Классика - классикой, а современный материал требует иного подхода к вживанию в роль.

Аркадий Заневский был, как всегда, галантен, но строг. Заметив Марию, он помахал ей рукой, сделал воздушный поцелуй, и, повернувшись к работникам сцены, громко крикнул:

- Где трибуна, где революционные лозунги, почему не работает вентиляция?

Мария, чтобы не мешать рабочему процессу, прошла в гримерку и еще раз пробежалась по сценарию.

Ее вхождение в роль прервал партнер по спектаклю Евгений Шмаков, который, войдя в гримерку, пригласил Марию на сцену. На сцене собрались все артисты, задействованные в спектакле.

Аркадий Заневский обратился к собравшимся со вступительной речью. Он говорил об актуальности данной пьесы и о том, что на артистов ложится тяжкий груз ответственности, так как зритель сможет уловить любую, даже самую маленькую фальшь.

- Прежде всего, реалистичность и правдивость, – воскликнул он, – вы должны вжиться в свои роли и выйти на зрителя с открытым забралом. Зритель не хуже вас информирован о событиях минувших дней, поэтому, выходя на сцену, помните постоянно об этом и чутко реагируйте на реакцию зала.

После таких вдохновенных слов артистам ничего не оставалось делать, как только со всей ответственностью и самоотдачей приступить к репетиции.

По ходу репетиции Аркадий Заневский то и дело прерывал того или иного артиста, предлагая свою трактовку прерванного эпизода.

- Евгений, – в очередной раз выкрикнул он, - где Ваши сжатые кулаки, где боевой дух. Вы же клеймите позором сгнивший коммунистический режим. Больше экспрессии, Евгений, больше пламенности.

- Мария, солнышко, – в другой раз мурлыкнул Аркадий, - где Вы видели рэволюционэрок, - именно так произнес это слово режиссер, - которые то и дело поправляют свои выющиеся локоны. Руками они активно жестикулируют, произнося свои пламенные речи. Для того, чтобы поправить волосы, им достаточно только энергично встряхнуть головой. Ну-ка, сделайте вот такой жест.

С этими словами Аркадий запрокинул назад голову и решительно посмотрел куда-то вдаль.

Мария без энтузиазма повторила запрокидывание головы.

- Мария, голубушка, так дело не пойдет, – сказал Аркадий, - Вы же не в институте благородных девиц. Энергичней, солнышко.

Мария еще раз запрокинула голову, и очередное запрокидывание понравилось Аркадию.

Приблизительно так, в течение четырех часов отрабатывались сценические эпизоды.

Наконец, репетиция закончилась, и Аркадий Заневский сделал очередную попытку пригласить Марию в ресторан, но та, извинившись, тактично отказалась, так как торопилась к маме, где ее поджидал маленький Борис.

- Мария, – с обидой произнес Аркадий, - в следующий раз договоритесь с мамой, пусть Ваш Борис останется у нее. Мне очень хочется побыть с Вами вдвоем.

Мария, пробормотав что-то неопределенное, заторопилась к своей машине.

Дома ее встретили три пары радостных глаз и накрытый всякими вкусными блюдами стол.

За ужином Мария рассказала о своей первой репетиции, сообщив о том, что чем больше она вживается в предложенный ей образ, тем меньше энтузиазма остается в ее сопротивляющейся душе.

- А что так? - спросила у нее Алина.

- Мама, с каждой минутой, проведенной на сцене, я все отчетливей понимаю разницу между тем, что происходило в реальной жизнью и тем, что мне приходится играть, – произнесла Мария, - в реальной жизни люди вышли на баррикады, искренне поверив в возможность перемен к лучшему, не думая изначально об идеологических заморочках. В пьесе же доминирует сплошная идеология.

- А как же без идеологии, – вступил в разговор Григорий, - я тоже искренне поверил Горбачеву и, как мог, пытался отстаивать предложенную им программу. А что, в конце концов, получилось? Одни слова, не подкрепленные конкретными позитивными изменениями. А потом, обиженный властью Ельцин, которого березовские смачно опохмелили и вытащили на политический Олимп. И, как власть предрежащие ни доказывали, что Ельцин – пьяница и скоморох, народ осознанно сделал свой выбор».

- Григорий Кузьмич, – произнесла Мария, - я с Вами полностью согласна. Но ведь не идеологией был продиктован выбор народа. Просто наш народ во все времена жалел обиженных и оскорбленных. И за Ельциным большинство пошло не по идеологическим соображениям, а по принципу жалости, чтобы защитить обиженного.

- Я тоже пожалела Бориса Николаевича, – поддержала Марию Алина, - я тогда подумала: вот нашелся человек принципиальный и решительный, так его теперь хотят извести. Но разве можно такого человека давать в обиду? Нет уж, решила я, раз демократия, то только с Ельциным.

- Вот-вот, - произнес Григорий, - потом нам наша же жалость боком обернулась. Отблагодарил Борис Николаевич за такое доверие, да только не народ, а тех же березовских, которым отдал Россию-матушку со всеми ее потрохами. Много ли народу-то российскому осталось? Только по листку казенной бумаги, которую ваучером обозвали, да невыплаты законно заработанных получек. В некоторых регионах людям по году зарплату не платили, а они все равно спешили на работу. Можете себе представить такое где-нибудь на Западе?

- Конечно, нет, – ответила Мария, - там бы на следующий день люди вышли на улицы,

- То-то и оно, – продолжил Григорий, - так и с ресурсами. Все у людей забрали: и недра, и деньги, и право на идеологию. Куда ни глянь, одни березовские.

- Григорий, не распаляйся, – попыталась успокоить Григория Алина, - ну поговорим мы сейчас за столом о безобразиях, которые творятся у нас в стране, а толку что. А ничего. Поэтому давайте-ка лучше поговорим о чем-нибудь хорошем.

- Просто обида берет, когда видишь такую несправедливость, – искренне признался Григорий.

- А как дела у Агнессы? – решив переменить тему, спросила Мария.

- Вчера я заезжала к ней в больницу, – сообщила Алина, - встретила там с Агнессиной мамой. Манерная женщина. Пришла, положила на тумбочку коробку конфет и пакет яблок, постояла минут пять

возле кровати и, молча, вышла из палаты. Агнесса до сих пор находится в шоковом состоянии, ни с кем не общается. Правда, вчера, когда я вошла в палату, заметила в ее глазах слабую искорку. Мне показалось, что ей было приятно меня видеть.

- Да, - вздохнула Мария, - она еще не скоро оправится от перенесенного унижения.

- Нам нужно чаще навещать ее, – сказал Григорий, - необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы она не чувствовала себя одинокой. С нами ей будет легче перенести нервное потрясение.

- Григорий Кузьмич, – вдруг спросила Мария, - может быть, стоит сообщить обо всем Андрею?

- Мне кажется, – произнес Григорий, - пока рано сообщать ему об этом. Вот когда она, хоть чуть-чуть придет в себя, тогда его можно будет оповестить.

- Вам, конечно, видней, – сказала Мария, - но с его появлением она быстрее бы поправилась.

- Нет, дочка, – произнесла Алина, - в таком состоянии, ей вряд ли захочется видеть рядом Андрея. Сейчас она вообще мало кого хочет видеть.

- Мама, но ведь одной ей сейчас еще хуже, – воскликнула Мария, - давайте съездим к ней завтра.

- Хорошо, – согласилась Алина, - завтра мы обязательно навестим Агнессу.

На следующий день, после завтрака, Григорий, Алина, Мария и Борис поехали в клинику.

Сначала в палату вошли Григорий и Алина.

Агнесса, бледная и молчаливая, лежала на спине и подернутыми печалью глазами смотрела на потолок. На появление гостей она никак не отреагировала.

Алина заменила в вазе цветы, положила в холодильник принесенные фрукты и соки, поправила на кровати свесившееся одеяло.

Григорий хотел что-то сказать, но Алина жестом попросила его не делать этого.

После небольшого инструктажа, Мария ввела в палату маленького Бориса. Борис, выполняя мамины рекомендации, тихо сел на предложенный ему стул, но сидеть без движения ему быстро наскучило. Он, виновато улыбнувшись, слез со стула и медленно подошел к кровати. Немного постояв возле кровати, он положил свою маленькую руку на руку Агнессы. Агнесса сначала вздрогнула, потом другой своей рукой накрыла маленькую руку Бориса и из ее глаз выглянули крупные слезинки. Они только на секунду задержались у ресниц, потом медленно покатались по вискам, по волосам, пропадая где-то в подушке.

Борис осторожно положил голову на Агнессино плечо и тихо прошептал:

- Агнесса, я же с тобой, и бабушка с тобой, и дедушка, и мама. Хочешь, мы никуда не уйдем?

Из глаз Агнессы хлынул настоящий слезный ливень, ее тело затряслось, а из груди вырвались звуки бабьего воя, до сих пор удерживаемые Агнессой где-то внутри. Алина с Марией не сдержались и тоже расплакались. Даже у Григория на щеке показалась скупая мужская слеза.

- Нет, – подумал он, - Андрея нужно вызывать в Питер. С ним Агнесса быстрее оправится от стресса.

Через несколько минут Агнесса перестала рыдать, ее тело обмякло, и она вновь уставилась в потолок.

Еще немного посидев, гости стали собираться домой и тут Агнесса тихо произнесла:

- Мария, останься, пожалуйста.

Григорий, Алина и Борис поспешили из палаты, а Мария подошла и села на край Агнессиной кровати.

Агнесса взяла руку Марии и прижала ее к своей омытой слезами щеке. Мария нагнулась и поцеловала Агнессу в заплаканные глаза.

На несколько минут в палате вновь воцарилась тишина.

Первой ее нарушила Мария:

- Агнесса, милая. Сегодня ты выглядишь значительно лучше.

Агнесса искоса посмотрела на Марию, потом тихо сказала:

- Мария, я очень рада, что ты пришла сегодня ко мне.

- А хочешь, я буду постоянно сидеть возле тебя? – спросила Мария.

- Нет, что ты, – возразила Агнесса, - у тебя репетиции, спектакли, маленький Бориска. Какой он у тебя добрый и отзывчивый.

- Да, Борис у меня очень чувствительный человек, – согласилась Мария, - я уверена, что сейчас он предлагает бабушке и дедушке варианты твоего излечения. Так, что скоро, совсем скоро ты будешь полностью здорова.

- Нет, Мария, – покачив головой, сказала Агнесса, - я теперь уже никогда не излечусь. Мне каждую ночь снится этот кошмар, и вряд ли мерзкое сновидение оставит меня в покое.

- Ничего, милая, – попыталась успокоить ее Мария, - вот приедет Андрей и все будет хорошо.

- Нет, только не это, – воскликнула Агнесса, - Андрей ничего не должен знать о случившемся. Я тебя очень прошу, не говорите об этом Андрею.

- Скажи, Агнесса, – произнесла Мария, - а почему мы не можем сообщить ему о случившемся?

- Я не хочу, чтобы Андрей меня видел такой, – тихо сказала Агнесса, - да и зачем я ему. Я теперь никому не нужна.

- Агнесса, что ты говоришь, – воскликнула Мария, - у тебя еще вся жизнь впереди. Только не раскисай, пожалуйста. Поверь мне, Андрей отличный парень и ты еще будешь счастлива.

- Ты, действительно, в это веришь? - спросила Агнесса.

- Я не только верю, но и твердо знаю, что ты будешь счастливой, – воскликнула Мария, - мы же рядом с тобой. Сейчас для нас нет роднее человека, чем ты, так что постарайся нас не огорчать.

- Я обязательно постараюсь, – искренне улыбнувшись, обещала Агнесса.

- Ну, вот и хорошо, – обрадовалась Мария, - а теперь постарайся успокоиться и уснуть. Мы мысленно рядом с тобой, не забывай об этом.

- Спасибо тебе, Мария, - сказала Агнесса и в знак благодарности погладила ее руку.

Уходя, Мария помахала ей рукой и, перебросившись парой фраз с соседкой, вышла из палаты.

Как только дверь за Марией закрылась, соседка, симпатичная женщина лет сорока пяти обратилась к Агнессе с вопросом:

- Агнесса, неужели это Мария Погодина, известная драматическая актриса?

Агнесса впервые посмотрела на соседку и произнесла:

- Да, это она.

Встав с кровати, соседка подошла к Агнессе и села у нее в изголовье:

- А кем она тебе приходится? - вновь спросила она.

- Мария, моя самая близкая подруга, – ответила Агнесса, - и очень отзывчивый человек.

- Да уж я вижу, – подтвердила соседка, - сразу видно интеллигентного человека. А какие у нее добрые глаза.

Она хотела задать Агнессе еще не один вопрос, но, заметив, как у той сомкнулись веки, тихо промолвила: - Умаялась, бедная, - и прошла к своей кровати. В эту ночь, вместо кошмаров, Агнессе приснился улыбающийся Андрей, который шагал ей навстречу с большой охапкой белых роз. Она пыталась приблизиться к нему, но непослушные ноги уносили ее все дальше и дальше.

XXI

А в это время Андрей управлял самолетом противолодочной авиации, выводя его в зону боевого дежурства, которая находилась над Баренцевым морем. Экипажу боевого самолета предстояло в течение нескольких часов барражировать в зоне боевого дежурства, выполняя охрану северных водных границ Российской Федерации. Как всегда, полет проходил в сопровождении американских истребителей, пилоты которых не скрывали своих дружеских намерений. В воду с самолета сбрасывались гидролокационные буи, по сигналам которых происходило обнаружение подводных лодок противника. Именно этим поиском и занимался экипаж под командованием Андрея. Прошел всего час с момента выхода в зону боевого дежурства, оставалось покружить в зоне чуть больше шести часов. И тут с одного из боев был получен сигнал о появлении в нейтральных водах постороннего объекта. Об этом было тут же передано на командный пункт, с которого поступил приказ о поддержании постоянного контакта с целью и, если цель попытается войти в территориальные воды Российской Федерации приступить к ее уничтожению. По ходу цели в воду

были сброшены дополнительные буи, с помощью которых уточнялись ее координаты и скорость хода, определялось точное направление цели.

Цель, а это, без сомнения, была подводная лодка потенциального противника, медленно, но уверенно продвигалась в сторону наших территориальных вод. Обо всех перемещениях цели постоянно докладывалось на командный пункт, откуда давались четкие команды по ее преследованию. Экипаж, несмотря на возникшее напряжение, четко выполнял свои служебные обязанности, ни на секунду не упуская из виду цель. И вот, когда командный пункт уже готов был дать команду на уничтожение цели, подводная лодка вдруг резко изменила курс и стала удаляться от российских территориальных вод. Экипаж облегченно вздохнул, продолжая наблюдать за целью. На этот раз, кажется, обошлось. Андрей в знак благодарности похлопал по плечу второго пилота и через внутреннюю связь объявил благодарность всему экипажу.

Наконец, шасси выпущены, самолет под управлением Андрея выполняет четвертый разворот и берет посадочный курс. Перед ним открывается знакомая картина аэродрома с переливающейся огнями взлетной полосой.

И вот, колеса плавно притираются к бетону родного аэродрома. Самолет, замедляя бег, выворачивает на рулежную полосу и перемещается к стоянке, где его встречает наземный техник, жестами помогая командиру правильно зарулить.

Двигатели выключены, открыта боковая дверь, спущен трап, и экипаж по очереди выходит из самолета.

Как приятен первый глоток воздуха родного аэродрома. И пусть он пропитан запахами масла и керосина, но

любой член летного экипажа, вернувшись на землю, восхищается его несравненным ароматом.

Здравствуй, родная земля, здравствуйте заснеженные сопки, привет Кольский залив.

Экипаж с честью выполнил свою боевую задачу, и вот теперь его члены с гордо поднятыми головами шагают к командному пункту. Честь им и хвала, а еще счастья им, простого, человеческого счастья.

А как хорошо спится после полетного волнения и благодарности командира. А какой здоровый храп вырывается из груди некоторых членов экипажа. Но Андрей не относится к отряду храпунов. Вот он мирно посапывает в своей маленькой комнате большой коммунальной квартиры и снится ему красавица Агнесса, которая смотрит на него своими большущими глазами и весело смеется. Она хитро подмигивает ему, зовет куда-то за собой и машет, машет своими красивыми руками. Вдруг ее лицо подернул откуда-то взявшийся красный туман, потом и вся Агнесса пропала за плотным туманом. Андрей резко проснулся, протер заспанные глаза, огляделся по сторонам, потом сел, свесил ноги на пол и произнес: «Приснится же такое». Он попытался успокоиться, но какое-то внутреннее волнение не отпустило его и в ванной комнате, куда он прошел, чтобы побраться.

- Нужно позвонить в Питер, – подумал он, – а то я, за своей работой совсем забыл про своих родных и про Агнессу. Сегодня же зайду на переговорный пункт и позвоню отцу.

Так он и сделал. Позавтракав, Андрей прошелся пешком до переговорного пункта и позвонил отцу на работу.

Григорий Кузьмич обрадовался звонку сына, спросил его про службу, про погоду, про житье-бытье и все не решался рассказать ему о том, что произошло с

Агнессой. Андрей по интонации отца понял, что тот что-то не договаривает, поэтому спросил:

- Отец, скажи, пожалуйста, у вас все хорошо, а то мне приснился сегодня какой-то странный сон?

Григорий Кузьмич не смог больше держать в тайне то, что случилось с Агнессой. Не сдерживая эмоций, он рассказал ему о злодействе, которое учинили над Агнессой кавказцы.

Андрей, выслушав взволнованную речь отца, обещал в самое ближайшее время вылететь в Петербург.

Приехав в часть, он написал рапорт на имя командира полка, объяснив ему причину отъезда, и был отпущен им на десять суток с убытием в Петербург.

Через три часа самолет гражданских авиалиний приземлился в аэропорту Пулково, и Андрей ступил на петербургскую землю.

В здании аэровокзала его ждали отец, Алина Георгиевна и Борис. Мария в это время находилась в палате у Агнессы, которая, обняв подушку, спокойно спала после дневных процедур.

По дороге в клинику, Григорий с Алиной попытались отвлечь Андрея разговорами на отвлеченные темы, но Андрей попросил их рассказать о состоянии Агнессы. Отец, ничего не утаивая, рассказал Андрею о тяжелом состоянии, в котором находится Агнесса, о том, что без смены обстановки она еще долго не сможет выйти из кризиса. Борис в это время тихо сидел рядом с Андреем и даже не пытался с ним заговорить.

Приехав в клинику, они зашли сначала к лечащему врачу, который сообщил им о том, что, наконец-то, были замечены положительные тенденции в лечебном процессе. Агнесса стала лучше спать и, что не менее важно, стала кушать фрукты и пить соки. Если прогресс восстановления организма будет идти в таком же темпе,

то недельки через три Агнессу можно будет выписать из клиники.

В палате их встретила Мария, показавшая жестом, чтобы они не шумели, так как Агнесса еще не проснулась после дневных процедур. Затем она подошла к Андрею и тихо с ним поздоровалась. Андрей также тихо передал ей огромный букет, который Мария положила на подоконник.

То ли почувствовав запах свежего букета, то ли уловив присутствие гостей, Агнесса шевельнула своей бледной рукой, потом захлопала ресницами и, открыв глаза, повернула голову в сторону гостей. Увидев Андрея, она закрыла свое бледное лицо руками и резко отвернулась к стене.

Мария подошла к Агнесе, присела к ней на кровать, погладила по голове и что-то ей прошептала.

Агнесса еще немного полежала на боку, потом медленно повернулась на спину и произнесла:

- Здравствуй, Андрей, здравствуйте мои дорогие.

Андрей подошел к кровати, нагнулся и поцеловал Агнессу в бледные и сухие губы.

Агнесса обвила шею Андрея своими слабыми руками и, прошептав в ухо: «Прости меня, милый», беззвучно заплакала.

Мария направилась к двери, показывая всем, что они тоже должны выйти вслед за ней.

Андрей присел на кровать и, обняв Агнессу, стал целовать ее заплаканное лицо:

- Милая, о чем ты говоришь, о каком прощении ты меня просишь. Уехав из Петербурга, я мысленно неоднократно возвращался сюда вновь. В Североморске я понял, что скучаю по тебе, что уже вряд ли смогу без тебя.

Агнесса взяла голову Андрея в свои руки и с благодарностью посмотрела ему в глаза.

Андрей вновь обнял Агнессу и прошептал:

- Теперь я тебя не оставлю ни на один миг, ты поедешь со мной?

Агнесса опять внимательно посмотрела на Андрея, словно хотела еще раз убедиться в искренности его предложения.

- Андрей, – тихо сказала она, - нужна ли я тебе там, в Североморске?

- Агнесса, ты же знаешь, что я не умею лицемерить, – произнес Андрей, - ты мне нужна, потому, что я люблю тебя.

Агнесса, в знак благодарности, сжала руку Андрея и прошептала:

- Я тоже тебя очень, очень люблю.

Они еще долго что-то говорили друг другу, но так тихо, что я не расслышал сказанных ими слов. Можно было догадаться, что слова, вырывавшиеся из их воспаленных поцелуями уст, были очень теплыми и душевными.

И только лечащий врач прервал их нежное общение, попросив Андрея оставить пациентку, так как наступало время вечерних процедур.

Андрей, поцеловав на прощание Агнессу, обещал ей приехать завтра. Агнесса улыбнулась ему в ответ, прошептав:

- Я люблю тебя, милый.

В коридоре Андрея ждали отец, Алина Георгиевна, Мария и Борис.

Увидев улыбающегося Андрея, они поняли, что Агнесса обязательно выздоровеет, и от этой мысли у них у всех улучшилось настроение.

- А не поехать ли нам в какой-нибудь ресторан, а то я что-то давненько не танцевал со своей дорогой женой, -

предложил Григорий Кузьмич, и женщины с ним согласились.

Андрей с Борисом своим молчанием поддержали предложение Григория Кузьмича.

Ресторан, в котором еще совсем недавно отмечалась свадьба Григория и Алины, вновь принял их в свои музыкальные объятия.

XXI

Десять дней пролетели как один миг. Лечащий врач удивился тому прогрессу, который был отмечен в последние дни, но отпускать Агнессу в Североморск он все-таки не хотел.

И только ненавязчивая просьба Григория Кузьмича была услышана доктором, и он сделал вывод о том, что для Агнессы смена обстановки скажется самым положительным образом.

В пятницу вечером Алина и Григорий устроили у себя праздничный ужин в честь отъезда в Североморск Андрея с Агнессой. В числе приглашенных были еще и Мария с Борисом.

Борис получил свою порцию сладостей и удалился с ними в свою комнату, а взрослые, налив себе по фужеру шампанского, выпили за Агнессу, за ее возвращение из больницы.

Агнесса, еще не отошедшая от процедур, чуть пригубила искрящийся напиток и поблагодарила всех присутствующих за их чуткость и великодушие. За время нахождения в больнице она осунулась, глаза ее потускнели, нездоровая бледность еще не сошла с подернутого печалью лица. Но по тому, как она смотрела на Андрея, можно было предположить ее

скорое выздоровление. Да и сидевший рядом Андрей не переставал проявлять к ней свое заботливое внимание. Алина старалась угостить гостей приготовленными закусками, а Григорий рассказывал им недавно услышанные анекдоты.

- А теперь, – сказал он, - позвольте рассказать вам анекдот в тему:

Пассажир врывается в купе к проводникам:

- Безобразие! И пяти минут не прошло, как мы тронулись, а у меня уже украли чемодан!

- А что, – удивились проводники, - Вы разве не знали, что купили билет на скорый поезд?

Посмеявшись, гости продолжили дегустацию Алиных блюд, после чего Андрей предложил выпить за гостеприимных хозяев.

Из своей комнаты вышел довольный Борис и, услышав слова Андрея, воскликнул:

- Андрей, я тоже гостеприимный.

- Ну, что ж, тогда мы выпьем за тебя - согласился Андрей.

Борис сел за стол между Андреем и своей мамой, взял бокал с лимонадом и отпил глоток за себя любимого.

- Еще один анекдот в тему – вновь завелся Григорий:

- Сема! – спрашивает своего друга женщина, - почему тебе не дали билет на поезд?

- Дорогая, мне сказали, что на него все билеты забронированы.

- Сема, это что, бронепоезд?

Мария от души посмеялась над анекдотом, потом погладила по голове своего Бориса и увела его в спальню, так как передача «Спокойной ночи малыши» уже закончилась.

Сегодня гостеприимные хозяева оставили своих гостей у себя.

Андрей, нырнув под одеяло, прижал к себе утомленную Агнессу и та, поцеловав его в губы, уснула в его крепких объятьях.

На следующий день скорый поезд «Санкт-Петербург – Мурманск» принял Андрея и Агнессу и повез их за Полярный круг.

За окном вагона осенний питерский пейзаж, омытый нудными дождями, сменился хвойным величием карельских сосен, припорошенных выпавшим снегом.

Через некоторое время сосны уступили место смешанному мелколесью, перешедшему в заснеженную тундру, и, наконец, появились такие же заснеженные заполярные сопки.

Мурманск встретил Андрея и Агнессу северным колючим ветром и снежной поземкой, которая пыталась прорваться к ним за воротники.

Дальняя дорога утомила Агнессу, но она старалась не выказывать своей усталости.

Старенький автобус, шедший до Североморска, героически справился с гололедом и все же довез их до конечного пункта.

В Североморске Андрей привел Агнессу в коммунальную квартиру, где ее внимательно осмотрели все обитатели коммуналки.

Узнав о возвращении Андрея, Димон и Саша Третьяков решили проверить своего боевого товарища. Им не терпелось увидеть ту красавицу, о которой так смачно рассказывал Андрей.

Войдя в комнату, они увидели какую-то бледную, утомленную женщину с невыразительными, печальными глазами.

Андрей представил Агнессу своим друзьям, а ожидавший увидеть лучшее Димон вынул из спортивной сумки бутылку водки, бутылку

шампанского и коробку конфет. Шампанское и конфеты он передал Агнессе, а бутылку водки протянул Андрею. Андрей вопросительно посмотрел на Агнессу и та, поняв его беспокойство, произнесла:

- Проходите, пожалуйста, мы с Андреем сейчас что-нибудь приготовим.

Агнесса накрыла на маленьком журнальном столике, потому что другого стола в комнате просто не было. Мужички разместились на кровати, усадив Агнессу в выдавшее виды кресло.

Первый тост был произнесен Димоном за приезд Андрея и Агнессы:

- Дорогая Агнесса! Мы, я надеюсь, лучшие друзья Андрея, приветствуем Вас на промерзшей, омытой суровыми водами океана и обветренной северными ветрами мурманской земле и обещаем впредь с таким же вниманием и почтением относиться к Вам, прекрасная спутница и верная подруга нашего командира.

После такой длинной тирады Димон сделал глубокий вдох и, по офицерской традиции, выпил залпом содержимое своей стопки. Андрей с Сашей сделали то же самое, закусив выпитое хрустящими огурчиками. Заметив, что Агнесса ничего не ест, Димон воскликнул:

- Агнесса, прошу Вас, попробуйте хотя бы конфеты, иначе я расскажу Вам один страшный анекдот.

Андрей настороженно посмотрел на Димона, но тот, получив разрешение от Агнессы начал рассказ:

- Мама уговаривает свою маленькую дочку:

- Доченька, тебе необходимо скушать весь суп. Ты же знаешь, в кого превращаются непослушные девочки, когда они не кушают?

- Знаю, мама, – ответила девочка, - они превращаются в фотомоделей.

Андрей с Сашей облегченно вздохнули, прослушав вполне приличный анекдот, а Агнесса только чуть-чуть улыбнулась и взяла в рот конфетку. Все же усталость давала о себе знать.

Димон, не замечая Агнессиной усталости, продолжал сыпать анекдоты, не забывая при этом наполнять спиртным стопки. Саша же, обратив внимание на усталый вид Агнессы и озабоченного Андрея, дернул Димона за рукав и произнес:

- Димон, пора и честь знать. Предлагаю выпить на посошок и освободить хозяев от нашего ненавязчивого присутствия.

Андрей, видя состояние Агнессы, даже не пытался остановить своих друзей.

Уже на пороге Саша вдруг предложил:

- Андрей, сегодня вы отдохните с дороги в этой комнате, а завтра переезжайте-ка с Агнессой в мою однокомнатную квартиру. С переездом мы с Димоном вам поможем. Пока жены нет, я все равно живу у ребят в общежитии, там мне веселей. А жена придет, тогда мы что-нибудь и придумаем.

Андрей был от души тронут предложением Саши, поэтому еще раз налил ребятам на посошок. Выпив, они договорились, что завтра часиков в одиннадцать перевезут Андрея с Агнессой в однокомнатную квартиру.

Проводив гостей, Андрей и Агнесса разобрали постель и, как убитые, провалились в преисподнюю сновидений. Андрею снился штурвал самолета и яркое солнце, появившееся внезапно из-за облаков, а Агнесса увидела во сне свое детство, когда еще малышкой она с большим белым бантом на голове и в нарядном розовом платье выступала перед взрослыми с одним из своих любимых стишков:

Заяц русский присмирел,
Шубку белую одел.
Снега нет и бог неволен
Зайца скрыть в открытом поле.
Жметя, бедненький, к земле,
Рядом хитрая лисица
Машет рыженьким хвостом,
Видит зайца за кустом.
Но зайчишка изловчился
И по полю припустился.
Добежать бы до лесочка,
Там спасет любая кочка.
Ай, да зайка молодец.
Вот и песенке конец.

На следующий день ровно в одиннадцать часов Димон и Саша подъехали на машине к дому, в котором проживал Андрей.

Сборы были недолгими, так как вещей было немного, и уже в половине первого дня Сашина квартира была наполнена радостными звуками четырех молодых голосов. Агнессе очень хотелось побыть вдвоем с Андреем, но, видя приподнятое настроение мужчин, она сама предложила отметить это радостное событие. Мужички, переглянувшись и потеряв руки, тут же определились с сервировкой обеденного стола, и, так как завтра нужно было выходить на службу, то ограничились одной бутылкой водки и бутылкой шампанского.

За столом Димон с Сашей рассказали Андрею о том, что произошло в части за время его отсутствия. Оказывается, подводная лодка потенциального противника опять дразнила североморских

противолодочников, приблизившись к нашим территориальным водам и пройдясь вдоль границы.

Агнесса с интересом слушала рассказ сослуживцев Андрея, а когда Димон в красках рассказал случай с подводной лодкой противника, искренне возмутилась:

- Ну и наглецы. Да какое они имеют право подходить к нашим границам.

Димон, выпятив вперед грудь, металлическим голосом изрек:

- Именно с такими наглцами нам приходится иметь дело. Но это еще не все. В зоне боевого дежурства нас постоянно сопровождают истребители НАТО, держа наш самолет на прицеле.

Заметив озабоченный взгляд Агнессы, Димон произнес сакраментальную фразу:

- Но настоящих мужчин на испуг не возьмешь. Мы любому дадим по макушке, пусть только сунется. Победоносно посмотрев на окружающих, Димон предложил выпить за нелегкую службу, которую несут присутствующие здесь мужчины.

Агнесса, с восхищением взглянув на Андрея, выпила свой фужер до дна.

А когда Димон рассказал о том, что совсем недавно экипажу Андрея была объявлена благодарность за вовремя засеченную подводную лодку противника, Агнесса обняла Андрея и нежно поцеловала его.

- Вот, так всегда, – пробрюзжал Димон, - благодарности и поцелуи достаются только командиру.

- Димон, - воскликнула Агнесса, - мне кажется, что Вы тоже не остаетесь без поцелуев.

Димон скромно потупил глаза, прошептал:

- Ну, что Вы, Агнесса, - взял гитару и запел:

Южный курорт у подножия скал,

Голубая морская вода.
Ветер морской твои кудри ласкал,
От забот не оставив следа.
Солнечный день и лавандовый рай
Невзначай познакомили нас.
Было любви, может быть, через край,
Но об этом мы вспомним не раз.

Море – кладовая чувств.
Ты меня позови.
В море я с тобой умчусь
За частичкой любви.
В море только ты и я,
Да морская волна.
Где-то позади земля,
Но она не нужна.

Короток день, ах как короток день.
Как печален могучий платан.
Холод идет от дорог и от стен.
И над морем холодный туман.
Нет больше слов. А нужны ли слова,
Если лица о всем говорят.
Будет ли кто тебя так целовать
Под желтеющей мглой сентября.

Лета зачерпнуть успеи,
Зачерпни с родника.
Радость до конца испей
У морского песка.
Море-кладовая чувств,
Ты меня позови.
В море я с тобой умчусь
За частичкой любви.

Южная ночь запустила луну
В кладовую мерцающих звезд.
Лежище скал, отошедших ко сну,
Не тревожит ночной небосвод.
Нежной рукой ты коснулась волос
На пустынном ночном берегу.
Песню любви ветер в море унес,
Ветер в море унес с наших губ.

Волны не ласкают нас
В эту южную ночь.
Чайки, задремав в волнах,
Нам не в силах помочь.
Море – не тенистый сад,
Где поют соловьи.
Ветер не вернет назад
Песнь любви, песнь любви.

Закончив петь, Димон налил в стопки спиртного и произнес:

- Саша, не грусти, скажи-ка лучше красивый тост.

Саша поднял свою стопку и тихо произнес:

- Мужики, я хочу выпить за наших верных друзей, без которых было бы тяжело переносить тяготы нашей нелегкой службы. Агнесса, разрешите выпить за Вас. Присутствующие выпили за Агнессу и, в ее лице, за всех женщин, которые скрашивают, как могут, напряженный армейский быт.

Саша окончательно загрустил, вспомнив свою жену, поэтому Андрей, дабы разрядить ситуацию, предложил собравшимся прогуляться по вечернему Североморску. Выпив на посошок, они вышли из дому и направились к берегу Кольского залива.

Побродив по набережной, они разошлись по своим спальным квартирам.

По дороге в общежитие Димон искренне произнес:

- Саша, и чего такого особенного увидел Андрей в Агнессе? Какая-то бледненькая, не совсем здоровая женщина.

Саша, думая о чем-то своем, никак не отреагировал на это высказывание Димона.

XXII

Проснувшись утром, Мария нащупала ногами свои тапки, встала и глянула в окно. Надоевший ноябрьский дождь не переставал барабанить по мокрым стенам домов и посеревшим деревьям, стыдливо опустившим свои оголенные ветви.

- Какой унылый пейзаж, - подумала Мария, - мне так не хочется будить Бориса, но придется.

Войдя к нему в спальню, она подошла к кровати и, наклонившись, поцеловала его в нос. Борис недовольно завертел головой, а когда Мария погладила его по волосам, открыл глаза:

- Мама, может, мы не пойдем сегодня в садик?

- Нет, мой малыш, – сказала Мария, - сегодня у мамы репетиция и вечерний спектакль. Так что из садика тебя снова заберет бабушка.

Борис нехотя встал со своей кровати и, еще раз вопросительно посмотрев на маму, уныло побрел в туалет. Ему так не хотелось сегодня выходить на улицу, а еще больше не хотелось расставаться с мамой.

Марии тоже не хотелось сегодня идти на репетицию, но говорить по телефону о своем отказе от роли она не захотела.

- Лучше я выскажу свой отказ прямо на репетиции, – подумала Мария, - а то Заневский подумает, что я испугалась.

Проводив Бориса в садик, Мария приехала в театр и первым встретила там своего партнера по спектаклю Евгения Шмакова.

Заметив Мариину озабоченность, Евгений спросил:

- Мария, у тебя все нормально?

- У меня все хорошо, – ответила Мария, - просто я приехала в театр, чтобы отказаться от предложенной мне роли.

- Послушай, Мария, – воскликнул Евгений, - на первой репетиции мне показалось, что тебе понравилась эта роль.

- Ты знаешь, Евгений, – произнесла Мария, - чем больше я вживаюсь в эту роль, тем острее ощущаю разницу между тем, что происходит на сцене и тем, что совсем недавно нам пришлось пережить. Слишком много идеологических штампов и событийных неточностей я заметила в данном сценарии.

- Ну и что, – удивился Евгений, - стоит ли из-за этого отказываться от одной из главных ролей?

- А ты считаешь, что это слишком малый аргумент для отказа? – спросила Мария.

- Мария, – ответил Евгений, - я согласен с тем, что пьеса несовершенна. Но отказываться от своей роли я не собираюсь. Эта роль может вывести меня на звание народного. Разве можно упускать такой неплохой шанс?

- Может это, по-твоему, и глупо, – воскликнула Мария, - но я не смогу перешагнуть через свое «я». Прежде чем принять такое решение, я вновь и вновь возвращалась к тем событиям, очевидцами которых были все мы.

Сравнивая их с предложенным сценарием, я не могу

согласиться с идеологической фальшью. Я смогу остаться в спектакле только после существенной переработки сценария.

- Вряд ли Заневский будет изменять согласованный со спонсором сценарий, – произнес Евгений, - очень жаль, что мне не удастся с тобой сыграть в этой пьесе.

Сказав это, он развернулся и быстрым шагом прошел в свою гримерку.

Через пятнадцать минут в театре появился Аркадий Заневский. Увидев Марию, он с распростертыми объятиями пошел к ней:

- Голубушка, а что же ты не готовишься к репетиции? Почему у тебя такой озабоченный вид? Уж не заболела ли ты?

- Аркадий, – немного смутившись, воскликнула Мария, - сегодня я пришла, чтобы отказаться от предложенной мне роли.

- Как так, золотце, – возмутился Аркадий, - мы уже, образно говоря, вышли на финишную прямую, а ты заявляешь мне об отказе. Мария, скажи мне, что ты пошутила.

- Нет, Аркадий, я не шучу, – произнесла Мария, - я буду работать только в том случае, если в сценарий внесут существенные коррективы.

- А что, на твой взгляд, требует корректив, – спросил Аркадий, - что тебя не устраивает в сценарии?

- Аркадий, неужели ты не видишь отступления от реальности, – воскликнула Мария, - неужели ты не ощущаешь излишнего пафоса в предложенном тексте?

- Мария, золотце, – нахмурился Аркадий, - а что плохого видишь ты в пафосе? На мой взгляд, пафос, заложенный в уста настоящего артиста, помогает зрителю еще острее ощутить происходящее на сцене.

Он снимает с лица зрителя пелену равнодушия и бездуховности. Подумай об этом, милочка.

- Аркадий, я уже обо всем подумала, – ответила Мария,

- в данной пьесе я участвовать не буду. Извини, если я чем-то нарушила твои планы, но ты же знаешь, что на эту роль согласится не одна петербургская актриса.

Спасибо за все, Аркадий.

Аркадий в последний раз попытался остановить Марию, но та попрощалась с ним и вышла на улицу.

- Как хорошо, что я сделала этот шаг, – подумала

Мария, - и дождь почему-то перестал

Она с улыбкой посмотрела на театр, в который ей предстояло еще раз сегодня вечером прийти. Но это будет уже совершенно другой спектакль и другие партнеры, которых Мария успела искренне полюбить за время своей работы в театре.

XXIII

Проснувшись в своем двухэтажном доме на окраине маленького американского городка в штате Кентукки, Владислав еще несколько минут понежился в своей широкой кровати, потом встал, сделал несколько отжиманий и прошел в ванную комнату. Приведя себя в порядок, он приготовил на завтрак традиционную яичницу с ветчиной, без особого аппетита съел ее и запил прохладной колой.

Пройдя с кухни в гараж, он завел свою новенькую машину и, выехав со двора, помчался по шикарной дороге к своему маленькому магазинчику. До этого магазинчика можно было пройти пешком минут за пятнадцать-двадцать, но у американцев было не принято ходить пешком.

Магазинчик, который прикупил Владислав, стоял возле

оживленной магистрали, проходящей с юга на север. А так как рядом с магазинчиком было оборудовано еще и летнее кафе, то проезжающие мимо водители частенько останавливались возле магазина, чтобы пропустить в кафе по баночке колы и закусить ее свежеприготовленной питцей или разогретым биг-маком.

Владислав, чтобы как-то себя занять, да еще и сэкономить при этом, сам занимался поставками в магазин всего необходимого. Для таких целей у него под навесом стоял старенький джип с вместительным кузовом.

Магазинчик, так же как и кафе, работал 24 часа в сутки, из которых Владислав находился там с 9 часов утра до 12 часов ночи. Кроме него в магазине работали три продавца, которых Владислав иногда подменял, три повара и три официантки.

Сегодня работали эмигранты из Мексики Родригес и Хесус, а официанткой была симпатичная колумбийка Анхела. Ее смуглое тело было прикрыто короткой юбочкой и трикотажной майкой, поверх которой был надет маленький фартук. На голове красовалась плотная шерстяная бондана. Она шустро бегала между столиками, стараясь не слышать пошлых шуток, отпускаемых мужиками в ее адрес.

Владислав перекинулся несколькими фразами с Родригесом, сел в старенький джип и уехал за продуктами. Хесус, по обыкновению, колдовал за кухонной плитой, выполняя заказ очередного посетителя.

Солнце медленно забиралось в зенит, отчего теплый воздух нагревался еще больше, но жара для этих мест была также привычна, как декабрьские морозы для российской средней полосы.

За одним из столов мы, мысленно извинившись, подслушаем разговор двух загорелых американцев.

- Послушай, Джимми, – произнес один из них, - как у тебя дела. Помнится в прошлый раз ты жаловался на свою очаровательную Лулу.

- А что могло измениться за такой короткий срок, Боб, – ответил Джимми, - она, по-прежнему, не может родить мне ребенка, а без ребенка мы долго протянуть вместе не сможем.

- Неужели все дело в ребенке, Джимми? - спросил Боб.

- Может быть и не все, – произнес Джимми, - но с ребенком мне было бы значительно спокойней. Ты же знаешь, что я больше жизни люблю свою Лулу, но мне приходится часто оставлять ее наедине.

- Ты, что, приятель, не веришь своей Лулу? - опять спросил Боб.

- Причем здесь веришь - не веришь, – возмутился Джимми, - женщина, оставаясь одна, хочет она этого или не хочет, будет скучать, а всякая скука перерастает затем в раздражение, а раздражение может подтолкнуть женщину к новым знакомствам. А мне это надо?

- Конечно, нет, Джимми, – ответил Боб, - но ведь не все женщины склонны к новым знакомствам, о которых ты говоришь.

- Конечно, не все, Боб, – воскликнул Джимми, - но большинство из них заняты своим ребенком, и, может даже, не одним. А у моей жены ребенка нет, и теперь вряд ли уж будет.

- Скажи, Джимми, – спросил Боб, - а сама-то Лулу хочет ребенка?

- Мне кажется, что хочет, – ответил Джимми, - когда я заговариваю о ребенке, у Лулу загораются глаза, и она начинает страстно меня целовать.

- Да, а ты все же счастливчик, Джимми, – воскликнул Боб, - у моей уже давно ничего не загорается.
- Но зато у тебя есть две замечательных дочки, – произнес Джимми, - а это ли не счастье?
- Не грусти, Джимми, – попытался успокоить его Боб, - у тебя еще все впереди.
Допив колу, они разъехались в разные стороны, чтобы через несколько недель вновь встретиться за этим же столом.

XXIII

А в Петербурге специалисты рекламного агентства отмечают тридцатилетие одного из своих руководителей. Сегодня Дарье исполняется ровно тридцать. Основное торжество намечено провести в одном из лучших ресторанов Петроградской стороны, а утром специалисты агентства вручили Дарье специально изготовленный именной буклет, в котором Дарья изображена в разных ракурсах и позах, и сделанную собственными руками дизайнера Вики эксклюзивную черепаху – символ мудрости и долголетия.

Дарья с обеда занимается только собой, а Григорий Кузьмич занимается агентством.

Сергей с одним из менеджеров продаж только что вернулся со встречи. Он тут же прошел в кабинет Григория Кузьмича, и уже по его виду можно было понять, что встреча была плодотворной и, самое главное, результативной.

- Ну, рассказывай, - произнес Григорий Кузьмич, предложив Сергею кресло.

Сергей с воодушевлением стал рассказывать о том, как проходил весь процесс работы с заказчиком.

- Григорий Кузьмич, – начал Сергей, - Вы же помните, что три недели тому назад мой менеджер принял внешний звонок от одной фирмы. Та фирма попросила нас подготовить презентацию наших работ, и мы с менеджером ее представили руководству фирмы.

- Вообще-то, за последние три недели, – перебил Сергея Григорий Кузьмич, - наши специалисты сделали не менее пяти презентаций. О какой конкретно фирме ты говоришь?»

- Григорий Кузьмич, – воскликнул Сергей, - я сейчас говорю о зарубежном строительно-инвестиционном холдинге, который приступил к строительству нескольких торгово-развлекательных комплексов.

- Помню, помню, – сказал Григорий Кузьмич, - это тот клиент, который изначально, объявив неоплачиваемый конкурс, предложил нам сначала выполнить работы по их техническому заданию.

- Именно так, Григорий Кузьмич, – утвердительно кивнул Сергей, - с этим клиентом мы сегодня и встречались. Когда мы сообщили ему о том, что в бесплатных тендерах не участвуем, через некоторое время они предложили нам участвовать в тендере только своей презентацией. Две недели тому назад мы представили им свою презентацию по неймингу и дизайну. Еще через неделю предложили им свой алгоритм проведения работ с нашими расценками. А сегодня, ответив на интересующие клиента вопросы, мы получили официальное предложение о сотрудничестве. Григорий Кузьмич, мы выиграли тендер, в котором участвовали шесть серьезных рекламных агентств.

- Вот это молодцы, – похвалил Григорий Кузьмич, - такая новость как нельзя кстати. Сергей, сделай еще один подарок Дарье, позвони ей на трубку.

Сергей вышел из кабинета и сразу же позвонил Дарье, которая в это самое время сидела в салоне красоты и делала себе какую-то экзотическую прическу. Первая реакция Дарьи на звонок была явно отрицательной, но, узнав о причине звонка, она искренне поблагодарила Сергея.

В семь часов вечера гости стали прибывать в ресторан. В ресторане в этот час посетителей было не так уж и много, основная публика начинала собираться после 20:00, когда на эстраде появлялся оркестр.

Кроме сотрудников агентства, на день рождения были приглашены родители Дарьи и ее подруги по СМИ. Рядом с Дарьей сидела ее девушка Инна, которая также безразлично относилась к мужскому сословию.

По другую сторону от нее сели отец с матерью, а дальше подруги и сотрудники агентства.

Григорий Кузьмич, по праву старшего, первым поднял свой бокал и предложил выпить за родителей, которые некоторое время тому назад представили миру такое прекрасное создание, как Дарья.

Родители Дарьи немного смутились, но общее оживление им явно понравилось. Гости с удовольствием выпили за родителей юбиляры и приступили к дегустации представленных им закусок.

Ресторан постепенно заполнялся посетителями, оркестранты уже занимали свои места на эстраде.

Вторым решил поздравить Дарью Илья. Поднявшись из-за стола, он развернул поздравительный свиток и произнес:

- Дорогие друзья, уважаемая Дарья, хочу ознакомить вас с удостоверением незаурядной личности, которое я хочу вручить нашему юбиляру. Итак, Удостоверение незаурядной личности выдано прекрасному исполнительному директору Дарье Уваровой. Данное

удостоверение свидетельствует о том, что юбиляр обладает неоспоримым авторитетом и душевной добротой, жизнелюбием и оптимизмом, отзывчивостью и объективностью. Удостоверение гарантирует юбиляру уважение окружающих, любовь близких, счастье, здоровье и долголетие.

Илья подошел к Дарье, поцеловал ее в щечку и вручил свиток с удостоверением.

Гости выпили за юбиляра и, не закусывая, пошли танцевать, так как оркестр уже заиграл «Как упоительны в России вечера ...».

В это же время в зал ресторана вошла шумная компания торговцев Сытного рынка. Они заняли свободный столик возле эстрады и с нескрываемой наглостью стали рассматривать танцующих женщин.

Третий тост был произнесен Сергеем в стихотворной форме:

«Красавица Дарья,
Тебе мы все дарим
Коллекцию страсти,
Корзиночку счастья,
Букетик удачи,
Улыбку с отдачей,
Без лишних неврозов
Клиентов хороших».

Он вручил Дарье открытку, которую подготовили дизайнеры агентства.

Гости выпили и немножко закусили.

Родители и Григорий Кузьмич остались за столом, а молодежь пошла к эстраде, так как зазвучала песня про погоду в доме.

Григорий Кузьмич подсел к родителям Дарьи и, по праву хорошего знакомого, предложил отдельно выпить за их прекрасную дочь. Родители с удовольствием

согласились, а Дарьина мать поблагодарила Григория Кузьмича за все, что он сделал и делает для Дарьи.

Они еще не успели осушить свои стопки, как, сначала услышали шум и крики женщин, а потом и увидели, что на танцевальной площадке сотрудники агентства дерутся с пришедшими торгашами.

Сергей не на шутку разошелся, крикнув:

- Ребята, отомстим за Агнессу, - он бросился в самую гущу и опускал свои мощные кулаки на головы торгашей.

Григорий Кузьмич не успел подбежать к дерущимся, как торгаши позорно ретировались из зала, а потрепанные и возбужденные победители вновь уселись за праздничный стол.

В это время в зал, где проходило торжество, вошел Дарьин однокурсник, работающий в уголовном розыске. Извинившись перед гостями за опоздание, он подошел к Дарье, вручил ей большой букет алых роз и произнес небольшой тост за его институтскую подругу и просто хорошего человека Дарью.

Гости в очередной раз выпили за Дарью и, закусив, принялись обсуждать недавнюю потасовку.

Оказывается, во время танца к танцующим присоединились глотающие слюни торгаши. Они вели себя, как всегда, очень нагло, что не понравилось мужской половине танцующих. Вспомнив об Агнесе, ребята с нескрываемой злостью бросились на наглецов и, если бы не бегство последних, без жертв, здесь вряд ли бы обошлось.

Узнав о случившемся, Дарьин однокурсник позвонил своим коллегам и предупредил их о возможном продолжении инцидента.

Так и случилось, минут через двадцать к ресторану подъехали машин десять с озлобленными земляками

торгашей. Они попытались прорваться в ресторан, который вовремя закрыли для входа посетителей. Дарьин однокурсник вновь позвонил своим коллегам и сообщил о наезде.

Через десять минут к ресторану подъехал усиленный наряд милиции и следователи уголовного розыска. Милиция, выслушав все претензии торгашей, проверила у них документы и предупредила о том, что противоправные действия могут привести к печальным последствиям, вплоть до заключения их под стражу. Праздничные торжества по случаю дня рождения были продолжены, но неприятный осадок в значительной степени повлиял на настроение гостей.

XXIV

В Североморске готовились к встрече Нового года. Как всегда, празднование его начиналось в отдельных компаниях, которые после часу ночи подтягивались в местный Дом офицеров, где командование гарнизона поздравляло североморцев и объявляло продолжение банкета в виде танцевальной ночи.

Андрей и Агнесса решили вдвоем отметить Новый год, а потом присоединиться к своим знакомым в Доме офицеров.

Дни, проведенные с Андреем, значительно ускорили процесс выздоровления Агнессы.

Его постоянное внимание и забота самым положительным образом сказались на ее настроении. Ее глаза засветились светом любви и счастья, она стала больше шутить и адекватно реагировать на шутки. Поджидая Андрея, она следила за своей прической, делала себе макияж и маникюр, разнообразно и со вкусом одевалась. Приходя домой, Андрей каждый раз

видел новую Агнессу, из глаз которой лучился такой добрый свет, что, не скидывая мундира, он брал Агнессу на руки и целовал, целовал, целовал. Не редко это целование заканчивалось только после продолжительной любовной игры, во время которой они забывали обо всем на свете и полностью отдавались обоюдным ласкам.

Дорогие мои читатели, смею вас заверить, что лучшего лекарства от всех болезней в мире нет, и не будет никогда. Поверьте, пожалуйста, мне и моим героям и не забывайте об этом.

Вот и в этот раз Андрей, войдя в прихожую, увидел Агнессу, одетую в облегающее ее красное платье, в котором он ее в первый раз встретил на свадьбе отца. Это была та, прежняя Агнесса, которую он тогда полюбил, сам еще в полной мере не догадываясь об этом.

- Агнесса, милая моя, – воскликнул он, - как я тебя люблю.

Говоря это, он взял ее на руки и нежно прижал к груди. Все повторилось, как в прошлый раз, вот только музыка была другой, и не было того коньяка, который сделал прошлую ночь такой красивой и незабываемой. Но и без коньяка, сегодняшний вечер был не менее красивым. На следующее утро Агнесса встала первой, чтобы приготовить предновогодний завтрак. Андрей любил морепродукты, поэтому на завтрак она приготовила салат с креветками и тушеные кальмары, приправленные овощами.

Подойдя к кровати, она наклонилась к Андрею, и ее длинные волосы дотронулись до носа и щек спящего. Андрей закрытил головой, потом приоткрыл один глаз, затем другой и, улыбнувшись, прижал Агнессу к себе.

- Милый, завтрак уже готов, – попыталась вырваться из объятий Агнесса.

Андрей поцеловал Агнессу в носик и быстро вскочил с кровати.

За завтраком они обсудили план сегодняшнего дня. К новогоднему столу все было давно закуплено, поэтому решено было до трех часов дня приготовить все закуски, а после трех немного поспать, чтобы новогодняя ночь не была слишком утомительной.

Проснувшись в девять часов вечера, Агнесса занялась своей внешностью.

Андрей еще немного полежал, потом встал, побрился и занялся сервировкой праздничного стола.

К одиннадцати часам вечера стол был накрыт, и нарядная пара подняла свои бокалы.

- Милая Агнесса, – начал Андрей, - я хочу выпить за то, чтобы все проблемы и невзгоды остались в этом году, а наступающий год принес нам много-много счастья.

- Я с удовольствием выпью за это, - воскликнула Агнесса и они, чокнувшись, выпили до дна шипучее шампанское.

Немного закусив, Агнесса подняла свой бокал и произнесла:

- Андрей, мой дорогой и любимый Андрей! Я поднимаю этот бокал за то, чтобы у тебя всегда было чистое небо и я, любящая тебя до самозабвения.

Андрей подошел к Агнессе, поцеловал ее и сказал:

- Ты теперь мое все: и небо, и звезды, и любовь, и счастье.

Стрелки часов приблизились к двенадцати, и они наполнили свои бокалы вновь.

С Новым годом, дорогая! С Новым годом, любимый! С
Н о в ы м г о д о м!!!

Вот и наступил Новый год, а с ним обязательно придут новые встречи, новые откровения, новые, еще неизведанные чувства.

Уже через час Андрея и Агнессу принял в свои объятия празднично оформленный зал Дома офицеров. Принял и с удивлением посмотрел на Агнессу многими парами глаз.

Димон, взглянув на спутницу Андрея, спросил у Саши: - Саня, посмотри-ка, что за красавица сопровождает нашего Андрея?

Саша внимательно посмотрел на женщину, с которой пришел Андрей, и тоже сначала не узнал в ней Агнессу, но потом, внимательно присмотревшись, произнес:

- Димон, разуй свои сексапильные глаза. Это же Агнесса.

Димон и сам уже узнал в красивой женщине Агнессу:

- Саша, так вот о какой женщине нам тогда рассказывал Андрей. Принцесса Диана, богиня, да и только.

Они поспешили навстречу Андрею и Агнессе.

Агнесса очень обрадовалась появлению Андреевых друзей, так как перед этим, войдя в зал и увидев большое скопление людей, немного смутилась.

- Агнесса, – восторженно воскликнул Димон, - Ваше появление озарило этот зал новым, доселе неизвестным летчикам светом. Андрей, позволь поцеловать это милое создание хотя бы в щечку?

- Хотя бы в щечку разрешаю, – произнес Андрей, - но только не более двух секунд, а то я знаю твои прилипчивые губы.

Саша с восхищением смотрел на Агнессу и не мог произнести ни слова. Его пересохший язык будто бы присох к небу.

- Саш, – тряхнул его Андрей, - что это с тобой. Твой локатор застыл в одном направлении, а говорящая

голова, почему-то, забыла запросить разрешение на посадку.

Саша отсутствующим взглядом посмотрел на Андрея, потом снова перевел свой взгляд на Агнессу и произнес: - Поздравляю Вас с Новым годом. Желаю Вам большого счастья и скорейшей акклиматизации на североморской земле.

- Саша, дорогой, – искренне произнесла Агнесса, - с Вашим участием и поддержкой я уже прошла этап акклиматизации и, надеюсь, не создала Вам особых хлопот.

Сказав это, она поцеловала Сашу в щечку, отчего Саша густо покраснел и смутился.

А между тем, на сцене дома офицеров появилось высшее командование гарнизона, и взгляды собравшихся сосредоточились на отцах-командирах.

Сегодня они были по-новогоднему веселы и раскрепощены. Каждый из них поздравил собравшихся с наступившим Новым годом, и начальник гарнизона объявил о начале незабываемой танцевальной ночи.

Димон сделал попытку пригласить на танец Агнессу, но Андрей остановил его, сказав, что первый танец он хотел бы станцевать с Агнессой сам.

Димон тут же схватил Сашу под руку и потащил его в сторону незамужних сотрудниц метеостанции. Ну, девчонки, держитесь. К вам идет профессиональный покоритель женских сердец, неиссякаемый источник страсти Димон.

А Андрей прижал к себе раскрасневшуюся Агнессу, и она полностью покорилась его энергичным танцевальным па.

Как прекрасно выглядела эта молодая пара, как элегантно поддерживал свою Агнессу Андрей.

После танца Андрей подошел к своему командиру полка и представил ему Агнессу.

Командир полка, поцеловав ручку Агнессы, поздравил ее и Андрея с наступившим Новым годом и спросил:

- Андрей, а почему ты держишь взаперти такое милое создание?

- Павел Родионович, – произнес Андрей, - разве могу я Агнессу держать взаперти. Просто она еще не совсем привыкла к нашей армейской жизни.

- Андрей, чтобы Агнесса быстрее вошла в наш армейский ритм, ее нужно трудоустроить куда-нибудь к нам. Агнесса, где Вы в Петербурге работали? - спросил Павел Родионович Агнессу.

- Я, – переспросила Агнесса, - копирайтером в одном из рекламных агентств.

- А нельзя ли по-русски? - попросил Павел Родионович.

- Ой, извините, Павел Родионович, – воскликнула Агнесса, - это чисто профессиональное. По-русски, просто, журналист.

- Журналист, – оживился Павел Родионович, - тогда это совсем не просто, это даже очень не просто. Точнее, это даже очень замечательно.

- Знаете что, – продолжил Павел Родионович, - я вас сейчас представлю начальнику гарнизона. Только неделю тому назад мы общались с ним, и он посоветовал нам на то, что гарнизонная газета совсем умирает. Нет хороших специалистов, которые могли бы привнести в нее что-то новое, оригинальное. Сейчас наша газета смотрится боевым листком большого формата и только. Они подошли к начальнику гарнизона, который еще не успел отдышаться от очередного танца.

- Сергей Петрович, Наталья Викторовна, – обратился к начальнику гарнизона и его супруге Павел Родионович,

- поздравляю Вас с наступившим Новым годом. Желаю большого счастья и неиссякаемой любви.

- Спасибо, спасибо, Павел Родионович, – хором поблагодарили его начальник гарнизона с супругой.

- Что касается неиссякаемой любви, – произнес начальник гарнизона, - то мы, вам молодым, еще можем фору дать. Верно, Наталья? - обратился он к жене.

- Конечно, верно, Сергей, – с улыбкой посмотрев на мужа, согласилась Наталья Викторовна.

- А почему не представляешь молодых? – спросил Павла Родионовича Сергей Петрович.

- Я, в принципе, за этим и подошел к вам, – произнес Павел Родионович и представил, - командир отличного экипажа Потемкин Андрей Григорьевич и его – здесь он немного замялся, а потом сказал, - его девушка Агнесса, по профессии журналист.

Сергей Петрович сразу же оживился:

- Журналист, говорите. Так это же здорово.

- Скажите Агнесса, – обратился к Агнессе Сергей Петрович, - а что Вы заканчивали?

- Факультет журналистики Петербургского университета, - сообщила Агнесса.

- Так это же, совсем хорошо, – воскликнул Сергей Петрович.

- Андрей Григорьевич, – обратился он к Андрею, - Вы не будете против, если я предложу Вашей девушке должность заместителя главного редактора нашей гарнизонной газеты?

- Конечно, не буду, товарищ адмирал, – воскликнул Андрей.

- А Вы, Агнесса, – повернулся к Агнессе Сергей Петрович, - Вы не будете против моего предложения?

- Что Вы, Сергей Петрович, - воскликнула Агнесса, - я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы оправдать Ваши ожидания.

- Вот и отлично, – произнес Сергей Петрович, - а все, что от Вас не зависит, постараемся сделать мы. Тогда завтра же жду Вас у себя, чтобы сообщить Вам о состоянии дел и тех задачах, которые поставлены командованием перед коллективом редакции.

Тут снова заиграл гарнизонный оркестр, и Сергей Петрович пригласил Агнессу на танец.

Павел Родионович пригласил на танец Наталью Викторовну.

Андрей, оставшись один, прислонился к стенке, но уже через минуту к нему подошла Анна, соседка по коммунальной квартире и заплетающимся языком предложила ему станцевать с ней.

Андрей вынужден был согласиться на ее предложение.

Прижавшись к Андрею своей внушительной грудью, Анна попыталась поцеловать его в губы, но Андрей вовремя увернулся от ее поцелуя.

- Что, уже брезгуешь, – спросила она Андрея, - обзавелся кралей, теперь не хочешь меня?

- Анна, – произнес Андрей, - к чему этот разговор. Я тебя никогда и не хотел, ты же сама пришла ко мне.

- Да, пришла, – воскликнула Анна и, погладив Андрея по щеке, продолжила, - но ведь ты тоже тогда получил удовольствие. Я чувствовала это всеми клеточками моего тела. Неужели ты не замечал никогда, что нравишься мне.

- Анна, – произнес Андрей, - мне кажется, что для тебя нет таких мужчин, которые бы тебе не нравились. За исключением, может быть, твоего мужа

Анна с укоризной посмотрела на Андрея и, уже хотела ему что-то сказать, но оркестр перестал играть, и

Андрей вырвался из страстных объятий подвыпившей женщины.

Следующий танец Андрей танцевал с Агнессой, и Агнесса тихо спросила его:

- Андрей, что хотела от тебя твоя соседка?

- Ничего особенного, – произнес Андрей, - просто Анна немного захмелела, но в новогоднюю ночь это не возбраняется.

Агнесса еще раз внимательно посмотрела на Андрея, но, увидев его улыбающиеся голубые глаза, успокоилась и положила голову на его крепкое плечо.

По окончании танцевальной ночи, они договорились с ребятами, что новогодний стол вновь будет накрыт у Андрея и Агнессы в шесть часов вечера сегодняшнего дня. Димон и Саша обещали прийти в назначенное время и привести с собой Пашу.

Возвратившись домой, Андрей и Агнесса выпили по фужеру шампанского, обсудили сделанное Агнессе предложение и, как убитые, провалились в объятия сновидений.

XXV

Новый год в Петербурге решили встречать у Алины Георгиевны, так как квартира находилась в пяти минутах от Александровского парка, где в новогоднюю ночь проводились народные гулянья с фейерверками и выступлениями скоморохов.

Алина Георгиевна с Машей наготовили разных закусок и традиционного гуся с рисом и яблоками, а в данный момент занимались собой, готовясь к праздничному торжеству. Григорий Кузьмич с Борисом украшали в это время свежесрубленную елку, запахи от которой

распространялись по всей квартире, возрождая у обитателей квартиры детские воспоминания.

Григорию Кузьмичу вспомнилась маленькая елка, которую мама купила на колхозном рынке и, вместе с морозным паром, внесла в их небольшую комнату, которая находилась в двухэтажном доме, построенном еще при царе Горохе, как говорили взрослые. Этим они подчеркивали кричащую старость данной постройки. Он вспомнил, как вместе с мамой вырезал из картона самодельные игрушки, как заворачивал в фольгу грецкие орехи и осторожно вешал их на упругие елочные ветки.

Еще он вспомнил о том, как на последние деньги мама покупала в магазине понемногу разных дешевых конфет, пряников и печенья, и они долгим вечером укладывали их поровну в самодельные подарочные пакеты. И в каждый пакет обязательно был положен один мандарин и одна долька недорогой шоколадки. Подарков делалось не больше десяти, но зато они были такими красивыми, такими желанными.

За время каникул дворовая детвора могла побывать в большинстве комнат дома, в котором проживал маленький Гриша со своей мамой. И в каждой комнате взрослыми устраивался настоящий карнавал с выступлениями детей, с чаепитием и вручением ребятам новогодних подарков.

Только в одну комнату маленьким обитателям дома вход был закрыт. В этой комнате проживал угрюмый и вечно пьяный Иван Николаевич или просто дядя Ваня. Детвора побаивалась его, хотя за все время проживания в доме, дядя Ваня никому не сделал ничего плохого, но и ничего хорошего люди от него тоже не видели. Напившись, он еще больше хмурился, сжимал свои

здоровенные кулачищи и с руганью убирался в свою комнатушку.

Только на поминках, маленький Гришка узнал от взрослых, что, вернувшись с фронта домой, дядя Ваня не увидел никого из своих близких. Его дом вместе с женой и тремя детьми разбомбила немецкая авиация. Безжалостная война не пощадила тогда даже маленьких детей.

А Алине Георгиевне вспомнилась трехкомнатная квартира, по которой она носится за своей старшей сестренкой, иногда останавливаясь и помогая папе и маме украшать большую елку. Елка важно стоит в гостиной около окна, выходящего во двор. На елке уже висят с десятков бус и несколько гирлянд, а родители продолжают развешивать красивые стеклянные шары и игрушки, и, в заключение, на елке закрепляются десятки свечей, которые обязательно зажгут в новогоднюю ночь.

А еще ей вспомнились новогодние елки в домах культуры и Дворце пионеров, куда родители доставали красочные билеты с купоном «подарок». Какими красивыми были там елки, сколько детворы кружилось в хороводе вокруг их. А как боялась маленькая Алина волка, медведя и даже Деда Мороза. А вот лису с зайцем она совсем не боялась.

И, наконец, она вспомнила голубое платье и большой голубой бант, который украшал ее голову, когда она стояла под елкой и на радость взрослым дядям и тетям рассказывала стишок про Новый год:

Добренький волшебник
Елочку принес.
Раздает подарки
Щедрый Дед Мороз.

Зайки и лисички
Водят хоровод.
Встанем вместе с ними,
Встретим Новый год.

Из воспоминаний их вывел веселый голос Марии:

- А не пора ли нам садиться за стол, на часах уже одиннадцать вечера. Мы же должны, как следует, проводить старый год.

Когда присутствующие сели за стол, Борис обратился к дедушке:

- Дедушка, мы же забыли включить на елке лампочки.

Григорий Кузьмич посмотрел на елку, предосудительно покачал головой и, подойдя к елке, включил электрическую гирлянду:

- Иллюминация включена, можно приступить к проводам старого года.

Борис повернулся к бабушке и спросил:

- Бабушка, мы холошо укласили елку?

Бабушка погладила Бориса по голове и сказала, что она еще никогда не видела такой красивой елки.

Обрадованный Борис сел за стол с чувством выполненного долга.

Григорий Кузьмич разлил по фужерам красное вино для женщин и коньячок для себя, потом встал и произнес:

- Родные мои! Провожая старый год, я хочу выразить ему большое признание за то, что он познакомил меня с вами, и мы стали одной дружной семьей. Спасибо ему за это.

Женщины с удовольствием выпили, поддержав тост Григория Кузьмича. Борис тоже отпил из фужера своего любимого лимонада и стал с аппетитом уминать приготовленный мамой салат.

Немного закусив, Алина Георгиевна встала и предложила выпить за Андрея и Агнессу, за Светлану и Михаила, пожелав в заключение им всего хорошего. Присутствующие выпили за родных им людей и потянулись к закуске.

Выслушав тост, Борис ненадолго задумался, а потом, выйдя из задумчивости, произнес:

- Интелесно, как там дядя Андлей и тетя Агнесса?

- Малыш, – воскликнула Мария, - я думаю, что они сейчас тоже вспоминают о нас.

Борис посмотрел на маму, потом на бабушку, потом на дедушку и вдруг по-взрослому сказал:

- Как холошо, что вы у меня есть.

Взрослые по очереди подошли к Борису и, потрепав его по голове, поцеловали в щечку.

Вместе с боем курантов раздался залп открываемого шампанского, и присутствующие выпили за наступивший Новый год, пожелав друг другу большого счастья и всего самого хорошего.

Через десять минут стали раздаваться телефонные звонки. Поздравления поступали из Североморска и Геленджика, из Казахстана и петербургских квартир.

В эти минуты люди еще раз вспомнили друг о друге и поспешили поздравить друг друга от чистого сердца и с превеликим удовольствием. Именно этим и отличается Новый год от других праздников. Человеческая отзывчивость и великодушие раскрываются в этот праздник во всей своей красоте. Побольше бы таких праздников.

В час ночи Григорий Кузьмич, Алина Георгиевна, Мария и Борис, обрадованный тем, что обнаружил под елкой двухколесный велосипед, вышли из дому и направились в сторону Александровского сада. Встречные прохожие улыбались им и искренне

поздравляли с Новым годом. С небес медленно падал пушистый искрящийся снег, освещаемый ярким светом взрываемых петард. Взрослые радовались наступившему году по-детски искренне и раскрепощенно. Из пушистого снега они лепили снежные комочки и, смеясь, забрасывали ими знакомых и вовсе не знакомых им людей.

Александровский парк сотнями голосов и десятками петард поздравлял Петербург с Новым годом, с Новым счастьем. И Петербург отзывался на его поздравления многократно усиленным залпом новогоднего фейерверка и песенным многоголосием петербуржцев. Счастья вам, жители великого Петербурга, счастья вам, жители великой и щедрой на доброту России.

XXVI

А за океаном Владислав ровно в двенадцать часов ночи по московскому времени налил в бокал виски и залпом выпил его содержимое.

- Как бы мне хотелось сейчас хоть одну минуту посидеть за праздничным столом в своей петербургской квартире, – подумал он, – многое бы я отдал, чтобы вновь увидеть родных мне людей.

- Ну, так и отдай, – предложил ему внутренний голос, – что тебе мешает отдать кое-что, чтобы вернуться, хотя бы на время, в милый твоему сердцу мир.

- Зачем спрашиваешь, – укоризненно покачав головой, воскликнул Владислав, – ты же сам прекрасно знаешь, что мне туда дорога закрыта. Между мной и Россией стоит не открываемый шлагбаум.

- Врешь, – произнес внутренний голос, - хоть самому-то себе не ври. Любой шлагбаум можно поднять, если сильно захотеть. А, имея такие деньги, шлагбаум можно сломать как щепку.

- Не все так просто, как ты думаешь, – возразил Владислав, - за деньги можно сделать многое, но вряд ли за деньги можно вернуть любовь дорогого мне человека.

- А где же ты раньше-то был, – повысив голос, спросил внутренний собеседник, - все то время, что ты жил с любимым человеком, ты только и делал, что мучил его.

- Неправда, – про себя крикнул Владислав, - я не хотел мучить Марию. Я же не со зла приносил ей неприятности. Иногда по пьянке, иногда по глупости.

- Кончай лицемерить, – напирал внутренний голос, - не списывай свою бездуховность и эгоизм на глупость и спиртное. Ты осознанно это делал, стараясь вседозволенностью отомстить Марии за ее духовную чистоту и профессиональный талант. По сравнению с ней, ты - бездарь.

- Как ты смеешь со мной так разговаривать, – еще сильнее возмутился Владислав, - меня, заработавшего несколько миллионов, ты обзываешь бездарью.

- Ну ты, фу ты, миллионщик штопанный, – огрызнулся внутренний голос, - в наше время миллионы, к сожалению, зарабатываются не талантом и умственными способностями. Крепкий кулак, наглость и неприкрытая хитрость открывают дверь в российскую кладовую. А еще бездарность некоторых политиков, которых без оглядки выбрал народ.

- Ну, хватит, – мысленно заорал Владислав, - хватит меня учить. Я где-то уже слышал такие слова.

- А там и слышал, куда тебя сегодня так тянет, – ехидно хихикнул внутренний голос, - и еще не один раз

услышишь. Так, что бахвалиться своими способностями через свалившиеся на твою голову миллионы я тебе не советую.

- Какой же ты все-таки жестокий, – тусклым голосом произнес Владислав, – даже ты не хочешь меня поддержать.

- Я с тобой не хочу быть жестоким, – сменив гнев на милость, произнес внутренний голос, – просто, слишком долго ты не хотел прислушиваться ко мне, затыкая всякий раз своей пропитанной спиртным рукой мой рот. Но, если ты все-таки хочешь дружеского совета, то я прошу тебя, позвони Марии, поздравь ее и сына с Новым годом. Уж, если подарок не удосужился им послать, то, хотя бы, позвони.

Владислав попытался заткнуть свои уши, чтобы не слышать противное нравоучение, но потом решился и набрал телефон петербургской квартиры. На другом конце провода он услышал длинные равнодушные гудки, но даже эти бессердечные гудки показались ему такими знакомыми и такими родными. Он попробовал вновь набрать всплывший из памяти номер телефона, но, услышав все тот же длинный гудок, резко бросил телефонную трубку.

Глотнув еще немного виски, он вышел из дома и поехал в сторону своего магазина.

В магазине Родригес доложил ему о выручке, которую он за смену получил и о тех товарах, которые уже сегодня необходимо привезти на склад.

Настроение у Владислава так и не улучшилось, поэтому за товаром он послал Родригеса, а сам встал за кассу.

В кафе крутобедрая Анхела с очаровательной улыбкой обслуживала посетителей, изредка бросая на Владислава соблазнительные взгляды. Сколько таких взглядов ему приходилось стряхивать со своего лица

или оставлять их без ответа, но сегодня, поймав взгляд Анхелы, он впервые приветливо улыбнулся ей.

Часа через два Родригес приехал с товаром. Владислав, передав ему кассу, прошел в кафе и сел там за свой любимый столик.

Анхела тут же подошла к нему и приятным грудным голосом спросила:

- Мистер Погодин, Вам как всегда бутылку пива и пиццу?

- Нет, Анхела, сегодня я хочу выпить виски и съесть что-нибудь соленькое, - произнес Владислав.

Анхела быстро прошла к барной стойке и принесла оттуда бутылку виски, пачку соленых чипсов и такой же соленый сыр.

Владислав налил себе из бутылки немного виски, выпил содержимое до дна и стал без аппетита закидывать в рот чипсы.

Выпив еще немного, он внимательней присмотрелся к посетителям. За соседним столом сидела пожилая пара, всего скорей, пенсионеры. Они медленно попивали пиво, о чем-то мило переговариваясь. За пенсионерами сидели два крепыша. Отпив немного колы, они продолжили свой нескончаемый спор, не обращая никакого внимания на присутствующих в кафе посетителей.

Слева от Владислава перемигивались мохнатый длинный парень лет девятнадцати и покрытая веснушками девчонка лет шестнадцати.

За ними сидел подвыпивший мужичок лет сорока, который осоловелыми глазами облизывал открытые и закрытые прелести Анхелы. А когда она проходила мимо его столика, он порывался ущипнуть ее за привлекательный зад.

Анхеле это совсем не нравилось, но она продолжала с улыбкой обслуживать данного посетителя, и только когда мужик попытался заглянуть ей под юбку, она ударила его по руке. Мужик резко вскочил и, схватив Анхелу за руку, стал что-то ей выговаривать, дыша на нее перегаром.

Анхела вскрикнула от боли и попыталась вырваться из рук наглеца, но не тут-то было.

Еще вчера Владислав не обратил бы на поведение подвыпившего клиента никакого внимания, но сейчас он встал со своего места, подошел к мужику и, повернув его к себе, сделал правый апперкот, чтобы не портить физиономию мужика. Мужик как-то сразу обмяк и медленно осел прямо на пол.

Владислав, подмигнув Анхеле, так же медленно прошел к своему столу и, налив полный фужер виски, залпом его выпил.

- Надо же, – подумал он, - оказывается, я еще не забыл наставлений моего тренера по боксу, хотя как давно это было.

Через полчаса закончившая работу Анхела подошла к Владиславу и искренне поблагодарила его за защиту. Владислав помутненными глазами посмотрел на Анхелу и заплетающимся языком предложил подбросить ее до дома.

Анхела с удовольствием согласилась, но, заметив, как пошатывается мистер Погодин, она уговорила его не садиться за руль. Сама же она помогла мистеру Погодину сесть на правое сиденье, уселась за руль автомобиля, и машина плавно двинулась в сторону дома Владислава.

Подъехав к дому, Анхела вышла из машины и, поддерживая мистера Погодина, провела его в дом. Мистер Погодин тут же завалился на широкую кровать,

провалившись в глубокий сон.

Анхела осторожно сняла с него ботинки, закинула ноги на кровать, а сама присела рядом и стала с интересом смотреть на отключившегося мистера.

Немного посидев, она прошла в душ, несколько минут постояла под упругой прохладной струей и, закутавшись полотенцем, вернулась к кровати.

Мистер Погодин, раскинув свои ноги и руки, издавал разрывающие воздух звуки, похожие даже не на храп, а на рычание стаи тигров.

Анхела сначала растегнула поясной ремень, потом медленно стянула с ног брюки, потом, посмотрев на выступающий из-под облегающих трусов бугорок, нежно потрогала его своей смуглой рукой. От такого прикосновения ее бросило в жар, она еще энергичней стала гладить бугорок руками, а, когда почувствовала, что бугорок стал увеличиваться, поспешила освободить его из плена облегающих трусов.

- Какой хорошенький корешок, – подумала она и совсем низко наклонила к нему свою голову. Ей захотелось прямо сейчас поцеловать набухающий корешок, но, продлевая удовольствие, она сначала прижалась к нему своей щекой, потом медленно провела по нему своим разгоряченным язычком.

По ее телу пробежала сначала одна обжигающая волна, потом другая, потом всю ее накрыл девятый вал страсти. Накрыл, отключив ее рассудок и обострив ее чувства.

Между ног у Анхелы стало мокро и очень приятно, она тихонько привстала и медленно села на затвердевший корешок мистера Погодина.

Вместе с корешком в Анхелу вошла обжигающая приятность, которая, разливаясь по телу, еще больше возбуждала ее.

Она стала медленно двигать великолепным задом, заводясь все больше и больше. Из ее горла начали вырываться сначала звуки, похожие на слабый стон, потом тихие вскрики, потом стоны с визгом и, наконец, раздался крик стопроцентного блаженства, и Анхела под действием оргазма отключилась на несколько секунд.

Мистер Погодин лениво пошевелился, потом приоткрыл свои ослепленные глаза. Увидев перед собой упругие груди Анхелы, он сначала внимательно на них посмотрел, потом впился в них своими пересохшими губами. Хмель на некоторое время вылетел у него из головы и он, перевернув Анхелу, продолжил с ней любовную игру. Следующий оргазм захлестнул их обоих. Через две минуты Всеволод, повернувшись на бок, захрапел с новой силой. Анхела осторожно встала, прошла в ванную комнату, еще раз сполоснулась под душем, смыв соленый налет возбуждавшего ее экстаза. Найдя в ванной ароматизированную салфетку, она вернулась к кровати и нежно обтерла салфеткой утомившийся корешок мистера Погодина.

Проснулись они в десять часов утра.

Протерев глаза, Владислав вопросительно посмотрел на лежащую рядом обнаженную Анхелу, потом перевел взгляд на завалившийся на бок корешок.

Полежав несколько мгновений без движения, он вновь взглянул на Анхелу.

Анхела улыбнулась ему в ответ и произнесла:

- С добрым утром, мистер Погодин.

- С добрым утром, - пробурчал в ответ Владислав и встал с кровати.

Он прошел в кухню и, вытащив из холодильника бутылку пива, залпом ее выпил.

Взяв еще одну бутылку пива, он вернулся к кровати, в которой еще нежилась удовлетворенная и радостная Анхела. Он протянул ей бутылку пива, но Анхела отрицательно покачала головой и, встав с кровати, прижалась к мистеру Погодину. Прижавшись, она поцеловала его в губы, а, заметив замешательство, спросила:

- Мистер Погодин, у Вас есть кофе?

- Конечно, есть, – произнес успокоившийся Владислав, – пройди на кухню, там ты найдешь все необходимое для приготовления кофе.

Вихляя бедрами, Анхела прошла на кухню, а Владислав поспешил в душ, чтобы поскорее смыть с себя аромат суматошной ночи.

Выйдя из душа, он прошел в кухню, где его ждали улыбающаяся Анхела и чашечка ароматного кофе, которую с любовью приготовила для него удовлетворенная этой ночью женщина.

За чашечкой кофе Анхела спросила:

- Мистер Погодин, а чьи фотографии стоят у вас на столе.

- Это фотографии моей жены и сына, – ответил Владислав, - они сейчас спят далеко-далеко в России.

- В России? – переспросила Анхела, - это, наверное, совсем далеко.

- Да, Анхела, – вновь загрустил Всеволод, - это ой, как далеко.

Уловив грустные нотки, Анхела быстро оделась и, поблагодарив за все мистера Погодина, поспешила на выход.

XXVII

Североморск нехотя просыпался после танцевальной ночи. Кто-то заступал на боевое дежурство, в душе завидуя тем, кто готовился к продолжению банкета, кто-то возвращался с очередной вахты с мыслью о том, что сегодня он обязательно наверстает упущенное вчера. К таким мечтателям относился и Паша Лунгул, которого уже успел известить Димон о предстоящем торжестве в компании Андрея и Агнессы.

Сам же Димон, разбудив недовольного Сашу, потащил его в ближайший пивбар, в котором их поджидала игривая и незамужняя барменша Варвара. Пиво из ее пухленьких ручек было особенно приятным.

При виде Димона, она взмахнула своими руками-крыльями и, прижав его к своей пышной груди, проворковала:

- Ах, ты мой Димончик, ласковый мой! Вижу, что соскучился по хорошему пивку. Димончик знает, что хорошее пивко есть только у доброй Варвары.

- Ой, Варвара, – поддержал ее веселый Димон, - если бы я не был таким противным, я бы обязательно посватался к тебе. Но, с таким рылом разве могу я претендовать на прелестное создание по имени Варвара.

- Ах, ты мой проказник, – воскликнула польщенная Варвара, - а почему от тебя пахнет женскими духами? Неужели после танцевальной ночи мой Димончик успел залезть к кому-то в постель?

- Варвара, разве могу я изменить тебе, – посмотрев на Варвару невинными глазами, ответил Димон, - когда я ложусь в постель, передо мной появляется твое улыбающееся личико, и всех любимых женщин я начинаю называть прекрасным именем Варвара. Вот и

сегодня, меня с позором согнали с постели после того, как я упомянул в экстазе твое имя.

- Димончик, как же ты страдаешь из-за меня, – воскликнула Варвара, - родненький ты мой, вот тебе самая лучшая пена в самой большой кружке.

Она налила ему две кружки пива, одну из которых удовлетворенный Димон протянул сидящему за столом Саше.

- Ну, Сашок, за все хорошее, - сказал Димон и на одном вдохе выпил всю кружку.

- Кружка пива, а как меняется жизнь, - воскликнул Димон и быстро вернулся к барной стойке.

На стойке его уже поджидала вторая кружка пива, которую Варвара, в знак особого уважения, чмокнула своими сочными губами.

Димон взял наполненную кружку и, сделав воздушный поцелуй, вернулся за столик, где не спеша попивал пиво еще не пришедший в себя Сашок.

- Саша, – воскликнул Димон, - от нечего делать пьют только дураки. Умные же обычно находят причину. Какая причина у нас сегодня?

Саша рассеянно посмотрел на Димона и произнес:

- Димон, а давай выпьем за любовь.

- Потрясный тост, – сказал Димон, - да за такое надо пить, пить и пить.

Они отпили по большому глотку пива, после чего Саша сказал:

- Димон, если мы будем пить и пить, то до вечернего торжества мы вряд ли доживем. А мне так хочется побывать в своей квартире и там выпить за своих друзей и, конечно же, за жену.

- Сашок, дорогой, – воскликнул Димон, - сегодня не тот день, чтобы грустить. А твоя жена обязательно придет. Это говорю тебе я, великий укротитель женских сердец.

А Андрей с Агнессой готовились к встрече гостей. У них уже были приготовлены разные салаты, и сейчас они колдовали над большим гусем, которого Агнесса набивала отваренным рисом.

- Агнесса, – спросил Андрей, - а мы будем обкладывать его яблоками?

- Конечно, будем, – ответила Агнесса, - только яблоки нужно достать из холодильника.

Андрей достал из холодильника яблоки и, помыв, передал их Агнессе.

- Яблоки я положу возле гуся чуть-чуть позже, – сказала Агнесса, - когда корочка у гуся начнет румяниться.

Поставив в духовку гусятницу, Агнесса сняла фартук и, поцеловав Андрея, удалилась в ванную комнату.

Андрей еще раз проверил содержимое холодильника и, убедившись в том, что праздничный комплект в полном порядке, присел возле плиты.

- Как хорошо, что я ее встретил, – подумал Андрей, - интересная вещь, еще совсем недавно мы были совершенно незнакомы, а сейчас она для меня самый близкий и родной человек. Или мне это только так кажется?

Андрей прислушался к веселому мурлыканью, которое раздавалось из ванной комнаты.

Агнесса, делая макияж, напевала что-то себе под нос.

- Нет, – подумал Андрей, - нам действительно хорошо вместе.

Ровно в шесть часов вечера в дверь квартиры позвонили, и Андрей спешно ее открыл.

За дверью стояли Димон с какой-то симпатичной девушкой, Саша и Паша Лунгул со своей женой Ларисой.

Гости с шумом вошли в прихожую, поздравляя Андрея и Агнессу и передавая им принесенный новогодний провиант.

- С Новым годом, с новым счастьем, - раздавались из прихожей веселые голоса гостей.

Наконец, гости разделись и расселись за праздничным столом.

- Разрешите представить, – воскликнул Димон, - лучший прогнозист плохой погоды на всем северном побережье Алена Николаева. Прошу любить и жаловать.

От этих слов Алена покраснела, как рак, и в шутку шлепнула Димона по плечу.

- Димон, – произнес Андрей, - разве можно так смущать симпатичных девушек?

- Андрей, – воскликнул Димон, - только симпатичных девушек и нужно смущать. От этого они становятся еще прекрасней.

- Димон в своем репертуаре, – весело произнес Паша, - а не пора ли нам налить?

Андрей по праву хозяина разлил спиртное по фужерам и стопкам и сказал:

- Дорогие друзья! Хочу поздравить вас с наступившим Новым годом и пожелать вам счастья, любви и новых приятных встреч.

Обрадованные поздравлением гости дружно выпили за это и принялись за многообразие закусок, похваливая хозяев за кулинарное мастерство.

Паша молча сходил на кухню и приволок оттуда две тарелки холодца:

- Ребята, вот под эту закусочку можно выпить и по второй. А так как такую прекрасную закуску приготовила моя жена, то я в ее лице хочу выпить за

всех женщин и девушек, которые присутствуют на нашем прекрасном мероприятии.

Выпив, присутствующие попробовали холодец с хренком, не переставая нахваливать Ларисины золотые руки.

Но у Ларисы можно было хвалить не только руки, но и ее звонкий голос. Когда она запела песню про пять минут из кинофильма «Карнавальная ночь», все присутствующие ее поддержали.

Спев хором еще несколько песен, налили по третьей, и слово взял Саша:

- Дорогие мои друзья, давайте выпьем за то, чтобы в новом году любящие никогда не расставались друг с другом, чтобы семейный очаг никогда не затухал.

Было видно, что Сашка продолжает грустить, что, говоря тост, он своими мыслями находится где-то там, далеко.

- Саша, дорогой, – произнесла Агнесса, - постарайся сегодня не грустить, твоя любовь обязательно вернется. Раздались ободряющие голоса и дружный звон бокалов.

- Ой, совсем забыла, – воскликнула Агнесса, - у меня же в духовке гусь томится.

Вместе с Андреем она поспешила на кухню и через пару минут вышла к гостям с дымящейся гусятницей.

Андрей ловко разрезал гуся на внушительные куски и, чтобы никого не обидеть, предложил разыграть их, не глядя.

Димона поставили в позу человека, страдающего радикулитом, а Алена указывала на кусок и спрашивала Димона: «А этот кусок кому мы подарим».

В конце концов, куски по справедливости были распределены между присутствующими.

Жирная гузка досталась самому Димону, который, оказывается, только о гузке и мечтал.

Выпив под гуся, гости решили малость поразмяться, для чего включили магнитофон и танцы начались. В репертуаре, в основном, были быстрые танцы, а хоровод решили отложить на потом. Ведь лучше это сделать вокруг елки, которая зазывала своими огнями на центральную площадь Североморска.
Димон, по традиции, взял гитару и запел:

Ты сидела вблизи, твои плечи дрожали.
Над красивым лицом потешался закат.
Ты противилась злу и добру возражала,
Продолжая всерьез в недотрогу играть.

Как дороги минуты откровения
В ночной тиши у дымного костра,
Когда часы похожи на мгновения,
А на губах волнующая страсть.

И увидела ночь потепление взгляда,
Ты сумела унять бестолковую дрожь.
Как себя превозмочь, если чувствуешь рядом
Откровенья любви, а не сладкую ложь.

Засмотрелся рассвет на счастливые лица,
Заглянув невзначай под небесный шатер.
Безрассудная ночь к нам еще возвратится.
От дыханья любви не погаснет костер.

Закончив петь, Димон взял свою стопку и предложил выпить за любовь, которую в новом году каждый человек должен обязательно найти.

Выпив свою стопку, он с нежностью посмотрел на гузку, но закусил только рисом, которым был заправлен приготовленный Агнессой гусь.

Есть больше не хотелось, да и питье уже не лезло в горло, поэтому присутствующие решили пройтись по свежевывавшему снежку до центральной площади, где собралась уже большая часть обитателей близлежащих домов.

Справа от елки играла гармошка, под которую выкаблучивали подвыпившие североморцы. Слева нестройные голоса выводили знакомые всем слова «эй, мороз, мороз...».

Развеселый Североморск, не оглядываясь на хмурые сопки, отмечал встречу Нового года и желал этому году радостных, солнечных дней, а своим жителям счастья и любви, благополучия и мира.

Так пожелаем же и мы славному Североморску и его жителям много радостных и знаменательных событий в Новом году.

XXVIII

Проснувшись в час дня, Алина Георгиевна тихонько прошла на кухню, чтобы сделать необходимые приготовления к отъезду на дачу.

Григорий Кузьмич еще полчасика подремал, после чего тоже встал и, заглянув на кухню, сначала поцеловал Алину Георгиевну, потом вынул из холодильника банку с квасом и с удовольствием выпил из нее добрых поллитра.

- Ну что за прелесть этот напиток, – воскликнул он, - не квас, а эликсир бодрости какой-то.

Алина Георгиевна с улыбкой посмотрела на него и предложила позавтракать, но Григорий Кузьмич наотрез

отказался, сказав, что завтракать он будет вместе со всеми.

В это время раздался веселый смех Бориса, и он показался на кухне:

- Бабушка, дай мне, пожалуйста, соку.

Алина Георгиевна налила Борису чашку соку, заблаговременно вынутого из холодильника.

- Ну, весь в дедушку, – сказала она, - как встал, так и за питье.

- А что ж ты думаешь, – произнес Григорий Кузьмич, - сразу видно крепкий мужичок вырастет.

- Дедушка, я не мужичок, я мальчик, - возразил Борис.

- Сейчас мальчик, – сказал Григорий Кузьмич, - а немного вырастешь и будешь мужичком.

Вслед за Борисом на кухне появилась заспанная Мария:

- Приснится же такое – сказала она, - какая-то черная птица налетела на украшенную елку и утащила ее.

- Действительно не хороший сон, – согласилась Алина Георгиевна.

- Ну, нашли причину расстраиваться, – бодро произнес Григорий Кузьмич, - мне еще не такое снилось и ничего.

Позавтракав, обитатели квартиры быстро переоделись и вышли на улицу. Январское солнце щекотало своими лучами свежевывавший снежок, который незлобиво поскрипывал под ногами прохожих. Легкий морозец нехотя пощипывал носы и щеки спешащих по своим делам петербуржцев, словно испрашивая у них благодарности за то, что обеспечил им в этом году поистине новогоднюю погоду.

Выскочив из подъезда, Борис схватил большую охапку свежего снега и, не делая комочка, бросил снег в вышедшую вслед за ним маму.

- Ах, ты проказник, – воскликнула Мария и в свою очередь, слепив небольшой снежок, бросила его в убегающего Бориса.

Григорий Кузьмич, вспомнив детство, обнял Алину Георгиевну и вместе с ней завалился в сугроб.

Борис громко засмеялся, глядя на валявшихся в снегу дедушку и бабушку, потом быстро подбежал и упал прямо на дедушку.

- Вот тебе и куча мала, – засмеялся Григорий Кузьмич, - Борис, нам бы с тобой бабушку не раздавить.

Борис тут же встал и попытался помочь бабушке.

Отряхнувшись, они сели в машину и поехали на дачу, весело вспоминая недавнее купание в свежевыпавшем снегу.

Борис возбужденно рассказывал о том, как он забросал у подъезда маму снежками, а взрослые с удовольствием слушали его и периодически похваливали.

Вереница машин тянулась за город, постоянно возникали дорожные пробки, но они не могли испортить праздничного настроения едущим на природу петербуржцам.

То и дело были слышны поздравительные сигналы автомобильных клаксонов, а едущие навстречу машины миганием фар предупреждали водителей о скорой встрече с автоинспекцией.

Приехав на дачу, они первым делом затопили в гостиной камин, после чего стали переносить из машины привезенный груз.

Оказав помощь женщинам, Григорий Кузьмич пошел растапливать заиндевевшую баню.

Борис по-деловому обошел двор и, заметив чьи-то следы, сообщил об этом дедушке.

Григорий Кузьмич внимательно присмотрелся и определил, что в саду без хозяев резвился крупный заяц.

Борис внимательно выслушал дедушку, а потом предложил:

- Дедушка, а давай позовем зайку в гости.

- Позвать-то можно, да вряд ли заяц откликнется на наш зов, – предположил Григорий Кузьмич,- зайцы боятся человека не меньше хитрой лисички.

- Дедушка, – спросил Борис, - а здесь и лисички бегают?

- Конечно, бегают, – ответил Григорий Кузьмич, - только, когда нас здесь нет.

Борис очень удивился такому известию, он быстро повернулся и побежал к бабушке и маме делиться интересной информацией.

Григорий Кузьмич взял топорик и пошел в лес за ольховыми дровами, но не успел он дойти до дачных ворот, как его догнал Борис:

- Дедушка, я тоже с тобой, можно?

- Конечно, можно, – разрешил Григорий Кузьмич. - вдвоем мы, во-первых, не заблудимся, а, во-вторых, принесем больше дров.

Возвращаясь обратно, они встретили подвыпившего Степаныча, выводившего на прогулку своего бульдога.

Хмуро посмотрев на Григория Кузьмича, он что-то пробурчал себе под нос и прошел мимо, даже не ответив на приветствие.

Пройдя вперед несколько шагов, он зло посмотрел в спину Григорию Кузьмичу, потом перевел взгляд на Бориса и что-то опять пробрюзжал.

Через час женщины пошли в прогретую и наполненную благовониями баню, а Григорий Кузьмич занялся, по обыкновению, мангалом.

Борис с усердием пытался ему помочь, но от его помощи Григорию Кузьмичу прибавилось только хлопот. Несмотря на это, он все равно похваливал маленького помощника.

Солнце уже зашло за припорошенный снегом горизонт, дачные дома взглянули на лес освещенными окнами, и из них полились веселые песни о Новом годе и елочке, о любви и счастье, о красивых девушках и смелых парнях и, конечно же, о лете.

Распаренные женщины вышли из бани, освободив полк для Григория Кузьмича и Бориса.

Григорий Кузьмич сначала несколько минут погрел в парилке Бориса, затем ополоснул его и передал в руки бабушке. Только после этого он сам впал в банную нирвану, из которой вышел только через полтора часа. Угли к тому времени уже стали остывать, поэтому Григорий Кузьмич снова раздул в мангале огонь и положил туда ольховые чурки.

Нанизанное на шампура мясо двадцать минут томилось на ольховом дыму, возбуждая у окружающих зверский аппетит.

Выпив и закусив шашлычком, взрослые вместе с Борисом закружились вокруг маленькой сосенки с песней «В лесу родилась елочка, в лесу она росла». Потом были еще песни взрослых и стихотворения, которые рассказывал взрослым Борис. Григорий Кузьмич вынес во двор большие новогодние петарды, и праздничный фейерверк всколыхнул звездное небо.

- Ура, – закричал маленький Борис.

- Ура, - поддержали его раскрасневшиеся взрослые.

«У р р а а а» - эхом разнеслось по округе.

XXIX

На следующий день Андрей проводил Агнессу к начальнику гарнизона. Сергей Петрович радушно встретил Агнессу и рассказал ей о том, что главный редактор в газете молодой и у него очень много

организационных вопросов. Он не всегда успевает за событиями, поэтому заместитель должен ему в этом помочь и взять на себя все вопросы формирования газетных полос. Рассказав Агнессе о своих планах по гарнизонной газете, он вызвал к себе главного редактора, капитан- лейтенанта или, проще, каплея Дудко Игоря Константиновича и приказал ему представить Агнессу коллективу редакции. Редакция находилась в гарнизонном Доме офицеров, куда и проводил Агнессу каплей Дудко.

Представив Агнессу сотрудникам, он заторопился по неотложным делам, обещав ей всяческую помощь.

Коллектив редакции, кроме главного редактора, включал в себя пять человек: технического и выпускающего редакторов, фотокора, корректора и секретаршу.

Кроме того, с газетой сотрудничали до пяти внештатных корреспондентов и заядлый составитель кроссвордов, военный пенсионер Козлов Валерий Мартынович.

Побеседовав с коллективом и рассказав им о задачах, которые поставил перед ними начальник гарнизона, Агнесса зашла в свой кабинет и, через секретаршу Полину, стала приглашать к себе поочередно всех сотрудников редакции.

Первой к ней зашла Котлова Марина Сергеевна, занимающая должность технического редактора. Она рассказала о том, что приехала в Североморск вместе с мужем, который плавает у нее на одном из крейсеров Северного флота. Первые два года нигде не работала, так как занималась младшей дочкой, а в редакции работает около четырех лет и работа ей нравится. Имея двух дочек, успевает по вечерам посещать занятия гарнизонного хора.

За Мариной Сергеевной в кабинет вошел щупленький пожилой человек, фотокор Щепкин Антон Ильич. Оказывается, фотографией Антон Ильич занимается всю свою сознательную жизнь. Из-за любимого занятия так и остался холостяком, о чем ни капли не жалеет. Было видно, что по характеру он замкнут и неразговорчив, а, если начинает говорить, то разговор его больше похож на брюзжание недовольного человека.

Холостяцкая жизнь, все-таки, наложила на Антона Ильича свой мрачный отпечаток.

В отличие от него, Алла Викторовна Коноплева, занимающая должность корректора, была молодой и жизнерадостной женщиной. Войдя в кабинет, она мило улыбнулась и, без предисловий, стала рассказывать о себе. Оказалось, что Алла родилась в Североморске и покидала его только на время обучения в полиграфическом училище. Вернувшись в Североморск, она вышла замуж за своего одноклассника, который через год уехал в Петербург, да так оттуда и не вернулся.

Детей у Аллы не было, и все свободное время она проводила у подруг, с которыми вместе когда-то училась.

Последней в кабинет вошла моложавая, ярко накрашенная женщина, выпускающий редактор Зюзина Вера Павловна. Училась она в свое время в институте телевидения и кинематографии, а, познакомившись на танцах с выпускником ленинградского военно-морского училища, вышла за него замуж и приехала в Североморск. По ее интонации можно было заметить, что она сожалеет о приезде в Североморск. Ее муж плавает на атомной подводной лодке и дома бывает

очень и очень редко, да и детьми они до сих пор еще не обзавелись. А кто в этом виноват, сам бог не поймет.

Вот с таким коллективом предстояло Агнессе возродить гарнизонную газету.

Ознакомившись с последними номерами газеты, Агнесса пришла к услышанному раньше мнению, что это не газета, а боевой листок большого формата.

Во-первых, ей захотелось по-новому назвать гарнизонную газету, но она понимала, что сразу делать такие кардинальные изменения ей никто не разрешит. Поэтому, вспомнив университет, она решила, прежде всего, придумать новый слоган, или по-военному - боевой лозунг газеты.

Вместо старого заигранного «Да здравствуют защитники северных рубежей», она сочинила «За нами Родина, впереди океан». Ей показалось, что на этот лозунг военнослужащие гарнизона быстрее откликнутся и станут с газетой дружить.

Были придуманы новые рубрики, такие как «Весточка из дома», «Дедовщину на абордаж», «Воспоминания о море» и новые формы подачи материала.

На следующий день о своих предложениях Агнесса рассказала каплею Дудко.

Тот без особого энтузиазма выслушал Агнессу, но, вспомнив решительный голос начальника гарнизона, согласился с ее предложениями.

Через два дня Агнесса упросила Игоря Константиновича, чтобы тот поближе познакомил ее с командирами и личным составом частей, которые базируются в Североморске.

Целых две недели Агнесса в сопровождении Игоря Константиновича посещала казармы и корабли, эскадрильи и пограничные посты.

Уставшая, она возвращалась вечером домой, и Андрей, видя ее счастливые глаза, радовался вместе с ней.

В один из февральских дней Агнесса, в который уже раз, побывала на аэродроме и там узнала, что в конце одной из рулежек стоят три самолета местного аэроклуба, с которых за определенную плату можно выполнить парашютный прыжок.

Вечером она поделилась своим желанием выполнить парашютный прыжок с Андреем.

Тот удивленно посмотрел на Агнессу, потом спросил:

- А сможешь ли ты сделать шаг в открытую дверь?

- Андрей, милый, – воскликнула Агнесса, - я, конечно, очень боюсь. Но, побывав на аэродроме, мне так захотелось подняться в небо.

- Ну, если тебе этого хочется, то попробуй, - сказал Андрей, - только перед прыжком обязательно вспомни обо мне.

- Милый, ты же знаешь, что я постоянно думаю о тебе, - воскликнула Агнесса.

После нескольких тренировок, в очередную субботу Агнесса приехала на аэродром, где молодой инструктор провел с ней инструктаж по поведению в самолете и порядке выхода из него. Пристегнув подвесную систему, он подтолкнул ее к самолету и сам пошел вслед за ней.

Самолет, набирая скорость, оторвался от земли и стал быстро набирать высоту. Шум двигателей заглушал голоса готовящихся к прыжку. Агнесса выглянула в иллюминатор, и сердце ее учащенно забилося.

- Может быть, не стоило садиться в самолет? - подумала Агнесса, - ведь так далеко до земли.

- Ничего не далеко, – возразила она сама себе, - люди же прыгают, а я чем хуже. Прыгну, прыгну, обязательно прыгну.

Тут ее кто-то тронул за плечо. Она повернула голову и увидела инструктора, который предлагал ей встать и подготовиться к прыжку.

Агнесса медленно поднялась на обмякшие отчего-то ноги, послушно повернулась к инструктору спиной, и тот пристегнул ее к своей подвесной системе.

Дверь открылась, и Агнесса машинально попятилась назад. Инструктор с трудом удержал ее на месте, но подойти вместе с ней к двери никак не мог. Она еще несколько секунд из последних сил сопротивлялась инструктору, потом закрыла глаза, и сделала шаг в бездну.

С четырех тысяч метров они быстро снизились до тысячи метров, после чего инструктор дернул за кольцо и парашют быстро открылся. Агнесса открыла глаза и, увидев над собой открытый купол, сделала попытку улыбнуться своему инструктору. Потом она посмотрела вниз и увидела белоснежные сопки, город Североморск и очищенную от снега взлетно-посадочную полосу.

- Какая красота, – подумала отошедшая от шока Агнесса, - за такие мгновенья стоит идти на риск. Надо же, я сделала это. Мне кажется, что я себя еще больше зауважала.

И тут удар, и Агнесса с инструктором, завалившись на бок, были накрыты угасшим куполом парашюта.

Секунды две они неподвижно пролежали под куполом, потом инструктор отбросил часть купола, и они встали на непослушные ноги.

Инструктор отстегнул Агнессу от своей подвесной системы и искренне поздравил ее с первым прыжком. Агнесса, в знак благодарности, поцеловала инструктора в щеку и, гордо подняв голову, пошла в сторону стоянки.

- Ура, я сделала это, - мысленно говорила Агнесса самой себе.

На следующий день Андрей пригласил своих друзей, чтобы вместе с ними отметить первый прыжок, который совершила его бесстрашная Агнесса.

К этому времени специалистами аэроклуба был смонтирован видеофильм обо всех этапах Агнессино прыжка.

Первым делом, они посмотрели подготовленный фильм и от души посмеялись над упирающейся Агнессой, потом сели за стол, и Димон сказал сакраментальную фразу:

- Друзья, я восхищаюсь этой женщиной. Жаль, что она не моя. За тебя, летающая Агнесса.

Все дружно выпили за Агнессу и ее удачный первый прыжок.

- Ребята, – воскликнула Агнесса, - после приземления мне вновь захотелось в самолет. Мне вновь захотелось прыгнуть. Я, кажется, серьезно заболела небом.

- У меня было такое же желание после первого прыжка, – сообщил Андрей.

- А я после первого прыжка захотел тут же уехать с аэродрома, – сказал Димон, - и хвастануть о прыжке своим друзьям. После этого они на меня стали смотреть совсем по-другому. Да и девчонки, увидев парашютный значок на моей груди, стали значительно сговорчивей.

Саша, разлив спиртное по фужерам, произнес:

- Андрей! Я знаю, что Агнессу теперь постоянно будет тянуть на аэродром. Не удерживай ее, потому что с небом человека разлучить невозможно. Агнесса, я хочу выпить за твоё прекрасное стремление.

Встречаясь с друзьями, Сашка все реже стал сдерживать свою поэтическую мечтательность, становясь более открытым и общительным.

Еще немного посидев, Димон с Сашкой заторопились в общежитие, готовиться к завтрашнему боевому дежурству на знакомом им эшелоне.

Андрей и Агнесса, убрав со стола, стали готовиться ко сну.

Андрей пошел в ванную, где встал под прохладный душ, смывая с себя соленый пот заканчивающегося воскресенья.

Агнесса осторожно вошла в ванную и, скинув с себя халат, встала рядом с Андреем.

Прохладные брызги попытались охладить ее разгоряченное тело, но близость Андрея еще больше разожгла охватившую Агнессу страсть.

Она нежно дотронулась рукой до мускулистой груди Андрея, потом коснулась ее своими влажными губами.

Андрей прижал к себе жаждущую ласки Агнессу, и она задрожала от нетерпения в его крепких объятиях.

- Агнесса, – прошептал Андрей, - я очень люблю тебя, моя радость.

- Я тоже люблю тебя мой милый, – с волнением в голосе произнесла Агнесса.

Чтобы не мешать двум любящим сердцам и бьющимся в нетерпении телам, я тихо удаляюсь из ванной комнаты и предлагаю читателям пофантазировать на тему эротического продолжения сегодняшнего вечера, а, может быть, и ночи.

Нет, мне, кажется, нужно бежать из квартиры, так как голоса влюбленных начинают доставать меня и в гостиной. А вас разве не достают эти голоса?

XXX

Утром Мария с трудом разбудила Бориса. Он нехотя встал и, шаркая тапками, побрел в туалет.

За завтраком он неохотно отвечал на мамины вопросы, и вяло ел приготовленный для него йогурт.

Мария сделала попытку его поторопить, но, поймав на себе недовольный взгляд Бориса, решила больше его не расстраивать.

Наконец, они вышли на улицу и, доехав до садика, стали прощаться.

- Борис, – сказала Мария, - у меня сегодня вечерний спектакль, поэтому вечером за тобой придет бабушка.

Борис печальными глазами посмотрел на маму и спросил:

- А завтла мы с тобой увидимся?

- Конечно, малыш, – воскликнула Мария, - уже сегодня я приеду к бабушке, и мы завтра вместе пойдем в садик. Немного успокоившись, Борис поцеловал маму и побрел к воспитательнице. Дойдя до воспитательницы, он обернулся и помахал маме рукой.

При виде расстроенного Бориса, у Марии как-то неприятно защемило сердце, но она постаралась выбросить из головы нахлынувшие на нее тревожные мысли.

Приехав вечером в садик, Алина Георгиевна узнала о том, что Борис куда-то пропал.

Это известие выбило ее из колеи, и Алина Георгиевна машинально позвонила Марии, чтобы узнать, не забрала ли Бориса она. Мария в своей примерке готовилась к спектаклю, но, узнав о пропаже Бориса, бросилась к директору, и тот отпустил Марию домой.

Спектакль пришлось отложить минут на сорок, и в нем сегодня играла уже другая актриса.

Алина Георгиевна позвонила Григорию Кузьмичу, и тот тут же приехал в садик.

Воспитательница рассказала о том, что, как обычно, она вывела свою группу во двор за час до прихода

родителей. Дети играли возле горки, и Борис был вместе с ними. Минут за десять до прихода Алины Георгиевны воспитательница заметила отсутствие Бориса.

Что-либо конкретное она рассказать не смогла.

Взрослые еще раз обошли садик и прилегающую площадку, но следов Бориса им найти так и не удалось.

Григорий Кузьмич позвонил своему знакомому из уголовного розыска, а Алина Георгиевна сообщила о пропаже внука друзьям, которые недавно защитили Марию от нападков Пастухова и Варнавского.

Сотрудники уголовного розыска занялись выяснением обстоятельств и поиском пропавшего ребенка, о похищении которого было объявлено по петербургскому телевидению.

На следующий день друзья Алины Георгиевны приехали в офис «Улетной недвижимости» и, застав там Александра Варнавского, учинили ему допрос.

Варнавский сам был в недоумении, но, испугавшись, рассказал им о разговоре, который навязал ему недавно Кирилл Пастухов.

Он рассказал о том, что Кирилл до сих пор тешит надежду вернуть свои деньги, и в последний раз намекнул о похищении ребенка.

- Но это совершенно не значит, – воскликнул

Варнавский, - что Кирилл замешан в пропаже ребенка.

Информацию, полученную от Варнавского, передали в следственные органы, и Кирилл Пастухов был взят под стражу. На допросе он категорически отрицал свою причастность к краже ребенка. Адвокаты Кирилла рассказывали корреспондентам о его непричастности и о тех отвратительных условиях, в которых содержится их подзащитный.

Узнав о том, что ребенок пропал у известной петербургской актрисы, почитатели ее таланта в открытом письме к властям потребовали немедленно найти похитителей и наказать их по всей строгости закона.

Но продолжительный поиск Бориса так и не принес пока никаких результатов.

Кто-то из жителей близлежащих домов вспомнил о том, что приблизительно в то время, когда пропал Борис, к садику подъезжала какая-то машина, и минут десять из нее никто не выходил.

Данная информация не могла внести существенных корректив в поиски пропавшего мальчика, так как в этот промежуток времени к садику подъезжали десятки машин.

Мария и Алина Георгиевна находились в подавленном состоянии, и Григорий Кузьмич делал все возможное, чтобы помочь им.

- Боренька, мой малыш, – мысленно звала своего мальчика Мария, - где ты сейчас, мой голубоглазый.

И слезы опять заливали ее красивое лицо.

Глядя на Марию, Алина Георгиевна тоже начинала рыдать, и это рыдание разрывало сердце Григория Кузьмича.

Он, как мог, успокаивал плачущих женщин, но горе было таким большим, что никакие успокоительные не могли здесь помочь.

А похитители до мелочей продумали всю операцию, и уже через пять часов после похищения, самолет, в котором находился Борис, благополучно приземлился в парижском аэропорту Шарля де Голля, но это был не конечный пункт утомительного маршрута.

XXXI

А в Североморске никто и не подозревал, что в Петербурге произошло похищение маленького Бориса. Город жил своей жизнью. Андрей уехал на аэродром, чтобы выполнить очередной полет в район поиска лодок противника, а Агнесса после работы возвращалась домой.

Открыв дверь квартиры, она увидела молодую русоволосую женщину, которая сидела за столом с книжкой в руке.

Посмотрев на вошедшую Агнессу, женщина удивленно раскрыла глаза и произнесла:

- Вот тебе здравствуйте. Не успеет жена из дому уехать, как дорогой муженек обзаводится новой.

Агнесса внимательней посмотрела на женщину и спросила:

- А Вы, собственно, кто будете?

- Я кто, – вопросом на вопрос ответила женщина, - нет, это ты кто?

- Я Агнесса, – ответила Агнесса, - жена, то есть женщина Андрея Потемкина.

- Андрея Потемкина, – переспросила женщина, - а что же ты делаешь в моей квартире, женщина Андрея Потемкина?

- А это разве Ваша квартира? – спросила Агнесса.

- Конечно, моя и моего мужа, - ответила женщина.

Вспомнив о Саше, Агнесса поняла, что перед ней стоит его жена, приехавшая от своих родителей.

- Так Вы, наверное, Сашина жена? - спросила Агнесса.

Женщина утвердительно кивнула своей курчавой головой и представилась:

- Татьяна.

- Очень приятно, – сказала Агнесса, - а то Саша совсем Вас заждался.

- Так уж и заждался, - воскликнула польщенная последними словами Татьяна.

- Еще как заждался, - подтвердила Агнесса, - мы, конечно, постарались подкрепить его уверенность в Вашем возвращении.

Немного поговорив, Агнесса переделалась и вместе с Татьяной накрыла на стол. За столом женщины выпили шампанского, и Агнесса рассказала о том, как она с Андреем попала в эту квартиру.

- А Вы знаете, – произнесла Агнесса, - Саша Вас очень ждет и любит. Если бы Вы видели, как он тосковал все это время. Хорошо, что его поддерживали друзья.

- Агнесса, – предложила Татьяна, - давай перейдем на ты, хватит уж выкать-то.

- Хорошо, – согласилась Агнесса, - тогда давай выпьем за наших мужчин. Им сейчас, ой как непросто.

- Давай, – поддержала ее Татьяна, - мягкой посадки им сегодня и всегда.

Выпив и закусив конфетами, женщины продолжили душевную беседу.

Татьяна рассказала о том, что она очень хотела приехать в Североморск до 31 декабря, но ухудшившееся здоровье отца не позволило ей этого сделать.

- Надеюсь, что ты больше не уедешь без Саши? – спросила Агнесса.

- Теперь не уеду, – ответила Татьяна, - я ведь тоже по нему скучала.

Еще немного посекретничав, они решили встретить своих мужчин прямо на аэродроме.

Самолет, экипажем которого командовал Андрей, вот уже пять часов находился в зоне боевого дежурства.

Полет проходил на высоте пять тысяч метров, двигатели

работали нормально, экипаж четко выполнял свои функциональные обязанности.

Через боковое окно кабины пилотов просматривались габаритные огни натовского истребителя, который выполнял полет на параллельных курсах.

- Командир, Джек – Потрошитель опять пристроился и фланирует на параллельном курсе – доложил Димон.

- Понял, Димон – произнес Андрей, - ну-ка, сделай ему устрашающую гримасу.

Димон посмотрел в сторону самолета потенциального противника и состроил ему рожицу.

- Командир, – сообщил он, - противник не испугался.

- Значит не из робкого десятка чувак, – улыбаясь, сказал Андрей, - а, впрочем, тебя даже кошки не боятся.

- А причем здесь кошки? – спросил Димон.

- А все притом, – воскликнул Андрей, - или забыл, как бежал недавно от сиамского кота своей новой подруги?

- Командир, – с обидой в голосе произнес Димон, - я не бежал, а менял рекогносцировку.

- Теперь, оказывается, это называется сменой рекогносцировки, – с усмешкой произнес Андрей, - стратег-самоучка, взгляни-ка лучше, что там делает наш непрошенный эскорт.

- Наш эскорт удаляется в сторону Норвегии, - доложил Димон.

- Туда ему и дорога, – воскликнул Андрей, - первый штурман, доложите обстановку.

- Командир, – ответил первый штурман, - через две минуты мы должны взять курс на аэродром посадки.

- Понял, штурман, – ответил Андрей, - радист, передайте на землю о покидании зоны боевого дежурства.

- Понял, командир, - ответил радист и передал на землю радиограмму.

При подлете к аэродрому Андрей связался с руководителем полетов, и тот сообщил ему о резком изменении метеоусловий, аэродром внезапно накрыла мощная кучевая облачность с нижней границей облаков до ста пятидесяти метров. Снежный заряд ухудшил видимость до тысячи метров.

Это был тот минимум погоды, при котором летчику первого класса Андрею Потемкину разрешалось совершить посадку на своем аэродроме, но при заходе на посадку снежный заряд стал мощнее, и видимость уменьшилась до двухсот метров.

При пролете дальнего привода экипаж получил команду на второй круг. Попавший в снежный заряд самолет болтало из стороны в сторону, противообледенительная система с трудом справлялась с нарастающим слоем льда, нагрузка на штурвал значительно увеличилась. Андрей, с помощью РУД, увеличив обороты двигателя и сжав зубы, крепко держал штурвал. Димон, мокрый от пота, помогал командиру справиться с перегрузками. Первый штурман внимательно следил за курсом и высотой, постоянно докладывая командиру об обстановке и о схеме захода на посадку.

- Командир, второй разворот на курс 80 градусов, - сообщал он.

Андрей тут же взял курс 80 градусов и выдерживал его до новой команды первого штурмана.

Через две минуты последовала команда:

- Командир, курс 170 градусов, - и Андрей развернул самолет на заданный курс. Самолет продолжало болтать, как соломинку в плотном кучевом облаке, полет выполнялся по скачущим стрелкам приборов.

С земли поступала информация о поведении снежного заряда, о нижней границе облаков и видимости, которая начинала медленно увеличиваться. Руководитель

полетов, как мог, помогал экипажу выполнить маневр для захода на посадку, а на четвертом развороте доложил Андрею, что снег, налетевший внезапно на аэродром, также внезапно закончился.

Но, все равно, только над дальним приводом самолет пробил плотную облачность, и экипаж увидел заснеженную землю. Вот она, родная полоса, освещенная сотнями огней, а слева здание СКП, откуда руководитель полетов дает последние команды экипажу приземляющегося самолета. Жесткое касание полосы, два-три подпрыгивания, и самолет ровно катится по бетонке.

Заруливая на стоянку, Андрей не забыл поблагодарить экипаж за слаженные действия при заходе на посадку в сложных метеоусловиях. Каждый член экипажа мысленно поблагодарил своего командира за то, что он выполнил эту посадку сравнительно мягко.

Через несколько минут от СКП подъехала машина с помощником руководителя полетов, которая отвезла экипаж в штаб.

В штабе командиру экипажа загадочно сообщили, что в кабинете предполетной подготовки его и Сашу ждут какие-то женщины. Димон хотел пойти вслед за ними, но его вовремя удержал дежурный по штабу.

Войдя в кабинет, Андрей с Сашей увидели закутанных в пуховые платки Агнессу и Татьяну.

Саша не сразу узнал Татьяну, а когда узнал, бросился к ней со словами:

- Таня, неужели это ты?

Татьяна уткнулась носом в пропахшую керосином и снежной свежестью летную куртку Саши:

- Сашка, дорогой, я теперь никуда от тебя не уеду.

Агнесса подошла к Андрею и произнесла:

- Милый, я так переживала за тебя. Была такая метель, был такой ветер.

Андрей прижал Агнессу к себе и поцеловал ее в губы.

- Агнесса, ты же мой талисман, поэтому со мной ничего не случится, - тихо произнес он.

Сегодня их ждала холостяцкая постель в коммунальной квартире, но их это не расстроило, потому что два близких им человека вновь встретились после долгой разлуки.

XXXII

Допросы Кирилла Пастухова не прояснили ситуации. Он упрямо твердил о том, что не имеет никакого отношения к похищению ребенка. Адвокат Кирилла через знакомых корреспондентов теребил общественное мнение, но петербуржцы были возмущены наглостью похитителей, которые посягнули на самое дорогое, и поэтому вяло реагировали на информацию о содержании заключенного.

Мария не находила себе места и была уверена в том, что Кирилл Пастухов имеет самое непосредственное отношение к похищению Бориса.

Алина Георгиевна, осунувшаяся и постаревшая, старалась не оставлять Марию одну. Пытаясь скрыть свои переживания, она, как могла, успокаивала Марию и делала все возможное, чтобы скорее отыскать любимого малыша.

Григорий Кузьмич ходил на работу, но все его мысли были сосредоточены на одном, как можно быстрее найти Бориса.

Вот и сегодня он приехал к своему приятелю, чтобы поговорить с его сыном.

Сын еще не пришел с работы и, чтобы скоротать время, приятели расположились на кухне и выпили за то, чтобы поиски Бориса скорей привели к положительному результату.

Выпив по одной, они по старой традиции принялись ругать долбаную перестройку, которая вместо обещанной демократии, породила вседозволенность и власть не ума, а силы.

- Обидно, – произнес приятель, - защищали Родину от внешнего врага, а тут свои опустили народ, дальше некуда.

- Да, – согласился Григорий Кузьмич, - сплошное беззаконие, растаскивают Россию без зазрения совести.

- Потому и растаскивают, что народ молчит, – возмутился приятель, - его обманывают, а он молчит, его грабят, а он будто бы не замечает.

- Все - то он замечает, – воскликнул Григорий Кузьмич,

- просто разобщенность организаций и равнодушие многих способствуют расцвету беззакония. Люди перестали чувствовать боль окружающих, разучились слышать крики о помощи, не хотят видеть несправедливость. Их унижают, а они молчат. Унижают по-разному и почти всегда безнаказанно. То хамоватый водитель маршрутки, врубив на полную громкость приемник, провозит мимо остановки, то наглый начальник измывается над своими подчиненными и не платит им по полгода, то сволочной продавец травит людей спиртосодержащим дерьмом.

- Прав ты, Гриша, – согласился приятель, - мы сами себя должны винить в том, что языки в задницы запихнули и безропотно наблюдаем за бардаком.

Чтобы сменить тему разговора, Григорий Кузьмич предложил:

- А не выпить ли нам по второй?

Приятель тут же оживился и наполнил стопки.

- Ну, за все хорошее, - предложил он.

- А мне? – спросил вошедший в кухню сын приятеля и Дарьин однокурсник.

Приятель налил и сыну:

- Сынок, за все хорошее.

Выпив, сын рассказал о том, что по описанию свидетелей были задержаны два молодых человека, которые подъезжали в тот день к детскому садику, но за отсутствием доказательств были отпущены.

Рассказал он и о том, что прокуратура всерьез занялась деятельностью фирмы «Улетная недвижимость».

Следственные органы вернулись к делу, которое по жалобам петербуржцев несколько лет тому назад было заведено, но почему-то так и осталось не расследованным.

- И что же натворили хозяева «Улетной недвижимости»? – спросил Григорий Кузьмич.

- Дело в том, что значительное количество операций с недвижимостью было осуществлено незаконным и даже преступным путем, – сообщил сын приятеля, - В одном случае, представители агентства, напоив хозяина жилплощади, подсовывали ему договор купли-продажи, вместо договора поручения агенту, и тут же сотрудничающий с ними нотариус регистрировал сделку. На следующий день еще не отошедший от пьянки хозяин узнавал о том, что из квартиры ему нужно выезжать. Так в Петербурге становилось на одного бомжа больше. В другом случае, они подписывали с одиноким человеком попечительский договор, в котором, за право получения квартиры, обязывались ухаживать и обеспечивать всем необходимым человека до самой его смерти и со смертью не затягивали. Поднятые следователями

документы говорят о том, что больше трех месяцев никто из подписавших попечительский договор не жил. Одни умирали от некачественного спиртного, а кто не пил умирал от загадочных воспалений.

- Вот сволочи, – возмутился Григорий Кузьмич, - я думал, что только южане травят всякой гадостью наших земляков.

- Оказывается, не только южане, – произнес сын приятеля, - и это еще не все, одиноких людей они просто сажали на иглу и за наркотики получали квартиры.

Слушая следователя, Григорий Кузьмич и его приятель громко возмущались и сжимали кулаки.

- Какие стервецы, - говорил приятель.

- Ну что за подонков наплодила перестройка, - возмущался Григорий Кузьмич.

Повозмущавшись, приятель налил по третьей и предложил выпить за то, чтобы подонкам и стервецам досталось по заслугам.

Выпив на посошок, Григорий Кузьмич поспешил домой. А дома его ждали расстроенные Алина Георгиевна и Мария.

За ужином Григорий Кузьмич рассказал о том, что следствие пока не вышло на след похитителей малыша. Женщины еще больше расстроились, у Марии на глазах опять выступили слезы. Алина Георгиевна и Григорий Кузьмич постарались успокоить Марию, но от такого успокоения она разрыдалась еще больше.

Через некоторое время Мария перестала рыдать и только тяжело вздыхала, уставившись в одну точку. Вспомнив о рассказе следователя, Григорий Кузьмич поведал женщинам о преступлениях, которые совершили хозяева «Улетной недвижимости».

Новая информация шокировала женщин, они несколько минут не могли произнести ни одного слова.

Потом Мария произнесла:

- Григорий Кузьмич! Не могу поверить, что Владислав мог опуститься до преступлений, о которых Вы только что нам рассказали. Он, конечно, не ангел, но чтобы убить человека.

Сказав это, она, ища поддержки, посмотрела на Алину Георгиевну.

Алина Георгиевна, взглянув на Григория Кузьмича, посоветовала не делать поспешных выводов и подождать результатов расследования.

XXXIII

Проснувшись утром в мотеле, Боб спустился в кафе, съел свой любимый гамбургер и запил его чашечкой кофе.

Пора было отправляться в обратный путь, но хмурое утро навалилось на Боба унынием и каким-то непонятным беспокойством.

- Что это я раскис, – подумал Боб, - мне еще сегодня ехать часов пять или шесть, а я уже расслабился.

Чтобы взбодриться, Боб заказал банку колы и залпом выпил ее. По телу разлилась будоражащая прохлада, и наступившее утро уже не казалось таким хмурым и пасмурным.

Боб подошел к своей десятилитровой лайбе, медленно осмотрел ее со всех сторон и, убедившись в полной исправности, сел в кабину.

- С богом, - сказал сам себе Боб, повернул ключ зажигания и, нажав на педаль газа, тронулся в обратный путь.

За рулем настроение у Боба всегда улучшалось и он, следя за дорогой, начинал напевать себе что-то под нос. Вот и в этот раз, усевшись удобней на водительское сиденье, он замурлыкал мелодию полюбившегося ему блюза.

Машин на шоссе в это раннее утро было немного, впереди маячил чей-то яркокрасный потрепанный джип, в кузове которого повизгивали с десяток поросят.

- Обогнать его или не стоит, - подумал Боб.

Пока он раздумывал, потрепанный джип с поросятами свернул направо и покатил куда-то на запад.

Впереди простиралось прямое и ровное шоссе, ведущее строго на юг. Боб нажал на педаль газа, и машина птицей полетела по шоссе.

- Это ли не кайф, - подумал Боб, - многотонная машина повинуетя мне. Здесь я ее господин.

Эта мысль улучшила настроение Боба и он, вспомнив о блюзе, замурлыкал его с еще большим энтузиазмом.

Вдруг, вдалеке у обочины он заметил увеличивающиеся фигурки людей, одна из которых пробовала голосовать.

Притормозив, Боб медленно подъехал к голосующему человеку и, не заглушая мотора, спросил:

- Что Вам угодно, мистер?

- Мы с женой хотим доехать до Луиссвиля, – сказал мужчина на ломаном английском, - подбросите нас до него, а то ребенок наш очень устал?

Боб посмотрел на женщину, которая держала на руках спящего ребенка, и согласился их подвезти.

Женщина передала ребенка Бобу, и он уложил его в постель за своей спиной.

Потом мужчина помог женщине влезть в кабину и сел вслед за ней сам.

Боб нажал на газ и машина, набирая скорость, устремилась вперед.

- Откуда вы будете? - спросил Боб.

- Мы из России, – ответил на ломаном английском мужчина.

- Из России, – переспросил Боб, - а что заставило вас приехать в Штаты?

- Моя жена очень больна, – произнес мужчина, - а в России нет таких специалистов, которые бы могли ее вылечить. Америка – великая держава, она сможет нам помочь.

- А что с Вашей женой? - спросил Боб, польщенный высказыванием мужчины.

Мужчина замялся, но, получив локтем в бок хороший тычок, скороговоркой произнес:

- Жена с детства больна лейкемией и в любой момент может погибнуть.

Боб сочувственно покачал головой и сказал:

- У нас такие болезни лечат без проблем.

- Вот и мы приехали сюда с надеждой на излечение, - произнес мужчина.

- А зачем вы едете в Луиссвилль, - опять спросил Боб, - в других городах тоже есть хорошие врачи.

- Во-первых, там живет наш дальний родственник, – трагическим тоном сообщил мужчина, - а, во-вторых, чтобы заплатить за лечение жены, мы должны продать своего сына, и родственник нашел нам одного покупателя.

Услышав это, женщина начала безутешно рыдать.

Боб посмотрел на плачущую женщину, потом на взгруснувшего мужчину и спросил:

- Неужели вам не жалко своего сына?

Мужчина, получив очередной тычок в бок, с грустью произнес:

- Конечно, жалко, но другого выхода у нас нет. Если

жена выздоровеет, мы сможем сделать с ней не одного ребенка.

Логика пассажиров Бобу не очень понравилась, но, вспомнив о Джимми, он вновь спросил:

- А не передалась ли эта болезнь и вашему сыну?

- Нет, что Вы, – как-то очень быстро ответил мужчина, - наш сын здоров и полон сил, вот только намаялся в дороге.

Выслушав мужчину, Боб предложил:

- Послушай, русский, у меня есть хороший знакомый, который уже много лет живет с мыслью о сыне, но со своей женой они никак не могут его сделать. Может, предложим вашего сына ему?

Мужчина посмотрел на женщину и, увидав в ее глазах одобрительный блеск, согласился:

- Можно попробовать.

Боб тут же набрал номер телефона Джимми и, услышав на другом конце знакомый голос, произнес:

- Джимми, чертяга! Это Боб. Хочу спросить у тебя, ты еще не оставил мысли о приобретении ребенка?

- Боб, рад слышать тебя, - прозвучало в ответ, - мы с Лулу, по-прежнему, хотим кого-нибудь усыновить.

- Тогда встретимся через два часа в кафе на пересечении 45 и 32 шоссе, я познакомлю тебя с супругами, которые хотят продать своего ребенка, - предложил Боб.

- О'кей, Боб. Мы с Лулу обязательно подъедем туда, - пообещал Джимми.

- О'кей, - сказал Боб и, посмотрев на мужчину, сообщил:

- Через два часа я познакомлю вас с парой, мечтающей о сыне.

Через два часа они подъехали к кафе, в котором их поджидали взволнованные Джимми и Лулу.

Зайдя в кафе, Боб увидел своего приятеля Джимми и вместе с мужчиной и женщиной подошел к ним.

- Привет Джимми, привет Лулу, – поздоровался он и, указав на мужчину и женщину, сказал, - вот те люди, которые хотят продать своего сына. Они из России.

Джимми пригласил подошедших за свой стол, и когда они расселись, спросил:

- Так вы, действительно, из России?

- Да, – ответил мужчина, - мы из России.

Боб пересказал Джимми и Лулу все, о чем сам только два часа тому назад узнал от попутчиков.

- А где же ваш сын, - спросила Лулу, - я хочу его скорее увидеть.

- Их сын спит в кабине моей машины, – сообщил Боб, - можно пойти и разбудить его.

Они прошли к машине, и Боб, вытащив спящего мальчика, передал его мужчине.

Джимми и Лулу подошли к мужчине и стали внимательно рассматривать спящего мальчика.

- Какой хорошенький, – воскликнула Лулу, - Джимми, посмотри, какой он хорошенький.

- Да, мальчишка, действительно, хорош, – согласился Джимми, - а, сколько вы за него хотите?

Мужчина посмотрел на женщину и, прочитав в ее взгляде согласие, сообщил:

- Пятьдесят тысяч долларов и ни цента меньше.

Услышав это, Лулу с надеждой посмотрела на Джимми, но тот решил все же поторговаться:

- Не слишком ли много вы хотите за вашего мальчугана?

- Я же сказал, что ни цента меньше, – с раздражением произнес мужчина, - у нас уже есть покупатель в Луиссвиле. Не будете брать, так мы увезем малыша в Луиссвиле.

Лулу опять посмотрела на Джимми, и тот согласился заплатить за мальчика предложенную сумму, но, прежде, хотел бы проверить его у детского врача. Детский врач, осмотрев малыша, не нашел у него никаких отклонений, только анализ показал наличие наркотиков в крови. На вопрос о том, почему ребенку давались наркотики, мужчина ответил:

- Сын очень тяжело перенес большой перелет и болезненно проходит акклиматизацию на американской земле. Он постоянно капризничает и, чтобы его успокоить, мы два раза вкололи ему морфин.

Словно в подтверждение слов мужчины, малыш громко заплакал и прокричал, что хочет к маме и бабушке.

- Вот видите, – воскликнул мужчина, - он опять начал капризничать и требует, чтобы его отвезли назад.

Лулу погладила мальчика по голове и попыталась его успокоить, но малыш замотал головой и стал кричать еще громче.

Врач, еще раз осмотрев мальчика, порекомендовал Джимми и Лулу проявить все свое терпение и относиться к ребенку с пониманием и заботой. Это позволит мальчику быстрее пройти не простой акклиматизационный период.

Официально оформив договор, мужчина с женщиной, даже не попрощавшись с сыном, поспешили к своему родственнику. Джимми и Лулу привезли малыша к себе домой, и Лулу повела его в ванную комнату.

Малыш уже не сопротивлялся, но о чем-то постоянно просил, а о чем, этого ни Джимми, ни Лулу не могли понять.

С этого дня малыш по имени Алекс стал жить в семье Джимми и Лулу.

Джимми, уезжая в командировку, брал Алекса на руки и целовал его в щечки и нос, а счастливая Лулу долго

махала вслед удаляющейся машине, потом брала сына за руку, шла с ним в дом и там старалась научить его английскому языку.

XXXIV

Дело о незаконной деятельности представителей агентства «Улетная недвижимость» всколыхнуло весь Петербург. В газетах появились статьи с ужасающими фактами убийства людей и гневным осуждением преступников. Кирилл Пастухов под давлением неопровержимых доказательств был вынужден сотрудничать со следствием, но пытался переложить основную вину на Александра Варнавского и Владислава Погодина.

По его показаниям Александр Варнавский был задержан и помещен в следственный изолятор Крестов, а на Владислава Погодина завели уголовное дело и стали готовить материалы для Интерпола.

В этот период Марию несколько раз вызывали к следователю, который расспрашивал ее о муже и его деятельности. О деятельности мужа Мария не имела никакого представления. Она честно рассказала о том, что муж, после некоторых разборок с компаньонами, улетел навсегда в Америку, и сообщил ей об этом только через месяц. Ни денег, ни каких-либо других ценностей он ей не оставлял и передавать не собирается, зато уговаривает вместе с сыном перебраться к нему. О последней встрече с Владом, которая состоялась во время ее гастролей в Америку, она тоже рассказала. Узнав о том, что Мария недавно встречалась с мужем, следователь спросил:

- Мария, извините меня за вопрос, но не мог ли муж организовать похищение Вашего сына?

Мария посмотрела в глаза следователю и произнесла:

- Вы знаете, я постоянно думаю об этом и, если раньше, в этом сомневалась, то, узнав о том, что муж вместе со своими друзьями убивал людей, сомневаться уже не могу.

- Мария, – вновь спросил следователь, - а Вы знаете, где живет Ваш супруг?

- Нет, – ответила Мария, - мы встречались с ним в кафе, и о том, где живет, он мне не рассказывал. Правда, могу догадываться, что живет он не в Нью-Йорке, так как после звонка он день до него добирался.

Следователь поблагодарил Марию за информацию и просил связываться с ним при появлении новых данных. С тяжелым сердцем вышла Мария от следователя.

- Куда теперь мне идти, – подумала она, - где искать моего малыша.

Вот уже целый месяц она не появлялась в театре, хотя многие коллеги звонили ей, предлагая свою помощь и участие.

- Может быть, не стоит уединяться, – подумала Мария, - я не должна кукситься.

Посмотрев на весеннее солнце, Мария воскликнула:

- Мы все равно найдем тебя, мой малыш. Мы сделаем все, чтобы снова тебя увидеть.

Прохожие с удивлением оборачивались на Марию, но она не замечала удивленных взглядов. Она решила пойти в театр и вновь выйти на знакомую сцену.

Главный режиссер театра попытался отговорить Марию от вечернего спектакля, но она настояла на своем.

Ровно в семь вечера Мария появилась перед зрителями в образе леди Макбет.

При ее появлении зал в одно мгновение встал и продолжительными аплодисментами встретил свою любимую актрису.

- Значит, я правильно сделала, что вновь вышла на сцену, - подумала растроганная Мария, - я буду играть, я буду радовать своего зрителя.

В это вечер она играла с таким вдохновением и азартом, что зрители неоднократно аплодировали ей, а по окончании спектакля, в знак глубокой признательности, завалили ее цветами.

В гримерной ее поджидали Алина Георгиевна и Григорий Кузьмич.

Алина Георгиевна подошла к дочери, обняла ее и произнесла:

- Доченька, я горжусь тобой. Какая же ты у меня сильная.

И тут, эта сильная женщина уткнулась в мамино плечо и зарыдала, не сумев сдержать накопившиеся за спектакль эмоции. Алина Георгиевна, еще крепче обняв дочь, заплакала вместе за ней.

- Милые вы мои, – ласково посмотрев на Марию и Алину Георгиевну, подумал Григорий Кузьмич, - мы обязательно найдем нашего маленького Бориса.

Он тихо присел на стул и стал терпеливо ждать, пока выплечутся два близких ему человека.

Через десять минут Мария перестала рыдать и попросила Григория Кузьмича выйти из гримерки.

Григорий Кузьмич вышел из театра и стал ждать Алину Григорьевну и Марию.

Мимо проходили задержавшиеся в гардеробе зрители.

Они с восхищением вспоминали спектакль и игравшую в нем Марию.

- Нет, все-таки хороший у нас народ, – подумал Григорий Кузьмич, - душевный у нас петербуржец.

Дождавшись Алину Георгиевну и Марию, он пригласил их в ресторан на дружеский ужин.

Женщины переглянулись и, улыбнувшись, согласились с его предложением.

Весенний воздух освежил трех близких людей своими вечерними ароматами, а звездное небо попыталось осветить их утомленные лица.

Будьте счастливы, дорогие женщины.

Вы слышите, как пытается подбодрить вас прохладный весенний ветерок.

Вы чувствуете, как старается успокоить вас притихший в сочувствии Петербург.

Петербург с вами и, значит, все будет хорошо.

XXXV

Агнесса с головой ушла в свою работу, встречаясь с личным составом частей и соединений. Ее интересные статьи и подборки качественно оживили газету.

Читатели откликнулись на ее призыв и стали активно писать в газету, рассказывая о наболевшем и предлагая новые темы для размышлений.

Оказалось, что в Североморске проживает очень много талантливых людей. Один лейтенант пишет душевные стихи, и они стали публиковаться в гарнизонной газете.

Штурман эскадрильи, оказывается, хорошо рисует, и с помощью газеты в Доме офицеров была организована выставка его северных пейзажей. Жена одного подводника - хороший дизайнер по одежде, и Агнесса посоветовала ей открыть курсы дизайнеров.

Таким образом, рубрика «Привет, мы ищем таланты» позволила найти контакты с действительно талантливыми и неравнодушными людьми.

На День защитника Отечества приказом по части Андрей Потемкин был назначен на должность командира авиационного звена, а Димон занял место

командира экипажа. Первый полет в должности командира экипажа Димон совершил в последний день зимы, и на собрании звена Андрей поздравил его с этим событием.

После собрания Димон подошел к Андрею и предложил отметить его новое назначение в кругу близких друзей. Андрей охотно принял предложение Димона, так как завтра был выходной, да и ему самому не мешало бы отметить назначение на новую должность.

Торжественное мероприятие решили провести в небольшом ресторане. Димон предложил отметить это событие в сугубо мужской компании, но Андрей настоял на своем, и женщин решено было пригласить тоже.

На мероприятие были приглашены командование полка, командир эскадрильи и свободный от дежурства офицерский состав авиационного звена. Половина из приглашенных приехала в ресторан со своими женами, поэтому народу собралось более тридцати человек. Во главе стола сидел командир полка Павел Родионович со своей супругой Галиной Дмитриевной. Рядом с ними сидели виновники торжества Андрей с Агнессой и Димон.

Остальные гости расселись по принципу «кому с кем нравится».

Начиная церемонию, Павел Родионович встал и громко сказал:

- Дорогие однополчане! Сегодня мы собрались здесь, чтобы еще раз в непринужденной обстановке поздравить наших молодых коллег с повышением в должности. Прежде всего, я хочу поздравить капитана Погодина с назначением его на должность командира звена.

Собравшиеся аплодисментами присоединились к данному поздравлению.

Павел Родионович чокнулся с Андреем, после чего, стали чокаются друг с другом пришедшие на торжество.

Обрадованная Агнесса выпила шампанского и поцеловала в щеку покрасневшегося Андрея.

Вилки и ножи дружно застучали по тарелкам, и на время перекуса над столом воцарилась безголосая тишина.

Закусив, Павел Родионович вновь поднялся со своего места и поздравил с назначением на должность командира экипажа лейтенанта Костылева по кличке Димон.

Собравшиеся дружно зааплодировали, потом чокнулись и вновь застучали вилками и ножами.

Третий тост Павел Родионович посвятил Агнессе.

- Дорогие друзья! – торжественно произнес Павел Родионович, - теперь я поднимаю свой бокал за прекрасную спутницу Андрея, которая смогла быстро адаптироваться в нашей среде. Она не только адаптировалась, но и, став заместителем редактора нашей гарнизонной газеты, сумела сделать ее привлекательной и зубастой. За Вас, Агнесса, за тебя Андрей, за вашу настоящую любовь.

Агнесса густо покраснела, а Павел Родионович продолжил:

- Говорить «горько» сегодня не хочу, надеюсь, что вы не забудете пригласить нас на свадьбу. Но, если вы с Андреем сейчас поцелуетесь, никто из присутствующих возражать вам не будет.

Выполняя волю командира, Андрей обнял Агнессу и крепко ее поцеловал.

- Вот и хорошо, вот за это и выпьем, - подытожил свое выступление Павел Родионович.

Потом начались танцы, и большинство офицеров вышли для общения на свежий воздух.

Саша с Татьяной подошли к Андрею и Агнессе. Татьяна чмокнула Андрея в щечку и искренне поздравила его с новым назначением.

Потом они вместе стали танцевать быстрый танец, и к ним присоединился повышенный в должности Димон. После танцев Павел Родионович предложил выпить за скорейший ввод в эксплуатацию нового пятиэтажного дома, который строители обещали сдать ко Дню Победы.

- Думаю, что многие из присутствующих получают в этом доме квартиры, - сообщил Павел Родионович.

Собравшиеся зашумели, потому что эта радостная весть касалась не одного из присутствующих здесь офицеров. Андрею тоже была обещана квартира в этом строящемся доме.

Еще вчера Павел Родионович в шутку сказал:

- Скорее женись, а то квартиру не получишь.

Уж больно ему хотелось побывать на их свадьбе, уж больно ему хотелось крикнуть «горько» одному из лучших офицеров его полка.

Уже за полночь Андрей с Агнессой вернулись домой.

Войдя в квартиру, они слышали чье-то всхлипывание и прошли на кухню.

На кухне сидела заплаканная Анна, которую, по всей вероятности, еще совсем недавно гонял по квартире подвыпивший Сергей.

Агнесса попыталась успокоить Анну, но та огрызнулась и отвернулась от нее к окну.

Уже лежа в постели, Агнесса задала Андрею вопрос:

- Андрюша, а почему на Сергея не могут повлиять его отцы-командиры?

- А потому, – ответил Андрей, - что, во-первых, Анна сама во многом виновата, а, во-вторых, когда Сергея хотели серьезно наказать, Анна тут же прибежала к командиру с просьбой его не наказывать. Здесь действует принцип «Милые бранятся, только тешатся».

- Станный принцип, – сказала Агнесса, - давай не будем его использовать в наших отношениях.

Андрей прижал ее к себе, нежно поцеловал и торжественно поклялся, что после сегодняшней любовной игры он постарается выкинуть из головы этот принцип.

В эту ночь Агнесса постаралась сделать все, чтобы Андрей забыл упомянутый им принцип.

XXXVI

Алекс проснулся сегодня очень рано. Лежа в кроватке, он снова вспомнил свою комнату с красивыми и большими игрушками, вспомнил маму, которая ласково будила его по утрам и провожала до садика.

Еще он вспомнил о детях младшей группы, особенно о Петьке Николаеве, с которым дружил, а иногда и ссорился.

Из задумчивости его вывело появление женщины со странным именем Лулу, которая назвала его Алексом.

Она говорит с ним на каком-то странном языке и как-то странно пытается гладить по голове.

- Алекс, – воскликнула Лулу, подойдя к его кроватке, - ты уже проснулся?

Она нагнулась и поцеловала его в носик, но этот поцелуй был не очень приятен Алексу. Он по-взрослому посмотрел на Лулу и быстро встал со своей кроватки.

Умывшись, он вышел в холл, и Лулу пригласила его за стол. На столе Алекса поджидала чашка чипсов с молоком и стакан апельсинового сока.

После завтрака Лулу посадила Алекса напротив себя и, показывая на предметы, стала их называть. Таким способом Алекс смог уже выучить более сорока простых и часто встречающихся слов, таких как «house», «mother», «father», «room» и т.п.

Сегодня ему предстояло выучить еще с десяток слов этого странного языка, и чем больше слов откладывалось в его память, тем охотнее он садился за занятия.

Лулу тоже нравилось заниматься с малышом. Она видела результаты своих стараний и с каждым днем все сильнее привязывалась к смышленому малышу.

Через час они вышли из дома и, не спеша, пошли в сторону парка, в котором их поджидали различные аттракционы и игры.

Солнце, приблизившись к зениту, успело нагреть потрескавшуюся землю, отчего соприкоснувшийся с землей воздух потерял свою утреннюю свежесть и стал сухим и обжигающим.

И, если для Лулу этот воздух был привычным и родным, то Алекс переносил жару очень плохо.

Единственным утешением для него были походы в парк. Особенно Алексу нравилось большое колесо обозрений и автодром. Колесо обозрений потому, что с него был виден весь маленький городок, а автодром потому, что Алексу нравилось кататься на маленькой машине.

Лулу, как ребенок, радовалась, глядя на улыбающегося Алекса, и сама не хотела уходить из парка. Они ели поп-корн, пили колу и переходили от одного аттракциона к другому и только к ужину вернулись домой.

За ужином Лулу пыталась о чем-то рассказать малышу, но он слушал ее невнимательно, так как большая часть слов ему была непонятна.

Он опять вспомнил маму, с которой не один раз катался на большом колесе обозрений в другом парке другого города.

Он встал из-за стола и медленно удалился в спальню.

Лулу хотела пойти вслед за ним, но, сделав шаг, вернулась и села в кресло.

- Сейчас ему лучше не мешать, – подумала она, - пусть он хоть немного побудет один со своими мыслями. Как же он скучает по родителям, особенно по маме.

Войдя в спальню, Алекс лег на кровать и, вспомнив маму, тихонько заплакал.

Теперь, уезжая в командировку, Джимми чувствовал себя значительно спокойней.

Встретившись с Бобом, он с нескрываемым удовольствием рассказывал ему об Алексе и о влюбившейся в малыша Лулу.

- Боб, я тебе благодарен за то, что ты помог нам с Лулу, – начал он, - ты представить себе не можешь, как Лулу обрадовалась появлению малыша. Она с удовольствием занимается с ним, водит его на прогулки, и ко мне стала значительно добрей.

- Я рад за тебя, Джимми, – воскликнул Боб, - а как малыш ведет себя?

- Малыш пока еще не может нас понять, – сообщил Джимми, - но постоянные занятия с ним принесут свои плоды, и он скоро назовет нас папой и мамой. Правда, он продолжает скучать по своим бывшим родителям, но со временем это пройдет.

- Ты думаешь, что малыш забудет со временем своих родителей? – спросил Боб.

- Конечно, забудет, – ответил Джимми, - думаю, что наша любовь ускорит этот процесс. Уже сейчас он все реже капризничает и, если раньше он подолгу и громко плакал, то в последнее время чаще улыбается нам.

- Значит, малыш действительно привыкает к вам, – произнес Боб, - главное, чтобы теперь его родители не передумали и не возвратились за ним.

- Боб, ты же видел, как они обрадовались, когда получили выплаченную им сумму, – воскликнул Джимми, - схватив деньги, они тут же покинули ребенка, даже забыв его поцеловать.

- Меня тоже удивило такое поведение родителей, - согласился Боб, - не понимаю, как можно отказаться от своего ребенка. Если моей жене понадобились бы деньги на лечение, я стал бы работать по двадцать часов в сутки, но ребенок остался бы со мной.

- Да, Боб, не пойму я этих русских, – произнес Джимми, - у них, наверное, от холода такие бесчувственные сердца.

- Да, мне приятель рассказывал, будто в России морозы, снег и водка, которой они пытаются согреться, – согласился Боб, - а еще, что у них прямо по улицам разгуливают медведи.

- Вот от медведей они и научились жестокости, – сказал Джимми, - помнишь, какими злыми глазами смотрела на своего мужа женщина.

- Да, уж, – вновь согласился Боб, - от такого взгляда мурашки по коже начинают бегать. Не женщина, а вамп. Но, может быть, это от болезни?

- Может быть, - произнес Джимми.

Они еще немного посидели, выпили по банке колы и разъехались в разные стороны.

XXXVII

В воскресенье Андрей проснулся раньше обычного. Агнесса тихонько посапывала у него под боком. Только в два часа ночи она выпустила его из своих объятий, и теперь ее спокойное лицо выражало полную удовлетворенность с налетом нежности.

Андрей еще немного полежал, потом, чтобы не разбудить Агнессу, осторожно отодвинулся от нее и встал.

- Что-то давно я не общался с отцом, – подумал Андрей, стоя под прохладной струей душа.

Выпив на кухне чашечку кофе, он набрал на мобильном телефоне номер отца и, услышав на другом конце знакомый голос, рассказал ему, что назначен недавно на должность командира звена, что у них с Агнессой все хорошо, что она увлечена работой, и в Североморске ей нравится.

Отец искренне поздравил Андрея с новой должностью, но в его голосе Андрей уловил какую-то озабоченность.

- Отец, – произнес он, – у тебя ничего не случилось?

Григорий Кузьмич попытался сменить тему разговора, но Андрей настоял на своем, и тот сообщил ему о пропаже Бориса.

Беспокойство Григория Кузьмича передалось Андрею, и оно не осталось незамеченным у проснувшейся Агнессы.

Немного подумав, Андрей пересказал Агнессе информацию о пропаже Бориса. Это известие расстроило Агнессу так, что она не смогла сдержать слез. И чем больше Андрей ее успокаивал, тем сильнее плакала Агнесса.

Через некоторое время она затихла и, посмотрев Андрею в глаза, сказала:

- Андрей, милый, я должна быть рядом с Марией. Ей сейчас нужна моя поддержка и мое участие.

Андрей, видя состояние Агнессы, тут же согласился с ней и стал готовить ее к отъезду.

Вечером он проводил ее на вокзал, и расстроенная Агнесса уехала в Петербург.

Проводив Агнессу, Андрей вновь позвонил отцу и попросил его встретить ее в Петербурге.

Так и случилось. Выйдя из вагона на перрон

Московского вокзала, Агнесса увидела встречающего Григория Кузьмича и сразу же завалила его вопросами. По дороге домой Григорий Кузьмич рассказал Агнессе об известных ему деталях похищения Бориса. Слушая Григория Кузьмича, Агнесса только кивала головой, да сочувственно охала. А дома она бросилась к вышедшей из гостиной Марии и, крепко ее обняв, безмолвно заплакала. Григорий Кузьмич попытался успокоить плакавших женщин, но, поняв безуспешность попытки, поспешил на работу, а Алина Георгиевна уединилась на кухню, чтобы приготовить завтрак.

За завтраком она, чтобы сменить тему разговора, спросила Агнессу об Андрее, и та рассказала о том, что Андрей получил недавно должность командира звена, что у них с Андреем все хорошо, что через месяц – полтора они получат квартиру в новом доме.

- А как твоя работа? - спросила Мария.

- Вы знаете, – произнесла Агнесса, - я так боялась Североморска, но, приехав туда, встретила с такими замечательными людьми. Мне предложили должность заместителя главного редактора гарнизонной газеты, и эта работа мне очень нравится. Каждый день я встречаюсь с новыми людьми, и эти встречи вдохновляют меня. Раньше слова «самоотверженность», «доблесть», «взаимовыручка»

были для меня пустым звуком, чем-то нереальным, выдуманым. Только там я смогла понять истинное значение этих слов.

Люди, с которыми я встречаюсь, каждый день самоотверженно трудятся и, рискуя жизнью, служат своему Отечеству.

- Неужели в Североморске только такие люди, о которых ты говоришь? – спросила Алина Георгиевна.

- Конечно, есть и проходимцы, попадаютоя и трусоватые элементы, – воскликнула Агнесса, - но от большинства людей веет не показушной искренностью и действительным бескорыстием. Суровые условия Североморска сближают людей, делают их чище и отзывчивей. У них нет такой разобщенности, с которой нередко сталкиваешься в Петербурге.

- Как хорошо ты сейчас сказала, – воскликнула Мария, - я вижу, что Североморск стал для тебя родным.

- Это благодаря Андрею и его друзьям, – произнесла Агнесса, - когда мы туда приехали, один из них сразу же уступил нам свою квартиру, другой искренне помогал нам во всем. И никакой корысти не просматривается в их делах и поступках. А ведь, летая на боевое дежурство, они постоянно рискуют.

И Агнесса рассказала женщинам о недавнем заходе на посадку во время снежного заряда.

- А мы сидим здесь в тепле и комфорте, – сказала Алина Георгиевна, - и даже не представляем, что где-то далеко люди самоотверженно несут свою службу. Раньше об этом писали, делали фильмы, сочиняли песни, а сейчас проза и фильмы только про бандитов и нереальность, песни про кайф и свободную любовь, статьи про секс и интриги.

- Ты права, мама, - согласилась с ней Мария, - слава богу, что театр не забывает классику. Наши режиссеры

стараятся сохранить театральное наследие, и петербуржцы благодарны им за это. Как приятно смотреть на молодых людей, приходящих в театр. Они искренне сопереживают и волнуются, печалятся и радуются.

- Да, репертуар петербургских театров привлекает молодых людей, – согласилась Алина Георгиевна, - новые ленфильмовские ленты своей реальностью и высоким искусством тоже положительно воздействуют на людей. Хотя, если судить по рейтингам, впереди различные блокбастеры, триллеры и фэнтези.

- Господи, слова-то какие, – воскликнула Мария, - от них так и веет чем-то жестоким и бессердечным.

- Потому что в них, в основном, и воспеваются кровавая жестокость, закон силы и беспредельная вседозволенность, - произнесла Агнесса, - и все это нескончаемым потоком обрушивается на головы молодых людей.

- Такой лавине трудно противостоять, – согласилась Алина Георгиевна, - но необходимо, иначе мы потеряем не одно поколение.

- Если уже не потеряли, – произнесла Мария, - уже сегодня зеленый доллар открывает любую дверь, манипулирует законами, точнее людьми, которые эти законы должны соблюдать.

- Да, - согласилась с ней Агнесса, - в больших городах это особенно заметно. В Североморске людская отзывчивость и взаимовыручка выбивают почву у чинуш и мздоимцев. Там все проще и открытее.

- Вот найдем Бориса, обязательно побываем у вас в Североморске, - сказала Мария.

Вспомнив о Борисе, женщины приутихли и надолго задумались. Не будем выводить их из задумчивости, а лучше постараемся им помочь.

XXXVIII

В воскресенье проснувшись Лулу, поцеловав спящего Джимми, прошла в комнату Алекса. Алекс уже давно проснулся и теперь сидел возле окна и смотрел на проплывающие в небе облака.

Он по-прежнему грустил и всеми своими мыслями был где-то далеко, далеко. Там, где ему было хорошо со своей мамой и бабушкой.

Здесь его тоже никто не обижал, но воспоминания о маме и детских друзьях навевали на мальчика грусть и печаль.

- Алекс, – воскликнула Лулу, - ты уже проснулся?

Алекс повернулся к Лулу и грустно произнес:

- Да, я уже встал.

- Дорогой, мы сегодня поедem кататься, – сообщила она,

- папа Джимми обещал покатаь нас по дорогам штата.

Алекс встал с кресла и, подойдя к Лулу, прижался к ней.

Лулу взяла мальчика на руки, поцеловала и прошла с ним в кухню.

Из спальни вышел Джимми. Он пожелал Лулу и Алексу доброго утра и прошел в ванную.

Алекс нехотя съел свой завтрак и вышел из дома на лужайку. Ровный зеленый газон украшала небольшая цветочная клумба, вокруг которой летало несколько красивых бабочек. Алекс сначала внимательно смотрел на их перелет с цветка на цветок, потом решил поймать одну из них. Пробегая за бабочкой возле клумбы, он споткнулся и упал прямо в цветы.

- Ты что натворил, – услышал он рассерженный голос Джимми, - мало того, что ты разворошил всю клумбу, ты еще и испачкался.

Алекс зло посмотрел на Джимми и от огорчения заплакал.

На шум из дома выбежала взволнованная Лулу и бросилась к плачущему мальчику.

Она подняла Алекса, стряхнула с его одежды землю и обратилась к Джимми:

- Зачем ты ругаешь малыша. Он же нечаянно упал в клумбу.

- Лулу, – ответил Джимми, - неужели ты не видишь, что он разворотил всю клумбу?

- Ну, во-первых, не всю, – возразила Лулу, - а, во-вторых, мы ее быстро поправим. Не стоит из-за таких мелочей портить мальчику настроение.

- Ему портить настроение нельзя, а мне можно, - взорвался Джимми.

- Джимми, – попросила его Лулу, - не кричи так громко, неужели ты не видишь, что мальчик боится тебя. И вообще, мы поедем сегодня кататься или нет?

- Если вы и в дороге будете портить мне настроение, то ехать нет смысла, - грубо ответил Джимми.

- По-моему, ты сам портишь настроение и себе, и окружающим, - еле сдерживая себя, произнесла Лулу. Джимми что-то пробурчал себе под нос и, резко повернувшись, удалился в дом.

Лулу вытерла слезы с глаз Алекса и прижала его голову к своей груди:

- Не переживай, Алекс, сейчас папа Джимми успокоится, и мы поедем на прогулку.

И, действительно, через несколько минут Джимми вышел из дома и, как ни в чем не бывало, пригласил Лулу и Алекса в свою машину.

Лулу с Алексом удобно разместились на заднем сиденье, и машина выехала на шоссе.

Джимми был отличным водителем, и машина, словно птица неслась по шоссе.

- Джимми, – попросила Лулу, - нельзя ли ехать потише?

Джимми нехотя ослабил давление на педаль газа, и машина поехала медленней.

Вдоль шоссе устало развалилось плато со скудной растительностью, вдали просматривалась небольшая возвышенность.

Лулу пыталась о чем-то заговорить с Алексом, но тот не слушал ее. И, вообще, весь этот пейзаж ему очень не нравился. Ему вспомнилась дорога, окруженная с двух сторон красивыми соснами, по которой он вместе с бабушкой и мамой неоднократно ездил на дачу. Иногда вдоль дороги пробегали маленькие зайчики, которых показывала ему добрая бабушка.

А один раз мама показала ему выскочившую из леса рыжую лису.

- Алекс, – вывела из воспоминаний Алекса Лулу, - посмотри, какие большие птицы летают в небе.

Алекс посмотрел на небо и увидел там двух больших длиннокрылых птиц. Таких птиц Алекс никогда еще не видел. Они медленно парили в голубом небе, что-то высматривая на обезвоженной земле. Вдруг одна из них резко понеслась вниз и, уже через несколько секунд, вновь стала взмывать вверх, неся в клюве какого-то зверка.

Мальчик широко раскрыл глаза и вскрикнул. Потом он повернулся к Лулу и обратился к ней на каком-то непонятном ей языке.

Лулу еще сильнее прижала Алекса к себе и произнесла:

- Алекс, не бойся, эти птицы не такие уж страшные, просто они питаются маленькими зверьками.

Алекс вновь посмотрел на Лулу и, ничего не ответив, стал смотреть на унылый дорожный пейзаж.

Часа через полтора они подъехали к дорожному кафе и, выйдя из машины, расположились за широким столом.

Джимми подозвал Анхелу и заказал ей три колы и три биг-мака.

Анхела, приняв заказ, прошла к барной стойке, и возвратилась оттуда с колодой и биг-маками.

Внимание ее привлек акцент мальчика, с которым он отвечал на вопросы симпатичной женщины.

Присмотревшись к нему, она нашла в его чертах что-то знакомое, а вот что, понять никак не могла.

Отойдя к стойке, она напрягла свою память, пытаясь определить причину охватившего ее волнения.

Мальчик сидел за столом, нехотя жевал свой биг-мак и безучастным взглядом смотрел куда-то вдаль.

Анхела, будто бы невзначай, еще раз прошла мимо стола, внимательно посмотрев на малыша. И тут она вспомнила, что на столе у мистера Погодина она видела фотографию этого малыша.

Позвонив мистеру Погодину, она сообщила ему о своем подозрении. Влад тут же приехал в кафе и в сопровождении Анхелы подошел к столику, за которым сидели Джимми, Лулу и маленький мальчик.

Он тут же узнал своего сына, хотя последние два года видел его только на фотографии.

- Борис, – позвал он мальчика.

Мальш вздрогнул, потом повернулся к окликнувшему его мужчине и произнес:

- Болис.

Влад взял сына на руки, прижал его к себе и воскликнул:

- Борис, я твой папа.

Ничего не понимающий Борис уставился на мужчину, потом посмотрел на Лулу, и та обратилась к взявшему его сына мужчине:

- Мистер, что Вам надо от нашего сына.

Влад повернулся к Лулу и произнес:

- Извините, но это мой сын, - и, в подтверждение своих слов, достал из кармана фотографию малыша.

Джимми и Лулу посмотрели на фотографию, потом друг на друга. Джимми встал из-за стола и попытался силой взять мальчика у Влада. Малыш еще крепче прижался к взявшему его на руки мужчине и на русском языке произнес:

- Я к тебе хочу.

Влад достал из кармана еще одну фотографию и показал ее Борису. Увидев фотографию мамы, Борис взял ее в руки и со словами «мамочка, моя мамочка» стал покрывать фотографию своими поцелуями.

Джимми переглянулся с Лулу и воскликнул:

- Это наш сын и мы его никому не отдадим.

Борис показал на фотографию своей мамы и воскликнул:

- Лулу, вот моя мама.

Лулу внимательно посмотрела на фотографию, потом на мистера Погодина и сказала:

- Но по документам он наш сын. Мы официально купили его у родителей и теперь никому его не отдадим.

Поняв безуспешность попытки договориться с Джимми и Лулу, Влад позвонил в полицейский участок, и через несколько минут два полицейских прибыли в кафе.

Выяснив причину вызова, полицейские подробно опросили всех участников данного конфликта, взяли их координаты и предложили мистеру Погодину до выяснения всех обстоятельств отдать малыша Джимми и Лулу.

Борис никак не хотел расставаться с женщиной, который разговаривал с ним на одном языке, но Влад уговорил его, пообещав, что через некоторое время он обязательно его заберет.

Малыш немного покапризничал, но, в конце концов, Лулу взяла его на руки и отнесла в машину.

После отъезда американцев с сыном, Влад заказал бутылку виски, налил в бокал и выпил большую его половину.

- Вот это удача, – подумал он, - хотел получить сына, и вот он в Америке. Теперь Мария обязательно приедет сюда.

- Так звони же ей быстрее, – воскликнул его внутренний голос, - чего же ты ждешь?

- Нет, – не согласился с внутренним голосом Влад, - сначала я оформлю его на себя, а уж потом вызову Марию.

- Какой же ты бессердечный, – возмутился внутренний голос, - неужели ты не понимаешь, что Мария измучилась в Петербурге, пытаясь найти сына.

- Ничего, пусть еще немного помучается, – возразил Влад, - меня же она мучила.

- Кто тебя мучил, – еще больше возмутился внутренний голос, - ты сам кого угодно замучаешь. Разве можно спекулировать на сыне?

- Я не спекулирую, – ответил Влад, - просто хочу восстановить справедливость. Сын ведь не только Марии должен принадлежать.

- Но ведь ты сам сбежал и от Марии, и от сына, - сказал внутренний голос.

- А ты что хотел, – спросил Влад, - если бы не сбежал, так лежал бы сейчас где-нибудь на кладбище, кстати, вместе с тобой.

Внутренний голос, недовольно хрюкнув, замолчал.

XXXIX

- Откуда он взялся, этот русский? - спросила Лулу у Джимми, когда они отъехали от кафе.
- Черт его знает, – недовольно пробурчал Джимми, - лучше бы нам не выезжать сегодня из дома.
- Неужели у нас отберут Алекса? - вновь спросила Лулу.
- Они на это не имеют никакого права, – попытался успокоить Лулу Джимми, - подумаешь фотографии. Я таких фотографий могу наделать не один десяток.
- Но ведь мальчик узнал на фотографии свою маму, - с сомнением сказала Лулу.
- Это тоже не доказательство, – твердо заявил Джимми,
- мы его купили, значит, он наш.
- Послушай, – произнесла Лулу, - а кто же продал нам этого малыша?
- Выходит, что продали его какие-то посторонние люди, – предположил Джимми, - они мне сразу очень не понравились, особенно женщина. От нее так и несло злостью и хитростью.
- Да, женщина была не из приятных, – согласилась с ним Лулу, - но я не хочу отдавать Алекса. Я к нему уже так привыкла.
- Послушай, давай заедем сейчас к Бобу, – предложил Джимми, - может быть, он нам что-нибудь посоветует. Заметив подъезжающую машину Джимми, Боб вышел из дома и встретил своих друзей на улице.
- Привет, Джимми, привет, Лулу, – приветствовал он их,
- какими судьбами занесло вас в этот забытый богом край?
- Привет, Боб, – поздоровался Джимми, - мы приехали, чтобы с тобой посоветоваться.
- Тогда проходите в дом, – пригласил их Боб, - пусть малыш поиграет пока с моей младшей дочкой.

Проводив гостей в гостиную, он позвал свою жену Сару, которая вместе с младшей дочкой спустилась со второго этажа.

Сара познакомила Алекса с дочкой, которую звали Бритни и, проводив их на лужайку, вернулась в гостиную.

- Ну, рассказывайте, – предложил Боб, - чем мы с Сарой можем вам помочь?

- Боб, ты даже представить себе не можешь, как нас сегодня расстроили, - начал Джимми.

- Что случилось, Джимми, – спросил Боб, - на вас лица нет, неужели это связано с Алексом?

- Именно с Алексом это и связано, – подтвердил Джимми, - представляешь, сегодня объявился, якобы, отец малыша. Помнишь хозяина магазина и кафе у дороги?

- Мистера Погодина, – переспросил Боб и, не дожидаясь ответа, утвердительно ответил, - конечно, помню.

- Так вот, – продолжил Джимми, - сегодня этот мистер Погодин показал нам фотографию малыша и сказал, что это его сын.

- Ну, фотография еще ни о чем не говорит, – произнес Боб.

- Джимми тоже так считает, - вступила в разговор Лулу,

- но мистер Погодин показал еще фотографию какой-то женщины, в которой малыш признал свою маму. Ты бы видел, как мальчик целовал фотографию этой женщины.

- Интересно, а кто же тогда продал вам малыша?- спросил Боб.

- Мы тоже ломали голову над этим, пока ехали сюда, - сообщил Джимми.

- По всей видимости, это были какие-то мошенники, – предположила Лулу, - они еще в тот раз показались мне какими-то подозрительными.

- Неужели они похитили малыша, а потом ловко его продали, - произнес Боб.
- Наверное, ты недалек от истины, – согласился с ним Джимми, - но, может быть, и мистер Погодин не отец нашему малышу?
- Фотографию настоящей мамы малыша можно достать без проблем, – произнес Боб, - но откуда мистер Погодин мог знать о похищении малыша, ведь для того, чтобы достать фотографию мамы и шантажировать ею новых родителей, нужно, по крайней мере, знать о случившемся.
- Ну, это тоже не проблема, – воскликнул Джимми, - русские не такие глупые, как ты думаешь. Разве не могут они договориться и таким образом зарабатывать деньги?
- А что, интересная идея, – согласился Боб, - одни продают, а другие тут же появляются и предъявляют права на своего ребенка. Чем не доходный бизнес.
- Неужели они такие варвары, – усомнилась Сара, - как можно подвергать малышей таким испытаниям.
- А вот так и можно, – сказал Джимми, - ведь какая-то пара продала нам ребенка.
- Одно дело похитители, – возразил Боб, - и другое дело настоящие родители. Это, каким бессердечием нужно обладать, чтобы спекулировать своим ребенком.
- Может быть, они такие и есть, эти русские, – воскликнул Джимми, - мы будем бороться за нашего малыша, правильно я говорю, Лулу.
- Конечно, правильно, – поддержала Джимми Лулу, - мы уже к нему так привыкли.
- Просто так его отдавать нельзя, – согласился с ними Боб, - нужно как следует все проверить и только тогда принимать какие-то взвешенные решения.

- Думаю, что власти смогут вас защитить, - попыталась успокоить их Сара.

- Мы тоже на это надеемся, – воскликнул Джимми, - спасибо вам за участие, а нам пора домой. Завтра трудный день, к которому нужно как следует подготовиться.

Они вышли на лужайку, на которой мирно играли Алекс и Бритни. Бритни показывала Алексу свои игрушки, а Алекс внимательно их рассматривал. Они даже о чем-то переговаривались, и, как показалось взрослым, отлично понимали друг друга.

Солнце уже подкрадывалось к горизонту, и воздух начинал быстро остывать.

XXXX

Первого апреля Петербург, как и положено, просыпался под аккомпанемент веселых розыгрышей и шуточных обещаний.

Агнесса еще с вечера договорилась с Григорием Кузьмичем, что тот возьмет ее сегодня на работу. Ей очень хотелось встретиться со своими коллегами, вновь побывать в творческой атмосфере агентства.

Ровно в десять часов они подъехали к бизнес-центру, и Агнесса вошла в такой знакомый ей офис.

Первой ее увидела Евгения. Она посмотрела на вошедшую Агнессу, потом протерла свои глаза и, убедившись в том, что перед ней, действительно, Агнесса, громко произнесла:

- Агнесса, какими судьбами.

Услышав ее восклицание, в приемную вошли Сергей и Виктория. Сергей подошел к Агнесе и обнял ее, а Виктория, больше не видя в ней соперницу, поцеловала ее в щеку. Войдя в креативный отдел, Агнесса увидела

за столом Илью. Илья, мельком посмотрев на вошедшую, вновь уткнулся в свои записи. Потом резко поднял голову, поправил очки и воскликнул:

- Агнесса, золотко, ты ли это. Или меня хотят разыграть.

- Илья, разве тебя сможет кто-нибудь разыграть, – улыбнувшись, произнесла Агнесса, - ты у нас не поддаешься никаким розыгрышам.

Она подошла к Илье и по-дружески поцеловала его.

Илья смутился и вновь поправил свои очки.

Григорий Кузьмич, выйдя из кабинета, отвел сотрудникам два часа на общение с Агнессой и порекомендовал им ближайшее кафе.

Вопросов к Агнессе было очень много. Она с удовольствием рассказала им о своей жизни в Североморске. А когда сообщила коллегам о первом прыжке с парашютом, восторгу слушателей не было конца.

В свою очередь, они расспрашивали ее обо всех деталях прыжка, и она говорила о том, как прекрасно чувствует себя человек под куполом раскрывшегося парашюта, как здорово выглядит медленно приближающаяся земля. Не забыла она сказать и о том, что после прыжка по-новому взглянула на свою жизнь и стала уважительней к себе относиться. Еще совсем недавно она боялась прыжка, но переборола свой страх и сделала прыжок в неизвестность.

Коллеги были рады успехам Агнессы, им было приятно оттого, что она сумела подняться над обстоятельствами и с помощью любимого человека вновь вошла в жизнь с гордо поднятой головой.

Сергей, в свою очередь, с воодушевлением рассказал о том, как они отомстили кавказцам за нее на дне рождения Дарьи, но эта информация не обрадовала Агнессу.

- Дорогие мои коллеги, – произнесла она, - давайте не будем опускаться до поведения этих подонков. Кровная месть не имеет конца, она ненасытна. Русскому человеку, вообще, не свойственно чувство мести. Воодушевление оставило Сергея, но он не обиделся на Агнессу. Она, столько пережившая от этих подонков, поднялась выше эмоций и мщения.

- Агнесса, – обратилась к ней Виктория, - а много ли в Североморске настоящих мужчин?

- Вика, – ответила Агнесса, - там настоящих мужчин большинство. Эти мужчины постоянно сталкиваются с ситуациями, которые делают их мужественней и благородней. Они никогда не обижают слабого, не опустятся до унижений и оскорблений.

- Неужели там все такие? - спросила Евгения.

- Есть там и слабаки, но их единицы, – ответила Агнесса, - сама обстановка исключает комфортные условия их существования. Находясь в морских походах или на боевом дежурстве, люди чувствуют локоть друг друга, и эти чувства взаимовыручки не покидают их и в повседневной жизни.

- Да, - произнес Илья, - ты прямо влюбилась в свой Североморск.

- Илья, живя в Петербурге, я даже представить себе не могла, что окажусь в суровых северных широтах, – ответила Агнесса, - для меня, петербургской избалованной девочки была уготована другая судьба, но я благодарна сыну Григория Кузьмича, который познакомил меня с Североморском и его жителями. Мне пришлось многое пересмотреть, от многого отказаться. Но я ни капли не жалею о том, что Андрей увез меня туда.

- А когда вы поженитесь? - спросила Виктория.

- Командир полка, шутя, нас торопит, но мы решили, что месяца через два получим квартиру и тогда уж обязательно сыграем свадьбу, – сообщила Агнесса, - ой, девчонки, так хочется надеть свадебное платье и фату. В такой знаменательный день хочется быть красивой и бесшабашно счастливой.

- Агнесса, ты уже и так счастлива, - воскликнула Евгения, - ты так быстро повзрослела и, судя по сияющим глазам, нашла себя.

- Дорогие мои, - обратилась к коллегам Агнесса, - буду рада видеть вас на своей свадьбе. Я обязательно пришлю вам наше приглашение.

Простившись с друзьями, Агнесса тут же позвонила Андрею и с радостью рассказала ему о встрече с коллегами. Андрей сообщил ей, что вчера было распределение квартир, и им предоставлена двухкомнатная квартира на третьем этаже. Он уже сходил и посмотрел ее.

А еще он сказал, что соскучился по ней и очень ее ждет.

Закончив разговор с Андреем, Агнесса заторопилась в театр, где Мария участвовала в очередной репетиции. А следователи заканчивали сбор доказательств по делу «Улетной недвижимости» и готовили материалы для Интерпола, чтобы тот обеспечил поиск и возвращение Владислава Погодина в Россию.

XXXXI

В последние дни Владислав делал все возможное, чтобы вернуть себе своего сына.

Уже несколько раз его вызывали в полицейский участок для выяснения подробностей.

По показаниям Боба, Джимми и Лулу были сделаны и разосланы по стране фотороботы похитителей малыша, но выйти на их след удалось только через две недели. Одна из стюардесс Боинга – 737, следовавшего по маршруту Париж – Нью-Йорк, вспомнила о том, что месяц тому назад она обслуживала во время полета похожих мужчину и женщину. Тогда ее удивило то, что малыш весь полет проспал, и, сонным, его выносили из самолета. В дальнейшем, удалось выяснить фамилии пассажиров и то, что мужчина и женщина через неделю вылетели в обратном направлении.

Сотрудники ФБР подготовили информацию и информировали о предполагаемых похитителях российские следственные органы.

По полученным данным в России начался активный поиск мужчины и женщины.

Следователи опросили всех стюардесс, летавших по маршрутам Париж – Москва и Париж – Санкт-Петербург и выяснили, что, пробыв во Франции одну неделю, на одном из самолетов похитители вернулись в Санкт-Петербург.

В Петербурге начался поиск похитителей, в ходе которого выяснилось, что женщина, участвовавшая в покушении мальчика, неоднократно задерживалась следственными органами за мошенничество, но всякий раз, на следующий день или через день, выпускалась из следственного изолятора. Что за магическая сила помогала женщине? В этом следствию тоже нужно было разобраться.

По полученным данным следственным органам не составило труда найти женщину с мужчиной, которые отмечали свой успех в одном из сочинских санаториев. Они были задержаны и на первом же допросе, под давлением неопровержимых улик, мужчина сознался в

похищении ребенка.

Женщина продолжала отнекиваться, пытаясь связаться с какими-то всесильными знакомыми. Но дело получило такой общественный резонанс, что никакая сила не могла выволить ее из-под стражи.

Марии было сообщено о том, что похитители ее Бориса найдены, и от них получена информация, что ее сын находится сейчас в США.

Мария, не откладывая в долгий ящик, позвонила Владиславу и сообщила ему о том, что Борис в данное время находится в Америке. Владислав сделал вид, что очень удивлен таким известием, и обещал сделать все от него зависящее, чтобы отыскать Бориса.

Приехав домой и забыв о том, что у нее закончилась виза, Мария засобиравалась в Америку, но Алина Георгиевна и Григорий Кузьмич отговорили ее от таких поспешных действий.

- Ну, что ты там сейчас будешь делать? – спросила ее Алина Георгиевна, - следственные органы занимаются поиском Бориса, Владислав постарается ускорить нахождение мальчика. Подожди недельку, а потом и полетишь туда, если до этого времени мальчика не найдут.

Мария с трудом согласилась на уговоры и то только потому, что Агнесса поддержала Алину Георгиевну и Григория Кузьмича.

А Владислав тем временем сдал анализ на генетическую экспертизу, которая подтвердила то, что похищенный мальчик есть его сын.

Имея на руках заключение эксперта, Владислав подал исковое заявление в суд штата, и решением суда Борис был передан его настоящему отцу.

Прямо в зале суда мальчика передали Владиславу, узаконив его родительские права.

Прямо в зале суда журналисты многих информационных агентств застрочили материал в свои издания, а фотографии защелкали затворами суперкамер. На фотографиях Владислав натянуто улыбался, а Борис щурился не то от обилия вспышек, не то от повышенного внимания.

Во время суда Джимми никак не мог успокоить расстроившуюся Лулу. Мало того, что она проплакала все заседание суда, так после объявления приговора, упала в обморок, и Боб с Джимми вынесли ее на свежий воздух, где врач долго приводил ее в чувство.

Придя в себя, Лулу пообещала обжаловать решение суда, считая его незаконным и антигуманным.

А Владислав, дав несколько коротких интервью, усадил сына в машину и увез к себе домой. Дома он показал Борису все игрушки, которые заранее купил в супермаркете.

Борис сдержанно посмотрел на игрушки и спросил:

- А я могу позвонить маме?

- Нет, Борис, отсюда до мамы никак не дозвониться, – обманул мальчика Владислав, - вот поживешь здесь чуть-чуть, и мама сама обязательно приедет.

Борис по-взрослому посмотрел на дядю и, не поверив ему, вышел на лужайку.

Владислав проследовал вслед за ним, уговаривая хоть чего-нибудь покушать, но Борис не хотел есть. Да и вообще, больше всего на свете он хотел, чтобы мама была рядом с ним, чтобы бабушка улыбнулась ему, чтобы садиковские приятели пригласили его на качели. Но обо всем, об этом можно было только мечтать, и он с головой ушел в свои мечты, и никакой дядя не мог вывести его из мечтательного состояния.

Владислав еще несколько минут постоял возле сына, потом повернулся и пошел к дому.

- Что делать? – подумал он, войдя в гостиную, - сейчас сообщить о случившемся Марии или подождать?

- Чего ты тянешь? – воскликнул внутренний голос, - немедленно позвони Марии и сообщи ей радостную новость.

- Нет, - ответил Владислав, доставая из холодильника бутылку виски, - надо серьезно все обдумать, а уж потом что-то делать.

- Да, чего здесь думать, - заерепенился внутренний голос, - Мария извелась вся в России. Для нее каждая минута является пыткой.

- Это разве пытка, - глотнув виски, ответил Владислав, - днем раньше, днем позже. Не один ли черт.

- Ты, что, совсем уже потерял совесть? – вновь спросил внутренний голос, - хотя, вряд ли можно потерять то, чего не имеешь.

- Что ты этим хочешь сказать? – закричал Владислав.

- А, то и хочу, - твердо произнес внутренний голос, - я думал, что ты хоть немного одумался. А ты, как был сволочью, так ей и останешься.

- Перестань оскорблять, – возмутился Владислав, - какая я тебе сволочь. Да я лучше многих. Неужели ты не видишь, как я обрадовался сыну?

- Ты не сыну обрадовался, – парировал внутренний голос, - ты обрадовался представившейся возможности еще раз помучить Марию.

- Что ты выдумываешь? – воскликнул Владислав, - разве могу я на удалении мучить Марию?

- Выходит, что можешь, - уже мягче сказал внутренний голос, - неужели нельзя понять человека, который действительно страдает в Петербурге. Да и мальчик скучает по своей маме. Взгляни на него, в его глазах печаль и какая-то взрослая отрешенность.

- Не преувеличивай, - воскликнул Владислав, - все-то тебе мерещится. Конечно, ребенок скучает, но печали в его глазах я не вижу.

- Залил глаза виски, вот и не видишь - с ехидцей произнес внутренний голос.

- Было бы чем заливать, - возразил Владислав, - разве может стакан виски залить мою радость. Мой сын у меня, мой сын со мной. А раз сын со мной, то и Мария никуда не денется.

Вспомнив о сыне, Владислав вышел на лужайку. Борис тихо сидел прямо на траве и по-прежнему смотрел куда-то вдаль.

- Борис, - позвал сына Владислав, - иди в дом, а то на улице стало холодать.

Борис встал и медленно направился к дому. Проходя мимо Владислава, он внимательно на него посмотрел и, не сказав ни слова, вошел в дом.

- Может, поужинаем? – спросил Владислав у Бориса. Услышав категоричное «нет», он показал сыну ванную комнату, потом привел в спальню и показал ему разобранную кровать.

Он хотел серьезно поговорить с сыном, но мальчик отвернулся к стене, сделав вид, что засыпает.

Постояв возле кровати минуты три, Владислав вернулся к бутылке виски, заглушив при этом внутренний голос.

На следующий день все газеты штата опубликовали материалы из зала суда, с фотографиями счастливого отца, который с сыном на руках что-то говорил окружившим его журналистам.

Заголовки газет кричали о том, что справедливость, наконец-то, восторжествовала, и сын вернулся к родному отцу. Еще в газетах подчеркивалась американская оперативность и сила закона. Жирным шрифтом были выделены слова о том, что благодаря

действиям доблестных сотрудников ФБР был перекрыт канал русской спекуляции детьми, а похитители ребенка были найдены и преданы суду. Вновь великая американская фемида – оплот справедливости и гуманизма, продемонстрировала всему миру свою мудрость и неподкупность.

Это известие подхватили международные средства массовой информации и через Интернет оповестили об этом все мировое сообщество.

XXXXII

Приехав утром на работу, Григорий Кузьмич первым делом просмотрел почту, потом вошел в Интернет и, что он видит. На фотографии он видит маленького испуганного Бориса с сияющим Владиславом. Под фотографией надпись:

- Наконец-то, мистер Погодин нашел своего сына. Он тут же позвонил Алине Георгиевне и срочно вернулся домой.

Дома Алина Георгиевна, Мария и Агнесса горячо обсуждали полученное известие.

Обрадованная Мария, не переводя дух, говорила о том, что скоро она, наконец-то, увидит своего малыша, что теперь с ним ничего не случится. Алина Георгиевна и Агнесса радовались этому известию вместе с ней.

Григорий Кузьмич, увидев долгожданную радость в глазах женщин, предложил по этому случаю накрыть праздничный стол. Пока женщины готовили закуску и накрывали на стол, он позвонил своим знакомым из туристической фирмы, чтобы через них оформить для Марии визу в Америку и забронировать место на самолет.

Сев за праздничный стол, они стали шумно поздравлять друг друга с радостным известием.

Григорий Кузьмич предложил выпить за скорейшую встречу Марии с сыном. Бокалы зазвенели необычайно радостным звоном, потому что событие, которому был посвящен тост, озарило присутствующих сиянием радостных улыбок.

Алина Георгиевна и Григорий Кузьмич не могли налюбоваться на раскрасневшуюся Марию, а Агнесса так прямо и сказала:

- Мария, какая ты сегодня красивая.

Смутившись, Мария встала из-за стола и произнесла:

- Дорогие мои, только благодаря вашей помощи я сумела пережить эти тяжелые для меня дни. Большое спасибо вам за поддержку и сопереживание, как я вас всех люблю.

Выпив по второй, присутствующие стали вспоминать маленького Бориса. Как он ходил в садик, как занял второе место по бросанию мяча, как рвался с Григорием Кузьмичем на рыбалку и помогал ему делать уху. А Агнесса вспомнила случай, когда маленький Борис веселил гостей на свадьбе Григория Кузьмича и Алины Георгиевны. Тогда он в черном костюме и белой рубашке при бабочке обходил гостей и предлагал им выпить за бабушку и «тленела», которых он очень любил.

Вспомнив об Андрее, Агнесса позвонила в Североморск, и Андрей поздравил всех присутствующих с найденным Борисом. Он тоже очень переживал за судьбу ребенка. Сказав слова поздравления, он виртуально чокнулся с ними и также виртуально выпил за маленького Бориса. Почему виртуально? Да потому, что шел в это время к своему самолету, чтобы выполнить очередной полет на боевое

дежурство. Охрана морских рубежей ни на минуту не должна прекращаться. Служба есть служба.

Алина Георгиевна хотела сказать очередной тост, но Мария вдруг стала серьезной и, посмотрев на присутствующих, произнесла:

- Дорогие мои, а почему Владислав мне об этом до сих пор не сообщает?

Все внимательно посмотрели на Марию.

Действительно, почему Владислав еще не позвонил ей и не порадовал приятным известием?

Мария тут же набрала номер телефона Владислава, но на том конце провода прозвучало сообщение о выключенном аппарате. Мария вновь набрала номер Владислава, но неприятное сообщение прозвучало вновь. Что-то тревожное послышалось в этом сообщении. Мария вновь посмотрела на присутствующих и тихо сказала:

- Аппарат выключен, – потом сильнее, - аппарат выключен

Ухудшившееся настроение Марии передалось всем присутствующим. Агнесса подошла к Марии, обняла ее за плечи и произнесла:

- Мария, милая, не переживай, мало ли что случилось со связью.

- Может быть, он находится где-то вне зоны обслуживания? – попыталась предположить Алина Георгиевна.

- Мама, о чем ты говоришь - категорично возразила Мария, - Влад не может находиться вне зоны. Это же Америка.

- Ну, всякое бывает, - как можно спокойней произнес Григорий Кузьмич, - может, трубка сломалась, может, потерял он ее.

- Нет, Григорий Кузьмич, - тихо сказала Мария, - там что-то случилось, я чувствую, что там что-то случилось. Никакие слова не могли успокоить расстроившуюся Марию. Даже непрекращающиеся звонки коллег по театру и поклонников ее таланта, узнавших о том, что ее сын найден, не могли вывести Марию из состояния тревоги и оцепенения.

Из оцепенения ее вывел раздавшийся в прихожей звонок. Алина Георгиевна пошла открывать неизвестному посетителю и, через минуту, ввела в гостиную главного режиссера театра Томина Кирилла Юрьевича.

Войдя в гостиную, он поздоровался с присутствующими, подошел к Марии и вручил ей большой букет цветов:

- Мария, поздравляю тебя, наконец-то, твой малыш найден.

Мария с грустью поблагодарила Кирилла Юрьевича, а Алина Георгиевна пригласила его за стол.

- Мария, но что с тобой, - произнес Кирилл Юрьевич, сев за стол, - почему ты не рада такому известию? У тебя же нашелся сын.

Мария посмотрела на Кирилла Юрьевича и уже хотела ему что-то ответить, но Григорий Кузьмич опередил ее и сказал:

- Кирилл Юрьевич, мы очень обрадовались известию о том, что наш Бориска найден, но смущает немного то, что Владислав, ее муж, до сих пор не позвонил и не сообщил ей об этом.

- Как, Владислав еще не звонил? – удивился Кирилл Юрьевич, - Может вы не слышали его звонка? – спросил в свою очередь он.

- Кирилл Юрьевич, во-первых, мы не могли не услышать звонка, - вступила в разговор Алина

Георгиевна, - а, во-вторых, Мария сама попыталась недавно до него дозвониться, но на том конце, отвечают, что трубка отключена.

- Мария, мало ли что могло случиться с трубкой, - попытался успокоить Марию Кирилл Юрьевич, сомневаясь в своем предположении, - может быть, Владислав специально отключил трубку, чтобы не разбудить спящего рядом с ним малыша.

- Ну, хорошо, - произнесла Мария, - сейчас он спит с малышом, но прежде, чем лечь спать, он мог позвонить нам и сказать о том, что малыш у него?

- Да, - произнес Кирилл Юрьевич, - это он обязательно должен был сделать.

Григорий Кузьмич, дабы как-то разрядить обстановку, предложил выпить за Кирилла Юрьевича, который пришел к ним, чтобы поздравить Марию и всех присутствующих.

Мария немного отпила из своего бокала и, уткнувшись Агнессе в плечо, заплакала сначала тихо, потом навзрыд.

Женщины стали ее успокаивать, а мужчины вышли на кухню и продолжили там свой разговор.

- Действительно, странно, что Владислав не позвонил ей, - произнес Григорий Кузьмич.

- Мне тоже сначала показалось странным, что от Владислава нет никаких известий, - согласился Кирилл Юрьевич, - но, вспомнив о том, что Владислав и раньше не отличался особой внимательностью и сочувствием, могу предположить, что он просто-напросто забыл это сделать. Помню, как раньше Мария, играя на сцене, каждый раз вглядывалась в зал, пытаясь увидеть там своего Владислава, а Владислав в это время пьянствовал со своими друзьями где-нибудь за городом в окружении длинноногих блондинок. Не могу понять,

что тогда удерживало такую стойкую женщину, как Мария, почему она не сделала свой решительный шаг и не ушла от него?

- Мне кажется, что она до сих пор любит Владислава, - сказал Григорий Кузьмич, - любит, но не хочет ехать к нему. Вы знаете, как он уговаривал ее в последний раз?

- Знаю, как не знать, - воскликнул Кирилл Юрьевич, - после этих уговоров Мария долго не могла прийти в себя, возвращаясь в гостиницу. Если бы не ее характер, она давно бы опустила руки и распрощалась со сценой. Но она сильный и преданный театру человек, за что и любят ее в театре.

В кухне появилась умытая и причесанная Мария:

- Кирилл Юрьевич, Григорий Кузьмич, простите меня, ради бога. Что-то я очень сдала в последнее время.

Проходите, пожалуйста, в гостиную. Мы должны обязательно выпить за то, чтобы мой Бориска скорей оказался рядом с нами.

- Вот это хорошо, - произнес Кирилл Юрьевич, - вот это по-нашему. Ты же знаешь, что слезами горю не поможешь, а тут и не горе совсем. Просто в данный момент Борис не может быть с нами, но через некоторое время он будет снова нас радовать.

Кирилл Юрьевич обнял Марию и по-отцовски ее поцеловал.

Они прошли в гостиную, где Алина Георгиевна и Агнесса уже украсили стол новыми закусками и спиртным.

- Дорогая Мария, уважаемые друзья, - подняв свой бокал, воскликнул Кирилл Юрьевич, - хочу выпить за то, чтобы в этом доме, как можно скорей, прозвучал веселый смех маленького Бориса, чтобы вы вновь обрели спокойствие и радость.

Присутствующие выпили за хорошие пожелания Кирилла Юрьевича, который после тоста заторопился по своим служебным делам.

Проводив Кирилла Юрьевича, присутствующие решили убрать со стола и выйти на улицу, чтобы немного пройтись по вечернему Петербургу.

Пройдитесь и вы по вечернему Петербургу, по городу, который может сопереживать и сочувствовать, успокаивать и ласкать.

XXXXIII

Выйдя из гостей, Кирилл Юрьевич приехал в театр и тут же позвонил своим американским знакомым.

Он рассказал им о том, что у Марии Погодиной в Америке нашелся сын, но она никак не может связаться со своим мужем, который проживает в Америке, и у которого в настоящее время находится ребенок. Кирилл Юрьевич попросил своих знакомых сделать все возможное, чтобы Мария смогла быстрее встретиться с сыном.

Поклонники петербургского театра тут же откликнулись на просьбу Кирилла Юрьевича и уже на следующий день двое из них смогли посетить Владислава в его доме.

Владислава они застали в радостном подпитии. К нему каждый день навещали журналисты, чтобы задать несколько вопросов и подробнее узнать о судьбе мальчика, поэтому визит двух мужчин его несколько не удивил.

Джон Беллоу, уроженец Америки, и Питер Страхофф, уроженец России, эмигрировавший в Америку несколько лет тому назад, представились Владиславу и попросили показать им маленького Бориса. Владислав

привел их в комнату малыша, который играл там купленными Владиславом игрушками.

Обернувшись на шум, Борис недовольно посмотрел на взрослых дядей и вновь отвернулся к игрушкам.

Джон подошел к малышу и, погладив его по голове, спросил:

- Как твои дела, малыш?

Владислав поспешил на помощь:

- Борис еще слабо говорит по-английски, его лучше не беспокоить.

Тогда Питер на чистом русском языке спросил у Бориса:

- Борис, а ты хочешь к маме?

Услышав русскую речь, Борис обернулся и, улыбнувшись, сказал:

- Конечно, хочу. Я очень хочу увидеть свою маму. Вы можете мне в этом?

- Конечно, поможем, - пообещал Питер.

- Давайте не будем мешать малышу, - еще категоричней сказал Владислав, - пусть он побудет один. Ему и так в последнее время пришлось многое пережить.

Гости, дабы не злить хозяина, вышли из комнаты мальчика и прошли в гостиную.

Там они задали несколько вопросов протрезвавшему Владиславу.

- Мистер Погодин, - начал Джон, - наши российские друзья позвонили нам и просили срочно найти Вас. В Петербурге Ваша жена ждет информации о своем малыше, но не может до Вас дозвониться.

- У Вас что-то случилось с трубкой? – спросил Питер.

- Ничего у меня с трубкой не случилось, господин Страхофф, - сердито заявил Владислав, - просто надоели мне своими звонками всякие писаки, вот я ее и отключил.

- А почему Вы сами не позвоните Вашей жене? – спросил мистер Беллоу.

- Вы знаете, я так закрутился в последнее время, ни минуты покоя не дают мне бюстители порядка и пишущая братия, - произнес Владислав, - некогда бизнесом заниматься.

- Бизнес – это, конечно, важно, - сказал Питер, - но разве трудно найти пару минут, чтобы сообщить о судьбе малыша его маме и Вашей жене, наконец? Владислав зло посмотрел на Питера и рывкнул:

- А какое собачье дело до всего этого вам, господа хорошие. Вы, случайно, не из Общества милосердия и душевного спасения?

- Мистер Погодин, - тихо, но уверенно произнес Джон, - нас просили об этом наши русские друзья, к мнению которых мы прислушиваемся и глубоко его уважаем. Только поэтому мы здесь.

- В Америке много поклонников таланта Вашей жены, - поддержал Джона Питер, - и им не безразлична судьба ее близких. Узнав о случившемся, они убедили нас встретиться с Вами, что мы и делаем.

- Ах, поклонники, - воскликнул Владислав, - конечно, у нее поклонники, успех, аплодисменты. У нее, в конце концов, сын. А у меня что, прозябание в этой долбанной Америке без родных и близких мне людей. Сына я никому не отдам. Он мой. И, если я когда-то еще сомневался в этом, то генетическая экспертиза подтвердила мое участие в его появлении на свет.

- У Вас никто и не пытается его отнять, - попытался успокоить его Джон, - просто мы просим Вас позвонить Вашей жене и сообщить ей о том, что с сыном все хорошо. А еще лучше, пригласить ее в Америку. Правда, приглашение Вашей жене мы уже сами послали.

Услышав о том, что Марии уже послано приглашение в Америку, Владислав еще больше возмутился:

- Ах, вы ее уже пригласили. Мою жену они уже пригласили. Ну, поклонники, ну, проходимцы.

- Ну, зачем же так грубо, - произнес Питер, - мы, действительно, хотим помочь Вам и Вашей жене.

- А мне не надо помогать, - рявкнул Владислав, - как-нибудь без Вашей помощи обойдусь. И вообще, я устал и хочу отдохнуть.

- Тогда позвольте нам сделать два звонка, и мы уйдем - произнес Питер и, не дожидаясь разрешения, набрал номер телефона Кирилла Юрьевича.

Услышав на другом конце голос друга, он воскликнул: - Кирилл, дорогой, это Питер. Мы сейчас находимся в доме мистера Погодина.

Прослушав слова Кирилла Юрьевича, он продолжил:

- У тебя далеко номер телефона Марии?

Кирилл Юрьевич дал Питеру номер телефона Марии и тот, поблагодарив друга, распрощался с ним.

- Не вздумайте ей звонить, - крикнул Владислав, - я не готов с ней сейчас разговаривать.

- Извините, мистер Погодин, - произнес Питер, - а это уж мое дело, звонить или не звонить.

С этими словами он набрал номер телефона Марии и после длинных сигналов услышал голос Марии:

- Алло, алло.

- Госпожа Погодина, добрый день. Это звонит Вам Питер Страхофф, Ваш давний поклонник. Я звоню Вам из Америки, рядом со мной сидит Ваш муж. Он хочет Вам что-то сказать.

Сказав это, Питер передает свою трубку Владиславу, тот нехотя ее берет:

- Привет, Мария. Как твои дела, как настроение?

- Влад, дорогой, скажи, где мой мальчик, что с ним? – кричит в трубку Мария.

- Борис сидит у себя в комнате и играет в игрушки, у него много игрушек и ему здесь очень хорошо, - скороговоркой выпаливает Владислав.

- Влад, я тебя очень прошу, дай малышу трубку, я хочу с ним поговорить, - просит Мария.

- Мария, его не стоит сейчас беспокоить, - пытается возразить ей Владислав, - он так намучился за эти дни.

- Владислав, я тебя очень прошу, - еще настойчивей просит Мария, - дай мне поговорить с моим малышом. Заметив решительный жест Питера, Владислав в сопровождении гостей идет в комнату мальчика и дает ему трубку:

- Поговори с мамой, малыш.

Борис берет трубку и кричит в нее:

- Мама, мамочка, я тебя очень жду. Забери меня скорей отсюда.

- Малыш мой, я очень тебя люблю и скоро обязательно за тобой приеду, - кричит в трубку Мария, - не переживай, слушайся папу, и мы скоро увидимся.

Услышав мамины слова, малыш сначала очень обрадовался, потом не сдержал своих слез.

- Не плачь, мой хороший, твоя мама скоро придет к тебе, - попыталась успокоить его Мария, сама еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, - еще чуть-чуть, и мы снова будем вместе.

Не выдержав плача, Владислав вырывает у него из рук трубку и говорит:

- Мария, хватит расстраивать малыша. Созвонимся в другой раз.

Выключив трубку, он передает ее Питеру:

- Видите, как расстроился малыш, а ему сейчас переживать никак нельзя.

Борис вытер слезы, подошел к Питеру и поблагодарил его за то, что он разрешил ему поговорить с мамой.

Питер, едва сдержав свое волнение, произнес:

- Малыш, если папа позволит, я буду иногда навещать тебя. А когда приедет твоя мама, мы обязательно ее встретим. Хорошо?

- Хорошо, - согласился Борис и, попрощавшись, пошел в свою комнату.

Гости, простившись с Владиславом, покинули его дом.

- Какой странный человек, - произнес Джон, - почему он был против разговора малыша с мамой?

- Джон, мне показалось, что он не хочет отдавать малыша Марии, - ответил Питер, - здесь потребуется наше участие в судьбе малыша.

- Конечно, конечно, - согласился Джон, - мы, обязательно, поможем госпоже Погодиной встретиться с мальчиком.

XXXXIV

После разговора с сыном, настроение у Марии значительно улучшилось. Она поспешила сообщить всем об этом, а вечером играла в спектакле, да так, что публика долго не отпускала ее за кулисы. После спектакля ее встретили Григорий Кузьмич, Алина Георгиевна и Агнесса.

Они прошли по Садовой до Невского и там, в одном из ресторанов, отметили ее сегодняшний успех.

Мария без устали говорила об ее разговоре с малышом, о том, что по приглашению друзей виза будет уже скоро оформлена и тогда она вновь увидится с ним.

Григорий Кузьмич предложил поднять бокалы за маленького Бориса, который, после долгого перерыва,

вновь услышал свою маму и теперь живет мыслями о скорой встрече.

После тоста Алина Георгиевна стала рассуждать о том, как они встретят малыша в Петербурге, чем его угостят, куда обязательно сводят.

Григорий Кузьмич, глядя на раскрасневшуюся супругу, мысленно соглашался с ней и даже решил кое-что добавить от себя:

- Дорогая, а не устроить ли ему выезд на рыбалку?

Помнишь, как горели у него глаза после первого раза.

- Конечно, устроим, - согласилась с ним Алина

Георгиевна, - мы обязательно отвезем его на дачу и там побудем с ним несколько дней.

- А еще, - предложила Агнесса, - мы с Андреем ждем вас в Североморске. Андрей, обязательно, покажет Борису свой самолет, а я договорюсь с командованием какого-нибудь корабля и покажу его малышу.

Представляете, Борис войдет на настоящий корабль, и командир корабля ему отрапортует.

- Как здорово, - воскликнула Мария, - я тоже хочу на корабль, и чтобы мне тоже отрапортовал командир корабля.

- Ах, вы, мои хорошие, - воскликнул Григорий Кузьмич,

- мои прекрасные мечтательницы. Хочу выпить за вас, за то, чтобы все ваши мечты быстрее сбылись.

Они вновь выпили за скорейшую встречу с Борисом и, закусив, засобирались домой.

Проходя мимо Московского вокзала, Агнесса посмотрела на Марию и тихо сказала:

- Завтра я уезжаю в Североморск, а то, что-то слишком загостились у вас. Теперь все неприятности позади, настроение у всех прекрасное, так что мне пора и честь знать.

И, действительно, на следующий день Агнесса в сопровождении Григория Кузьмича, Алины Георгиевны и Марии приехала на Московский вокзал, чтобы сесть в поезд, который вскоре увезет ее к своему любимому Андрею и его друзьям.

Прощание было долгим и слезливым. Разве могут женщины проститься без слез.

- Передавай там большой привет Андрею, – просила заплаканная Алина Георгиевна, - мы к вам, обязательно, приедем.

- Скажи ему, что мы все им гордимся, - пробасил Григорий Кузьмич, - пусть и дальше достойно несет свою службу. Фамилия Потемкиных этому обязывает. Отец ведь тоже неплохим воином был.

- Конечно, Андрею большой привет, - поддержала всех Мария, - мы все его очень любим и желаем дальнейших успехов. Как это у вас говорят? - обратилась она к Григорию Кузьмичу.

- Успехов в боевой и политической подготовке, - уточнил Григорий Кузьмич.

- Вот-вот, в боевой и политической подготовке, - повторила за Григорием Кузьмичем Мария.

Проводник попросил провожающих покинуть вагон, что они незамедлительно и сделали. Поезд сначала дернулся, потом плавно начал набирать скорость, унося Агнессу в ночную темноту.

Провожающие в последний раз помахали вслед уходящему поезду и поспешили с вокзала по своим делам.

Григорий Кузьмич повез своих женщин домой.

- Григорий Кузьмич, - произнесла Мария, - все-таки в Североморске Агнесса очень изменилась.

- Да, - согласился с ней Григорий Кузьмич, - она стала такой энергичной, такой целеустремленной.

- Кроме того, - присоединилась к разговору Алина Георгиевна, - она стала значительно душевней и внимательней. Не каждый родственник вот так вот сорвется и прилетит к близким, чтобы побыть с ними в горестные минуты.

- Да, спасибо ей за это, - согласилась с ней Мария, - ее поддержка мне очень помогла. Да и вообще, все вы у меня молодцы. Что бы я без вас делала.

Сидя на заднем сиденье, она обняла Григория Кузьмича и Алину Георгиевну. Так они и ехали, обнявшись, до самого дома.

Спокойной им ночи и великой радости в будущем.

XXXXV

В Мурманске Агнессу встречал не только Андрей.

Вместе с ним на вокзал приехали Саша Третьяков с женой и неунывающий Димон.

Выйдя из поезда, Агнесса сразу увидела своего статного Андрея, который стоял на перроне с большим букетом цветом и приветливо улыбался. Она бросилась к нему на грудь, выпустив из рук огромные сумки, набитые всякими вкусностями от Алины Георгиевны и Григория Кузьмича.

Саша с Димоном быстро подхватили тяжелые сумки, а Татьяна подошла к обнимающимся и, тронув Агнессу за плечо, капризно произнесла:

- А нас обнять. Мы тоже хотим обниматься.

Агнесса обернулась и, не выпуская Андрея, обняла и поцеловала Таню:

- Танька, я так рада видеть вас всех, Саша, Димон, я вас всех очень люблю.

- Уж так прямо и очень, - скромно потупив глаза, произнес Димон.

- Конечно, очень, - воскликнула Агнесса, - я так соскучилась по всем вам.

Они, перебивая друг друга и продолжая сыпать комплименты, дошли до машины и, сев в нее, немного перевели дух.

- Как там Петербург, - спросил Андрей, держа крепко руль набирающей скорость машины, - как отец?

- Отец у тебя молодец, - воскликнула Агнесса, - если бы не он, мы потонули бы в своих слезах, особенно в первый день. Они тебе с Алиной Георгиевной передали кучу подарков, солений, варений и огромный общий привет.

- А с рыбалкой отец еще не завязал? - вновь спросил Андрей.

- Что ты, даже зимой не прекращает ездить на озера, - ответила Агнесса, - там, в сумке пойманная и вяленая им рыба.

- Молодец, батя, - похвалил Андрей, - сколько в нем энергии, просто диву даешься.

Немного помолчав, Андрей вновь спросил: «Солнце, расскажи, пожалуйста, о малыше. Где он, что с ним».

И Агнесса стала рассказывать о том, что Мария, наконец-то, смогла поговорить по телефону со своим сыном и через неделю вылетит в Америку, чтобы с ним повидаться.

Это известие очень обрадовало Андрея и его друзей.

- Мы здесь тоже очень переживали за малыша, - сказала Татьяна, - слава богу, что он, наконец, нашелся.

- Знаете, - сказала Агнесса, - меня больше всего огорчил тот факт, что Владислав, муж Марии, не удосужился сообщить ей о том, что нашел малыша в Америке.

Только благодаря друзьям и поклонникам ее таланта удалось пообщаться с Владиславом и сыном.

- Бог ему судья, - сказала Татьяна, - главное, что малыш нашелся, верно, Саша? – обратилась она к Третьякову.

- Конечно, верно, - ответил Саша, - но я бы так не поступил.

- Да, ты у меня вообще золото, - воскликнула Татьяна. Они подъехали к дому, где жил Андрей и прошли в комнату, в которой был заранее накрыт стол. На столе стояли большая ваза с фруктами, ваза с конфетами и шоколадом и две бутылки шампанского.

Увидев такой натюрморт, Агнесса бросилась на шею Андрея и стала страстно его целовать.

- Хватит, хватит, хватит, - воскликнул Димон, - мы тоже хотим, уж если не поцелуев, то хотя бы шампанского.

Гости разделись и уселись за накрытым столом.

Агнесса покопошилась в своих больших сумках и достала оттуда две бутылки и две банки солений.

- Это настойка с добавлением чебреца, которую Григорий Кузьмич и Алина Георгиевна передали вам, дорогие мужички, - сказала она, выставляя содержимое сумки на стол, - а это бутылка наливки из черноплодной рябины для нас, дорогих женщин.

- Какие заботливые у вас родственники, – воскликнул Димон, потирая руки, - Сашок, пора бы и разлить.

Саша наполнил стопки и рюмки спиртным, женщины разложили соленья и рыбу по тарелкам, и Татьяна произнесла первый тост:

- Дорогие Андрей и Агнесса! Я хочу выпить за вашу прекрасную пару, за то, что у нас есть такие замечательные друзья.

Присутствующие дружно выпили, поддержав тем самым эмоциональный Татьянин тост.

Мужички захрустели солеными огурчиками, а женщины налетели на фрукты и сладости.

После первого тоста Саша попросил Агнессу рассказать о Питере, и Агнесса с удовольствием поведала о том, что центр города с каждым днем становится все краше и краше, тротуары выкладываются плиткой, дома красятся в светлые, приятные тона, дворы чистятся и облагораживаются.

- Петербуржцы отличаются своим внимательным отношением, - воскликнула она, - вы знаете, сколько людей выразили озабоченность и поддержали Марию в трудное для нее время. Такая серьезная поддержка помогла Марии вновь выйти на сцену и вдохновенно на ней играть.

- Как мне хочется побывать в театре, - произнесла Татьяна, - как хочется познакомиться с этой сильной и талантливой женщиной.

- Ты обязательно с ней познакомишься, - твердо заявила Агнесса, - они обещали приехать в Североморск вместе с маленьким Борисом. Думаю, что это произойдет после того, как мы переедем в двухкомнатную квартиру.

- Кстати о квартире, - вступил в разговор Андрей, - завтра я хочу показать Агнессе нашу будущую квартиру. Можете к нам присоединиться.

Саша с Татьяной тут же согласились, а Димон, хитро улыбнувшись, сказал, что завтрашний вечер хочет посвятить одной из любимых женщин.

После этого он предложил выпить за возвращение Агнессы, что присутствующие без замедления и сделали.

Немного закусив, Димон рассказал присутствующим новый, услышанный им анекдот:

- Во время экскурсии по озеру Лох-Несс, турист спрашивает гида:

- Простите, уважаемый, а когда чудовище обычно появляется на поверхности озера?

- Чудовище? Обычно после пятого стакана, сэр, - отвечает гид.

- Так вот, чтобы у нас этого не произошло, - предложил он, - Сашок, давай по третьей и по домам, а то Агнесса с дороги должна, как следует, отдохнуть.

Сашок разлил по стопкам и рюмкам и произнес:

- Андрей, позволь выпить за твою прекрасную женщину и пожелать ей счастья и успехов. А ты постарайся ее счастье сберечь и приумножить.

Сказав это, он с любовью посмотрел на свою Татьяну и чокнулся с ней.

Присутствующие выпили по последней, и гости заторопились по домам.

Оставшись одни, Андрей и Агнесса, быстро убрали со стола и бросились в объятия друг друга, стараясь сполна восполнить время длительного расставания.

Накопившаяся за это время страсть бурным потоком хлынула из их разгоряченных тел, и они раз за разом с головой погружались в этот бурный поток, наслаждаясь приятной близостью. Их непослушные руки то нежно гладили разгоряченные тела, то с силой стискивали их в страстном извержении, то в изнеможении раскидывались в стороны, чтобы через некоторое время вновь заскользить по нежной коже любимого человека. Вот она, сила любви, плодотворная сила бытия, которая не позволит иссякнуть роднику рода человеческого с российскими корнями. А это так нужно сегодня нашей матушке России.

XXXXVI

Через несколько дней Джон и Питер вновь навестили Владислава и маленького Бориса.

Недовольный Владислав, увидев неприятных визитеров, попытался захлопнуть перед ними дверь, но Питер, придержав дверь, твердо заявил:

- Мистер Погодин, я обещал мальчику иногда его навещать и слово свое хочу сдержать.

Видя решительный настрой пришедших, Владислав впустил их в дом, но просил побыстрее его покинуть. Увидев Питера и Джона, Борис с радостью подбежал к ним и воскликнул:

- Скажите, Питер, я сегодня смогу поговорить со своей мамой?

- Конечно, сможешь, - пообещал малышу Питер, - но, прежде, прими от нас вот эти игрушки.

С этими словами он передал мальчику робота и машинку.

- Спасибо, Питер, - поблагодарил Борис, - такого же робота мне недавно привезла из Америки мама.

- Вот тебе раз, - расстроился Питер, - никак не ожидал, что у тебя уже есть такой робот.

Заметив, что Питер немного расстроился, Борис произнес:

- Не расстраивайтесь, Питер, я с Вашим роботом тоже буду играть. Думаю, что им вдвоем будет веселей.

- Конечно, будет веселей, - согласился с малышом Питер, - а теперь я позвоню твоей маме, и ты сможешь с ней поговорить.

Он набрал номер телефона Марии и, услышав ее голос, произнес:

- Госпожа Погодина, это Питер. Я сейчас вновь передам трубку Вашему сыну, поговорите, пожалуйста, с ним.

- Борис, мальчик мой, - прокричала в трубку Мария, - у тебя все хорошо?

- Да, мама, у меня все хорошо, - с восторгом крикнул малыш, - просто я очень тебя жду. Приезжай поскорей.

- Малыш, я так рада тебя слышать, - воскликнула Мария, - через два дня я вылетаю к тебе. Еще немного и мы увидимся.

- Ура, - прокричал в трубку Борис, - значит, мы совсем скоро с тобой увидимся?

- Да, малыш, уже через четыре дня я смогу встретиться с тобой - подтвердила Мария.

- Мамочка, дорогая, я буду много-много раз целовать тебя, - прокричал Борис, - а еще я покажу тебе мои новые игрушки.

- Я с удовольствием поиграю ими вместе с тобой, - воскликнула Мария, - так что сообщи игрушкам, что скоро они встретятся с твоей мамой.

- Хорошо, - согласился Борис, - сегодня я им, обязательно, расскажу о тебе.

- Вот и здорово, - произнесла Мария, - а теперь передай, пожалуйста, трубку мистеру Страхову.

Малыш передал трубку Питеру, и тот услышал слова благодарности, которые Мария с особым чувством высказала ему.

Закончив разговор, Питер обернулся к малышу и еще раз подтвердил тот факт, что мама Мария через три дня прилетит в Америку и на следующий день встретится с Борисом.

Борис подошел к Питеру и, взяв за руку, его поблагодарил.

Джон с волнением наблюдал за этой трогательной сценой.

Попрощавшись с мальчиком, Джон и Питер покинули дом Владислава, чтобы через несколько дней приехать сюда уже вместе с Марией.

А тем временем, подготовленные российской прокуратурой материалы с просьбой об экстрадиции Владислава Погодина были переданы американским властям.

Американский суд в течение двух недель должен был рассмотреть полученные материалы и после этого вынести свой вердикт.

Владислав был вызван в полицию, где получил подписку о невыезде до официального решения американского суда.

Выйдя из полицейского участка, Владислав созвонился с одним из наиболее надоедливых журналистов и пригласил его на встречу. Таким журналистом был Стив Джонсон, известный изобретатель сенсационных откровений.

Стив, слегка удивившись столь неожиданному приглашению, приехал в назначенное время к Владиславу, и тот рассказал ему о том, что из российской прокуратуры в Америку пришли клеветнические, ничем не подтвержденные факты его профессиональной деятельности. Якобы он, занимаясь своим бизнесом, никогда не нарушал российское законодательство, но, в связи с новыми обстоятельствами, связанными с его сыном, на него подготовлен компромат и российские власти, всеми правдами и неправдами, хотят отобрать у него сына.

- Только этим можно объяснить появление в настоящий момент клеветнических материалов, которые российские власти сфабриковали против меня, - твердо заявил он, - им очень хочется отобрать у меня сына.

Почувяв интригу, которая принесет ему немалые дивиденды, Стив рьяно взялся за дело. Как же, да на этом деле можно замутить такое, что его пошатнувшийся рейтинг вновь полезет вверх.

На следующий день в СМИ появилась сенсационная информация, подготовленная Стивом. С ее помощью Стив информировал американский народ о новом коварном шаге русских правоохранительных органов, которые всеми правдами и неправдами пытаются отнять у добропорядочного отца недавно найденного им сына.

- Не успел еще отец насладиться радостной встречей с найденным сыном, - писал он, - как не имеющие ничего святого русские стремятся всячески его опорочить. И делают они это с одной только коварной целью, чтобы вновь отнять малыша у законопослушного отца. Я не могу об этом молчать, так как американский народ должен знать истинную причину сфабрикованного дела. Уверен, что наша демократия не даст в обиду мистера Погодина и его сына.

За статьей последовали публикации с мнением не менее решительных и сердобольных американцев, которые клеймили позором русские правоохранительные органы и предлагали решительно поддержать мистера Погодина и его сына.

Такая шумиха в американских и мировых СМИ могла самым серьезным образом повлиять на решение американского суда.

Стив и Владислав довольно потирали руки. Стив потому, что вновь стал автором сенсационного репортажа, всколыхнувшего всю Америку, а Владислав потому, что был уверен в своей защищенности.

Уверен, да не совсем.

Последнее известие о том, что Мария через три дня будет в Америке, серьезно подпортило его настроение, и он стал мысленно прокручивать возможные варианты.

- Если Мария приедет ко мне, - думал Владислав, - я буду вынужден допустить ее до сына. Как только я допущу ее до сына, их будет невозможно вновь разлучить. Мария больше ни на минуту не оставит Бориса, да сын и сам не отойдет от матери. Значит, уже через несколько дней я могу вновь потерять сына, так как присланные из России материалы уже скомпрометировали меня. Если пресса не сможет убедить общественное мнение в корыстном заговоре российских властей, то американский суд будет вынужден принять решение о моей экстрадиции и тогда, гуд бай Америка и нежелательная встреча с правоохранительными органами в России, а такая встреча ничего хорошего мне не сулит.

Финал может быть один, нет два – или смертная казнь, или пожизненное заключение. А это мне нужно? Не для того я зарабатывал свои миллионы. Не для такой жизни я рожден на этой Земле.

Владислав подошел к бару, вынул бутылку виски и прямо из горлышка отпил из нее внушительный глоток.

- Нет, - мысленно заявил он, - я так просто не сдамся. Я не хочу уезжать из Америки. Я не хочу вновь потерять своего сына. Куда мне одному такие огромные деньги. Нет, господа хорошие, вы еще плохо знаете Владислава Погодина. Владислав Погодин сумеет защитить себя. Владислав вновь хлебнул из бутылки и в забытьи упал на тахту.

XXXXVII

В субботу вечером американский Боинг – 737, на котором летела Мария, своевременно приземлился в нью-йоркском аэропорту.

Марию встречали представитель российского посольства и масса поклонников ее таланта.

Не обошлось и без журналистов, которые налетели с вопросами на растерянную Марию.

Представитель посольства постарался скорей увести Марию из поля зрения настойчивых журналистов. Он довез ее до отеля, в котором Мария должна была сегодня переночевать, и посоветовал ей не выходить без надобности из номера.

Через час Марию посетили Джон и Питер. Они еще раз рассказали о мальчике и выразили свое согласие отвезти завтра Марию в город, где малыш в настоящее время и находится.

Ей уже сейчас хотелось выехать из Нью-Йорка, но внимательный Питер посоветовал ей сегодня отдохнуть с дороги и только утром выехать к малышу.

Мария согласилась с доводами Питера, так как ей самой хотелось появиться перед малышом отдохнувшей и бодрой.

Приняв душ, Мария легла на широкую постель и постаралась тут же уснуть, но сон никак не приходил.

Слишком много эмоциональных потрясений ей пришлось пережить за последние часы.

Это и набег журналистов, которые задавали ей какие-то дурацкие вопросы:

- Зачем Вы прилетели в Америку?
- А ждет ли Вас сын?
- Удастся ли Вам отнять сына у его законного отца?
- Что за дело было сфабриковано русскими?

Кстати, по поводу дела.

За день до вылета в Америку ее вызвали к следователю и сообщили о том, что ее муж был одним из участников преступной деятельности агентства «Улетная недвижимость». Он обвиняется в семи злостных преступлениях, которые связаны с убийством незащищенных клиентов агентства.

Кроме того, ему предъявлены обвинения в нарушении налогового законодательства и хищении средств в особо крупных размерах.

Следователь посоветовал ей поговорить с мужем и убедить его добровольно вернуться в Россию, что, в дальнейшем, может быть истолковано следственными органами как явка с повинной. А это существенным образом сможет повлиять на заключительный приговор.

- Что касается сына, – подумала Мария, - я не собираюсь ни у кого его отнимать. Он мой и только мой. Сбежав в Америку, Влад сам от него отказался, поэтому сын принадлежит мне и только мне.

Мария перевернулась на другой бок, закрыла утомленные глаза и, увидев счастливое лицо сына, уснула безмятежным сном.

Утром ее разбудил звонок Питера. Он пожелал ей доброго утра и сообщил о том, что в дальний путь они тронутся через два с половиной часа. Мария тут же встала, сходила под теплый душ, привела себя в порядок и заказала завтрак.

Через десять минут завтрак был доставлен в ее номер, и она с удовольствием съела яичницу с беконом, запив его свежавыжатым апельсиновым соком.

Ровно в десять часов утра в ее номер постучали и, получив разрешение, вошли сдержанный Джон и улыбающийся Питер.

- Госпожа Погодина, - произнес Питер, - машина подана, водитель ждет Ваших указаний.

- Уважаемый водитель, - улыбнувшись, ответила Мария, - указание было еще вчера. Мы немедленно выезжаем к сыну.

Джон подхватил у Марии большую дорожную сумку, а улыбающийся Питер поспешил вызвать кабину лифта. Недремлющие журналисты попытались вновь окружить Марию, но Питер и Джон постарались отгородить ее от их навязчивого присутствия.

Сев в машину, они еще раз посмотрели на просыпающийся отель, и Питер нажал на педаль газа. Машина с ускорением отъехала от отеля, чтобы через час выехать на автостраду, ведущую строго на юг.

Питер и Джон наперебой рассказывали Марии о местных достопримечательностях, мимо которых они в данный момент проезжали.

- Это Wall Street – индикатор и определяющий фактор американской и мировой экономики - сообщил Джон.

- А это 5-ая авеню со знаменитым Empire State Building и Рокфеллер-центром - вторил ему Питер.

- Неужели это знаменитая статуя свободы? – спрашивала Мария.

- Конечно, - отвечал ей Джон.

- А это не менее известная достопримечательность Нью-Йорка - Madison Square Garden - говорил Питер.

- China Town – самый большой китайский город вне Китая - сообщил Джон.

Так они доехали до окраины Нью-Йорка, и машина полетела по ровной и прямой автостраде, ведущей строго на юг.

Через шесть часов Марии предстояло встретиться со своим малышом.

Всю дорогу до городка Питер и Джон, перебивая друг друга, рассказывали Марии о своих встречах с Борисом. Особенно красочно об этом рассказывал Питер. По его словам и интонации было видно, что мальчик ему очень понравился.

- Мария, - говорил Питер, - Ваш малыш очень тонко разбирается в людях, у него не по годам развито чувство справедливости. Он открыт и бескорыстен. Мне кажется, что этими чертами он очень похож на Вас.

- Питер, откуда Вам-то знать о моих чертах? – спросила Мария, - Вы же видели меня только на сцене?

- Мария, неужели Вы меня не помните? – спросил взволнованный Питер, - я же учился с Вами в одной школе.

- В одной школе? – переспросила Мария, - простите меня, дорогой Питер, но я, действительно, не помню об этом.

- Да, я учился в параллельном классе той же школы, что и Вы, - воскликнул Питер, - в пятом классе Петька Страхов пытался ухлестывать за Вами и даже пошел в драматический кружок, чтобы чаще видеть Вас.

- Петька Страхов? – переспросила Мария, - в школе за мной пытались ухаживать мальчишки не только нашего класса, но я не могу вспомнить о Ваших ухаживаниях. Джон, не понимая ни слова, попытался что-то сказать Питеру, но тот, извинившись за свой длинный монолог, начал свой рассказ:

- Мария, в пятом классе я специально пошел в драматический кружок, чтобы быть рядом с Вами. Если помните, мы репетировали тогда спектакль по повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Вы играли Женю, а мне досталась роль Мишки Квакина, которую я совсем не хотел играть, но на роль Тимура, по мнению учительницы литературы, я не подходил.

- Да, да, - перебила его Мария, - кажется, вспоминаю. Вы были маленьким и худеньким мальчиком, от которого всегда пахло каким-то вонючим табаком.

- Да, я, действительно, начал покуривать уже в одиннадцать лет, - согласился Питер, - Один раз, провожая Вас после спектакля до дома, я вынул из кармана пачку «Примы» и попытался закурить. Увидев это, Вы мне дерзко сказали:

- Петька, мне очень противны те мальчики, которые курят и все время плюют себе под ноги.

Сказав это, Вы тут же забежали в свой подъезд. После этого я выкурил подряд две сигареты и уже никогда не появился на репетиции драматического кружка.

- Простите меня, Питер, - произнесла Мария, - но мне, действительно, не нравились курящие мальчики. Я очень сожалею о том, что обидела тогда Вас.

- Ну, что Вы, Мария – перебил ее Питер, - я сам себе в то время не очень-то нравился. Просто мне тогда хотелось быстрее стать взрослым. Я думал, что с сигаретой это удастся сделать значительно проще.

Питер внимательно посмотрел на Марию и продолжил свой рассказ:

- На репетицию я больше не пришел, но продолжал следить за Вами и даже написал свои первые дурацкие стихи, посвятив их Вам. Вы, конечно, не замечали моих взглядов, не чувствовали моего зовущего биополя. Да и я тогда смалодушничал. Мне бы продолжить попытки ухаживать за Вами, а я, обидевшись, назло Вам, стал встречаться с Катькой Абакумовой, которая в будущем так и не стала моей женой.

После восьмого класса я ушел из школы в ПТУ, потом завод, потом вечернее отделение института, должность начальника цеха того же завода. И все это время я думал о Вас и мысленно общался с Вами. Свои мысли я

рифмовал и, еще учась в институте, хронически заболел поэзией. С большим трудом мне удалось опубликовать в Ленинграде три своих сборника, но поэзия в России сегодня не в почете и реализовать себя, как поэт, я там так и не смог. Живя в России, я не пропускал ни одного спектакля с Вашим участием, а когда Вы вышли замуж, я принял окончательное решение покинуть Россию. Здесь в Америке в полной мере раскрылся мой поэтический талант и только потому, что мои стихи здесь любят. Я чувствую здесь свою нужность и востребованность, а именно этого я не ощущал на своей любимой Родине. Когда Ваш театр приезжает в Америку, я хожу на все Ваши спектакли и мысленно восхищаюсь Вами, моя милая Мария.

- Питер, - воскликнула Мария, - еще раз простите меня, за причиненную боль, но, видит бог, это было сделано мной не по злему умыслу.

- Дорогая, Мария, - произнес Питер, - Вы ни в чем передо мной не виноваты. А что касается боли, то любви без боли не бывает. Я Вас люблю и, несмотря ни на что, буду всегда любить Вас.

- Питер, - попросила Мария, - давайте не будем сейчас говорить о любви, и, все же, большое спасибо Вам за эти слова.

Все это время ничего не понимающий Джон с интересом наблюдал за диалогом двух русских, а когда Мария закончила последнюю фразу, он по-английски спросил:

- Питер, а что по-русски значит слово «любовь»?

- Любовь, Джон, - это love, от которой у людей, как в Америке, так и в России, начинают учащенно биться сердца и вырастают за спиной большущие крылья, с помощью которых человек совершает свои великие дела.

- Love – любовь, love – любовь – повторил Джон, - это очень хорошо, Питер.

Так, за разговором они доехали до городка, где их с нетерпением ждал маленький человек по имени Борис.

XXXXVIII

Подъехав к дому Владислава, Джон, Питер и Мария вышли из машины, размяли свои отекавшие ноги и направились в сторону двери.

Войдя во двор, они услышали громкий крик

Владислава:

- Если Вы хотите, чтобы Борис остался живым, не подходите к дому. Вызовите сейчас же журналистов, я хочу сделать официальное заявление.

Переглянувшись друг с другом, пришедшие резко остановились, и Мария попробовала спокойно поговорить со своим мужем:

- Влад, что с тобой. Я прилетела сюда, чтобы увидеть своего малыша. Почему ты не хочешь, чтобы мы вошли в твой дом?

- Я ничего не хочу говорить, - резко крикнул им Владислав, - если вы хотите, чтобы мальчик остался жив, вызовите журналистов.

- Влад, - попробовала еще раз успокоить мужа Мария, - давай поговорим спокойно. Я только посмотрю на Бориса, скажу ему несколько слов и буду готова обсудить с тобой возникшую ситуацию. Дай мне возможность встретиться с малышом.

- Нет и еще раз нет, - воскликнул Владислав, - ни о какой встрече не может быть и речи. Журналистов сюда. Я хочу сделать официальное заявление.

Питер тоже попробовал успокоить Владислава, но тот обозвал его «говнюком» и велел не совать нос, куда не следует.

Поняв, что успокоить хозяина дома им не удастся, они решили выполнить первое условие подвыпившего Владислава.

Джон поехал в полицейский участок и сообщил там о случившемся.

Срочно были оповещены сотрудники местных СМИ, которые незамедлительно приехали к дому Владислава. Десятки телевизионных камер направили свои объективы на дом Владислава, корреспонденты приготовились к его монологу.

Владислав, глотнув виски, произнес:

- Я, Владислав Погодин, хочу сделать официальное заявление. Если меня не оставят в покое, я убью своего сына и покончу с собой. Сына я никому не отдам и просто так сдаваться властям не намерен.

- Господин Погодин, - обратилась к нему одна из местных журналисток, - чем вызвано высказанное Вами решение?

- А тем, что меня хотят арестовать по ложным обвинениям, которые пришли от российских костоломов, - воскликнул Владислав, - а сына моего стремятся вырвать из моих рук и передать вот этой недостойной его женщине.

Сказав это, Владислав указал на Марию.

На некоторое время внимание журналистов переключилось на расстроенную Марию:

- Госпожа Погодина! Почему Ваш муж не хочет допустить Вас до сына?

- Уважаемые журналисты! – начала Мария, - прибывая в Америку, я даже в мыслях не могла представить себе такой встречи. Я думала, что мы встретимся с мужем и

в спокойной обстановке обсудим наши дальнейшие отношения. Да, я приехала за похищенным малышом и буду вам очень признательна, если вы поможете мне встретиться с ним. Я готова сейчас же пройти к Владиславу, чтобы попытаться успокоить его и решить цивилизованно все проблемы.

- Мистер Погодин, - обратилась к Владиславу другая журналистка, - а почему бы Вам не переговорить с женой без свидетелей?

- Никаких разговоров, - крикнул Владислав, - только два судебных решения меня могут удовлетворить. Первое - о моих и только моих правах на сына и второе - о моей невиновности и защите меня от произвола российских властей. Только эти два условия и никаких переговоров.

- Мистер Погодин, - не унималась журналистка, - но Ваша жена имеет не меньшие права на маленького мальчика. Почему бы Вам не допустить ее до малыша?

- Никаких прав моя жена на ребенка не имеет, - рявкнул Владислав, - после того, как она оклеветала любящего ее мужа, Мария недостойна называться матерью.

Услышав такие слова, Мария воскликнула:

- Владислав, как ты можешь так говорить. О какой клевете идет речь?

- Хватит болтать, - прокричал Владислав, - или выполняются все мои требования, или ты никогда не увидишь Бориса.

Мария хотела переговорить с полицейскими, но Питер остановил ее и сам решил пообщаться со стражами порядка.

Подойдя к одному из сотрудников полиции, Питер произнес:

- Добрый день! Меня зовут Питер Страхофф. Я хочу прояснить ситуацию, чтобы в дальнейшем оказать посильную помощь Вашим сотрудникам.

- Майкл Форман, – представился блюститель порядка, - руководитель отдела криминальной полиции штата. Что Вы можете рассказать о хозяине дома?

Питер рассказал Форману о Владиславе и его жене и попросил Майкла сделать все, чтобы не допустить гибели малыша.

Майкл, выслушав Питера, обещал сделать все возможное, чтобы поскорее урегулировать возникший конфликт.

Питер вернулся к Марии и Джону и попытался их успокоить. Если Джон был уверен в том, что полиция приложит все свои силы, чтобы выручить мальчика, то Мария серьезно сомневалась в способностях полицейских.

Журналисты продолжали задавать Владиславу интересующие их вопросы, а сотрудники полиции решали сложную головоломку по освобождению без кровопролития маленького мальчика, удерживаемого в доме.

Оставлять малыша в доме один на один с подвыпившим хозяином было очень рискованно, поэтому освободить его нужно было как можно скорее.

Общаясь с Марией, Питер вспомнил о том, что на другой стороне дома имеется еще одна дверь, через которую они недавно выходили на лужайку, где играл маленький мальчик. Вспомнил он и о том, что замок на этой двери держался всего на двух винтах.

Недолго думая, Питер прошел в соседний дом и, договорившись с хозяевами, вышел на другую сторону дома. Дом и с этой стороны был окружен полицейскими, которые обсуждали варианты захвата. Владислав, еще раз отхлебнув из бутылки, продолжал общаться с журналистами, не забывая посматривать на привязанного к кровати Бориса.

В руках у него кроме бутылки виски был еще кольт, которым он размахивал в подтверждение серьезности высказываемых им угроз.

Уставший Борис уже никак не реагировал на слова Владислава, его заплаканные глаза не выражали никаких эмоций.

Перекинувшись несколькими словами с полицейскими, Питер осторожно подошел к двери и, надавив на нее плечом, сумел со второго раза ее открыть. Пройдя через кухню к лестнице, он еще раз представил себе расположение комнат и потихоньку стал подниматься по ступенькам лестницы.

Ему были слышны выкрики пьяного Владислава, его угрозы в адрес Марии и сына.

Войдя на второй этаж, Питер перевел дух и, стараясь не шуметь, подошел к приоткрытой двери, ведущей в спальню Бориса. Заглянув в комнату, он увидел свесившегося из окна Владислава и Бориса, который с заклеенным скотчем ртом сидел возле кровати.

Увидев Питера, мальчик встрепенулся и, если бы не скотч, закричал бы сейчас во все горло.

Питер, прижав палец к своим губам, дал понять Борису, чтобы тот не реагировал так шумно на его появление.

Владислав, выкрикнув очередную угрозу в сторону полицейских и журналистов, обернулся, еще раз отпил из бутылки и, убедившись в том, что мальчик на месте, вновь выглянул в окно.

Улучив момент, Питер тихо прокрался к Борису и попытался освободить его, но крепкий узел никак не хотел поддаваться.

Услышав за спиной шум, Владислав обернулся и, грязно выругавшись, выстрелил из своего пистолета. Питер успел накрыть своим телом малыша, его тело обмякло, и на спине появилось красное пятно.

Подоспевший Майкл Форман без предупреждения разрядил свою обойму во Владислава. Владислав дико заорал и медленно осел на окровавленный пол.

Майкл подошел к кровати, осмотрел Питера и тут же вызвал по рации врача.

Вслед за медицинским персоналом в дом устремились полицейские и журналисты.

Джон схватил Марию за руку и потащил ее к дому. В ее голове роились беспокойные мысли о самом худшем, что могло случиться в доме, а как же иначе, ведь она слышала несколько выстрелов.

Комната была окружена полицейскими, которые не пускали туда посторонних, и как Мария ни рвалась, ей тоже не удалось пройти к своему малышу.

Через несколько минут из комнаты вынесли носилки с окровавленным Питером. Медики торопливо отнесли его в машину, которая тут же помчалась в направлении госпиталя. Затем мимо журналистов пронесли тело Владислава, и только потом из комнаты вышел Майкл Форман, ведя за руку напуганного и испачканного кровью Бориса. Увидев маму, мальчик вырвался из рук Майкла и бросился к ней:

- Мама, мамочка, ты, наконец, приехала. Я так долго тебя ждал.

Мария прижала к себе дрожащего малыша и стала целовать его, приговаривая:

- Мальчик мой, мы теперь никогда не расстанемся. Мама больше не даст тебя в обиду. Малыш мой любимый.

Операторы навели на них свои камеры, фотографии ослепили вспышками, а неутомные журналисты, перекрикивая друг друга, пытались задать Марии свои каверзные вопросы.

Джон подошел к Майклу и спросил его о состоянии Питера.

- Состояние тяжелое, пуля прошла под левой лопаткой,
- ответил Майкл, - но, будем надеяться, что врачи сумеют его поднять на ноги.

Джон подошел к атакованной журналистами Марии и, взяв малыша на руки, пошел вместе с ней к выходу.

Майкл Форман передал Марии свою визитку и попросил связаться с ним на следующий день.

Джон усадил Марию с Борисом в машину, и они поехали в сторону госпиталя.

Обняв Бориса, Мария тихо нашептывала ему о том, что в Петербурге все с нетерпением ждут его возвращения.

- И бабушка ждет? - спросил Борис.

- И бабушка ждет, и Григорий Кузьмич ждет, - перечисляла ему Мария, - и все твои садиковские друзья ждут.

- А дядя Андрей ждет? - вновь спросил Борис.

- И дядя Андрей ждет, - ответила Мария, - мы к нему обязательно съездим.

В госпитале нашлась медсестра, которая неплохо говорила по-русски, и с помощью ее Марии удалось пообщаться с одним из докторов.

Доктор сообщил Марии о том, что они только что извлекли из тела Питера пулю. Пациент потерял много крови, но через две недели врачи смогут поднять его на ноги.

Встретиться с Питером можно будет уже через день.

Выйдя из госпиталя, Мария позвонила в Петербург, сообщила Алине Георгиевне о том, что Борис находится рядом с ней, что у них все хорошо, но вернуться в Петербург они смогут только через неделю.

Сообщив это, она передала трубку Борису, и тот с удовольствием пообщался со своей любимой бабушкой.

После этого Джон хотел отвезти их в дом Владислава, но Мария категорично отказалась от его предложения и попросила довести их до ближайшей гостиницы.

Поселившись в номере, она сбросила с Бориса запачканную кровью одежду, помыла его и одела во все новое.

Сияющий Борис смотрел на свою маму и говорил ей о том, как скучал по ней все эти дни, а довольная мама, не перебивая, слушала щебетание малыша и блаженная успокоенность разливалась по всему ее телу.

- Как хорошо, что ты у меня есть, - думала Мария, глядя на мальчика, - как хорошо, что мы вновь вместе.

Так, обнявшись, они и уснули на широкой гостиничной кровати. Малыш во сне нервно вздрагивал, но тут же успокаивался, плотнее прижимаясь к своей родной мамочке.

XXXXIX

На следующий день к Марии приехал Джон и привез еще одного почитателя ее таланта. Мужчину, выходца из России, звали Сержем. Представившись, Серж сообщил Марии, что пока она в Америке, он готов сопровождать ее, выполняя обязанности гида и переводчика.

Вместе с Сержем они проехали в полицейское управление на встречу с Майклом Форманом.

Майкл Форман задал Марии несколько вопросов, которые касались деятельности ее мужа, о которой Мария почти ничего не знала.

Информацию, недавно полученную от следователя в России, она решила не доводить до Формана, так как еще сама не была уверена в ее объективности.

На вопрос о месте захоронения Владислава, она категорично ответила, что только в России должен быть погребен ее муж. В связи с этим она попросила Майкла Формана о содействии в деле транспортировки тела ее мужа в Россию.

Задав еще несколько вопросов, Майкл Форман извинился перед Марией за вынужденную беседу и, пообещав утрясти все дела, проводил ее до двери. На улице солнечные лучи старались побольнее ужалить незащищенные части людских тел, легкий ветерок нехотя тормозил распаренный воздух, создавая иллюзию освежающего дуновения.

Южный городок жил своей умиротворенной жизнью. Со стороны казалось, что улицы вымерли, и ты находишься в городе – призраке, давно уже утонувшем в знойном воздушном море. Даже пальмы уныло свесили со своих верхушек усыхающие космы, словно стеснялись своих худосочных теней.

Серж помог Марии и Борису сесть в машину и предложил им прокатиться до ближайшего бассейна.

Там они удобно разместились в тени разноцветных тентов, заказали прохладную колу и сок для Бориса.

- Мама, - спросил Борис, - я могу съехать с водяной горки?

- Конечно, мой мальчик, - ответила Мария, - только будь аккуратен.

Получив разрешение, обрадованный Борис побежал к горке и, взяв одну из ватрушек, забрался на самый верх.

Сев на ватрушку, он помахал маме рукой и с визгом съехал по водяной струе. Внизу он вновь посмотрел на маму, и Мария помахала ему в ответ.

- Какой хороший у Вас сын, - произнес Серж, - я очень рад, что Вы снова вместе.

- Серж, Вы посмотрите, как он радуется, съезжая с горки, - воскликнула Мария, - мой малыш снова со мной, и теперь нас никто не сможет разлучить.

- Конечно, не сможет, - согласился с ней Серж, - не думайте о плохом, мы не дадим вас в обиду. Если бы Вы только знали, как переживал за Вас Питер. Побывав в доме у Владислава и увидев малыша, он принял все близко к сердцу. В последние дни он только и говорил о Борисе, делая все, чтобы хоть как-то облегчить его судьбу.

- Да, я очень ему благодарна, - воскликнула Мария, - с его помощью мне удалось пообщаться с сыном. А вчера, рискуя своей жизнью, он спас моего малыша.

- Интересно, как он там, в госпитале? - спросил Серж.

- Завтра мы с Борисом обязательно к нему съездим, - произнесла Мария, - а Вы давно знакомы с Петром?

- С Петром, - переспросил Серж, - мне уже так непривычно слышать русское произношение. Я Петра знаю уже более трех лет. Это бескорыстный и отзывчивый человек. А какие стихи он пишет.

И Серж прочел:

Песня утренней капли –
Солнечная звень.
Птицы с юга прилетели,
Знать весенний день.
Раскрасневшиеся лица,
Шляпки набекрень.
Солнце просит веселиться
Всех, кому не лень.
Словно юные невесты
Яблони в саду.
Подмигни любовной вестью,
Я к тебе приду.

Зацелую в одночасье,
Ласка на губах.
Вот оно – земное счастье,
Вот она – судьба.

- В большинстве его стихотворений – продолжал Серж,
- звучит ностальгия по Родине, а это ли не показатель
одного из лучших человеческих качеств. Тем более, что
это не банальная тоска, а истинная любовь к своей
отчизне.

Жует вечерняя прохлада без разбору
Листву опавшую и вялую траву.
Иду к околице, дышу сосновым бором.
Над бором звезды разбавляют синеву.

На глади озера парчевую дорожку
Луна – волшебница лучами соткала.
Она подсвечивает звездную мережку,
В которой плещутся плотвичка и голавль

Питает бодростью вечерняя прохлада,
Наводит рифму на меня сосновый бор.
Родная Русь! Другого счастья мне не надо,
А в этом счастье невозможен перебор.

- Много стихов Страхов посвятил русским женщинам, –
сказал Серж, - точнее женщине, любовь к которой он
несет уже много-много лет.

День зимний короток,
закат еще короче,
Но темень радостней
от снежной белизны.

Мне темень скорое
свидание пророчит
Вечерней песней
несравненной новизны.

Поет тропинка,
припорошенная снегом
Под легкой поступью
знакомых каблучков.
Луна-проказница
посматривает с неба
На обладательницу
песенных шагов.

А в песне слышатся
счастливая готовность
И нескончаемая
радость бытия.
Любви не свойственна
унылая условность
В той белизне,
в которой только ты и я.

- Какие хорошие стихи, - воскликнула Мария, - а Петр не говорил, кому посвящены его стихи?

- Нет, о своей любви Петр говорит только в стихах, - сообщил Серж, - в компании он не любит делиться своими переживаниями.

- Да, - задумчиво произнесла Мария, - как иногда трудно понять человеческую душу. Серж, а откуда Вы так хорошо знаете его стихи?

- Просто, Петр не любит читать своих стихов, - ответил Серж, - а я, любя его поэзию, знакомлю с ней всех наших друзей.

- Ну, что ж, - произнесла Мария, - давайте собираться, а то мой малыш совсем сгорит.

- Борис, - позвала она малыша, - нам пора в гостиницу. А завтра мы обязательно навестим в госпитале Питера. Услышав знакомое имя, Борис подбежал к маме и стал быстро собираться в гостиницу.

В гостинице Серж попробовал пригласить Марию на ужин, но та тактично отказалась, сославшись на то, что хочет побыть с сыном наедине.

Серж неохотно раскланялся, пообещав приехать завтра часам к десяти.

Оставшись одни, мама с сыном заказали в номер ужин, а, поужинав, позвонили в Петербург. На другом конце им заспанным голосом ответила Алина Георгиевна, но, узнав, кто звонит, тут же разбудила Григория Кузьмича, и тот долго разговаривал с маленьким Борисом.

Закончив разговор, Борис передал трубку маме и произнес:

- Мама, в Петербурге нас уже все заждались.

- Еще немного и мы с тобой увидим наш Петербург, - пообещала Мария, - а теперь давай спать. Утро вечера мудренее.

В десять утра Серж, как и обещал, постучался в их номер и в ответ услышал бодрый голос Бориса:

- Можете войти.

Войдя в номер, он увидел аккуратно одетого Бориса и Марию, которая показалась Сержу необычайно красивой.

- Мария, Вы сегодня просто великолепны, - воскликнул он, - думаю, что Питер, увидев Вас, попытается тут же встать со своей больничной койки.

- Буду очень рада, если мой внешний вид поспособствует быстрому излечению Петра - улыбнувшись, ответила Мария.

Через полчаса они приехали в госпиталь, и медсестра проводила их в палату Питера.

Питер лежал с закрытыми глазами на больничной койке, но, услышав шум, открыл их и увидел Марию. Да, да, сначала он увидел восхитительную Марию, которую любил все эти годы.

Мария подошла к кровати и, поздоровавшись, положила свою теплую ладонь на большую ладонь Питера. В знак благодарности, он нежно сжал ее ладонь и что-то прошептал своими пересохшими губами.

Борис осторожно подошел к изголовью кровати и погладил Питера по щеке:

- Питер, выздоравливай, пожалуйста. Я тебя очень люблю.

- Я тебя тоже очень люблю, - тихо произнес Питер, и в уголках его глаз что-то предательски блеснуло.

- Петр, - воскликнула Мария, - скажи, пожалуйста, как ты себя чувствуешь?

Петр посмотрел на Марию и произнес:

- Как хорошо ты меня назвала, я уже начал отвыкать от такого произношения. Сегодня я уже не чувствую той слабости, которая была вчера. Думаю, что совсем скоро я смогу покинуть эту больничную палату.

- Петр, только, пожалуйста, долечись, - воскликнула Мария, - а уж потом покидай госпиталь. Мы с Борисом пробудем здесь еще четыре дня, и каждый день будем обязательно тебя навещать. Верно, Борис?

- Да, мама, - поддержал Марию Борис, - мы обязательно будем к тебе приезжать.

- Спасибо вам, мои дорогие, - поблагодарил их Петр, - спасибо тебе, малыш.

- Это тебе спасибо, Петр – смутившись, произнесла Мария, - мы благодарны тебе за то, что ты сделал для нас.

- А что тебе в следующий раз принести? – спросил Борис.

- Малыш, мне ничего приносить не надо, – улыбнувшись, сказал Петр, - здесь все у меня есть, просто приходите и все.

- Нет уж, нет уж, - воскликнул Борис, - завтра я привезу тебе робота, чтобы он ухаживал за тобой. А еще я привезу тебе много сока. Мама говорит, что сок делает человека сильным и здоровым.

- Ну, если мама так говорит, - улыбнувшись, произнес Петр, - тогда соку мне обязательно привези.

Сказав это, Петр посмотрел на Марию и еще раз сжал ее теплую ладонь. В этот раз Мария ответила ему тем же.

- Ну, что ж, не будем тебя больше утомлять, - тихо произнесла Мария, - попробуй сейчас уснуть, крепкий сон ускоряет процесс выздоровления.

Все это время Серж стоял в стороне и даже не пытался вступать в разговор, и только после слов Марии он добавил:

- И пусть приснится тебе что-нибудь веселенькое.

- Спасибо, Серж, спасибо, Мария, спасибо Борис, - поблагодарил присутствующих Петр, - с вашей поддержкой я обязательно поправлюсь.

Простившись с Петром, гости покинули больничную палату, чтобы завтра вновь прийти и принести с собой живительные минуты общения и поддержки.

XXXXX

Четыре дня пролетели незаметно. И вот настал день отлета Марии и Бориса в Россию.

Ранним утром Мария с Борисом приехали в госпиталь к Петру, чтобы проститься с ним и пожелать ему скорейшего выздоровления.

На прощание Борис сказал следующее:

- Петр, приезжай скорее к нам в гости, мы тебя будем очень ждать.

Выслушав слова малыша, Петр посмотрел на Марию и та, в знак согласия, кивнула ему головой, потом наклонилась и поцеловала его в пересохшие губы.

- Приезжай, я тебя очень буду ждать, - шепнула она Петру.

Петр попытался поднять свою голову, но Мария остановила его порыв и еще раз нежно поцеловала.

Вечером самолет американской авиакомпании поднялся в воздух, чтобы через двенадцать часов приземлиться в аэропорту Санкт-Петербурга. На его борту, кроме пассажиров, находился гроб с телом Владислава Погодина, человека, которого Россия хотела видеть живым, чтобы спросить с него по всей строгости закона. Но судьба распорядилась так, как распорядилась, пусть же российская земля будет ему, если не пухом, то хотя бы не щепнем.

В аэропорту Санкт-Петербурга Марию с Борисом, кроме Алины Георгиевны и Григория Кузьмича, встречали представители театральной интеллигенции и почитатели ее таланта. Не обошлось и без журналистов, которые тут же окружили ее:

- Госпожа Погодина, что случилось в Америке?

- Мария, как встретила Вас Америка?

- Что Вы думаете о случившемся?

и т.д. и т.п.

Григорий Кузьмич, с помощью поклонников, отбил Марию у журналистов и вместе с Борисом проводил в свой автомобиль.

Впереди был родной город с его доброжелательными жителями и своеобразной атмосферой отзывчивости и интеллигентности.

Город, который невозможно не любить и в который
нужно обязательно возвращаться.

Здравствуй, родной Петербург!

Здравствуй, своенравная Нева! Я снова с вами, мы снова
вместе.